

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

№ 6 (755) 2020

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный
редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА
(Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ
(Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД
(Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА
(Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером
работали:

А.В. ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый
зам. главного редактора
Н.В. ЕСЕНКИНА,
зав. редакцией
Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 5.06.2020. Формат 60x88 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 230 экз. Цифровая печать. Заказ 1/6а. Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».

105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS

№ 6 (755) 2020

TOP PROBLEM

- Alexei M. Vasiliev, Leonid M. Issaev, Alexander A. Tkachenko, Vladimir Yu. Kukushkin, Natalia A. Zherlitsyna.** Libya and interests of Russia **4**

POLITICS, ECONOMICS

Islam, Islamism and extremism

- Boris V. Dolgov.** Crisis in the Arabic world and the political Islam **14**
- Alexander A. Tkachenko, Konstantin A. Tkachenko.** The renovation processes in the Middle East and North Africa in the 21 century **21**
- Olga L. Fituni.** Chinese diaspora in Africa: Spatial evolution and stages of development. Part 1 **29**
- Tatiana S. Rudneva.** Failure of EU conditionality in Turkey: positive conditionality, negative result **37**
- Olga S. Kulkova.** EU Emergency Trust Fund for Africa (and its contribution to the development assistance to the North African countries) **43**
- Elizaveta A. Iakimova.** Cryptocurrencies in Israel **52**

SCIENTIFIC LIFE

- Maria V. Nikolaeva.** Friends' faces (anniversary of Mikhail Nuaim in Moscow) **60**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Natalia P. Leshakova.** Development of "smart factories" in the Republic of Korea **63**

RELIGION, BELIEFS, CULTS

- Margarita F. Albedil.** The most famous Shiva shrine **69**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Victoria N. Zarytovskaya.** Short list of Arab Boker-2020: between experiment and classical historical novel **74**

BOOK REVIEW

- Sergei N. Volkov.** African sprouts of the fourth industrial revolution **78**

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.**
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

*On the cover: Kinkakuji (Golden Pavilion), Kyoto, Japan
(photo by Nataliya Dvornik).*

СОДЕРЖАНИЕ

№ 6 (755) 2020

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Васильев А.М., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Кукушкин В.Ю., Жерлицына Н.А.**
Ситуация в Ливии и интересы России **4**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Ислам, исламизм и экстремизм

- Долгов Б.В.** Кризис в арабском мире и политический ислам **14**
Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. The renovation processes in the Middle East
and North Africa in the 21 century **21**
Фитуни О.Л. Китайская диаспора Африки: пространственная эволюция и этапы
развития. Статья 1 **29**
Rudneva T.S. Failure of EU conditionality in Turkey: Positive conditionality, negative result **37**
Кулькова О.М. Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки (и его вклад в содействие
развитию североафриканских государств) **43**
Якимова Е.А. Криптовалюты в Израиле **52**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Николаева М.В.** Лица друзей (юбилей Михаила Нуайме в Москве) **60**

Трибуна соискателя

- Лешакова Н.П.** Создание «умных производств» в Республике Корея **63**

РЕЛИГИЯ, ВЕРОВАНИЯ, КУЛЬТЫ

- Альбедиль М.Ф.** (Санкт-Петербург). Самая знаменитая шиваитская святыня **69**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Зарытовская В.Н.** Шорт-лист Арабского Букера-2020: между экспериментом
и классическим историческим романом **74**

РЕЦЕНЗИИ

- Волков С.Н.** Африканские ростки четвертой промышленной революции **78**

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 6910270
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

*На первой полосе обложки: Кинкаку-дзи (Золотой
павильон), Киото, Япония (фото Н. Дворник).*

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

СИТУАЦИЯ В ЛИВИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

© 2020 А. ВАСИЛЬЕВ, Л. ИСАЕВ, А. ТКАЧЕНКО, В. КУКУШКИН, Н. ЖЕРЛИЦЫНА

DOI: 10.31857/S032150750009872-1

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (dir@inafr.ru)

ИСАЕВ Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН (isleonid@yandex.ru)

ТКАЧЕНКО Александр Алексеевич, к.э.н., заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога ИАФР РАН (alexander.tkaachenko@inafr.ru)

КУКУШКИН Владимир Юрьевич, к.э.н., ст.н.с. ИАФР РАН (kukushkin2003@yahoo.com; vlurk@yandex.ru)

ЖЕРЛИЦЫНА Наталья Александровна, к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН; доцент РУДН (ns_inafr@mail.ru)

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. После убийства М.Каддафи Ливия распалась на конгломерат из нескольких квазигосударств, созданных оппозицией различных цветов и оттенков, враждующих между собой крупных территориальных фрагментов или центров организованного насилия, иногда даже претендующих на государственный статус, и бесчисленное количество мелких образований. Линии дезинтеграции прошли по административным границам трех областей - Триполитании, Киренаике, Феццан. Развал государственности и безопасности углубился настолько, что страна стала ареной регионального и международного соперничества.

Ключевые слова: Ливия, Каддафи, гражданская война, «арабская весна», Россия

LIBYA AND INTERESTS OF RUSSIA

Alexei M. VASILIEV, member, Russian Academy of Sciences (RAS); honorary President, Institute for African Studies, RAS; Head, Chair, African and Arab Studies, Russia's Friendship University (RUDN University); Editor-in-Chief, "Aziya i Afrika segodnya" journal (dir@inafr.ru)

Leonid M. ISSAEV, PhD (Political Science), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS, and RUDN University (isleonid@yandex.ru)

Alexander A. TKACHENKO, PhD (Economics), Head, Center of North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, RAS (alexander.tkaachenko@inafr.ru)

Vladimir Yu. KUKUSHKIN, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS (kukushkin2003@yahoo.com; vlurk@yandex.ru)

Natalia A. ZHERLITSYNA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS; Associated Professor, RUDN University (ns_inafr@mail.ru)

Abstract. Currently, there are two opposing "governments" in Libya: the Faiz Saraj's Government of National Accord in Tripoli, recognized by the international community, and the cabinet of ministers in the east of the country, which is supported by the Libyan National Army led by Khalifa Haftar and relies on the "legitimate" parliament - the House Representatives.

So far, attempts by the parties to come to a settlement within the framework of a political agreement have not yielded results. Meanwhile, it was the civil war and the difficult social and economic conditions associated with it, the collapse of state administration, the inaction of laws, the flourishing of violence that are key factors in the presence of radical jihadist groups in Libya. In April 2019, Haftar announced the start of an offensive on Tripoli. The offensive soon lost momentum, as forces in western Libya associated with the Government of National Accord joined forces to prevent the advance of Haftar's troops. This event is noteworthy not only because Haftar failed to overcome the resistance of the forces of the Government of National Accord, but also because the more tangible the prospect of the capture of the capital by the Libyan national army became, the fewer allies remained within Libya itself.

Despite the intricacies of the Libyan civil conflict, a more or less stable system of checks and balances has developed within the country, which does not allow any of the forces to occupy a dominant position in the military-political system of Libya. The situation is still stalemate.

Keywords: Libya, Qaddafi, civil war, Arab Spring, Russia

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

19 января 2020 г. в Берлине состоялась очередная конференция по урегулированию ливийского кризиса. В ней приняли участие Россия,

США, Франция, Великобритания, Китай, Германия, Турция, Италия, Египет, ОАЭ, Алжир, Республика Конго, представители ООН, ЕС, Африканского Союза и Лиги арабских государств.

Был на саммите и Фаиз Сарадж, глава признанного международным сообществом Правительства национального согласия (ПНС), но контролирующего лишь небольшую территорию на западе Ливии. И маршал Халифа Хафтар - его Ливийская национальная армия (ЛНА) осаждает Триполи.

Главным итогом конференции в Берлине стали призыв ее участников к прекращению огня в Ливии и обязательство воздержаться от вмешательства в конфликт, соблюдать эмбарго на поставку вооружений сторонам. Участники встречи предложили создать комитет по контролю за выполнением договоренности о прекращении огня.

Страны-участницы признали центральную роль ООН в содействии межливийскому политическому процессу и процессу примирения и призвали Совет Безопасности ООН ввести санкции в отношении нарушителей режима прекращения огня, а государства-члены ООН - обеспечить их выполнение.

Кроме того, участники конференции предложили создать механизм экономического восстановления для Ливии под контролем будущего единого правительства. В итоговом документе содержится также призыв ко всем сторонам конфликта гарантировать безопасность нефтяных объектов и воздержаться от любых враждебных действий в отношении нефтяной инфраструктуры [3; 4].

Диапазон оценок итогов Берлинской конференции весьма широк: от утверждений о ее полном провале до надежд, что она стала существенным продвижением вперед. Но, в целом, преобладают умеренные оценки: это очередной шаг на пути ливийского урегулирования. Отмечается, что конференция открыла дорогу для посредничества с целью урегулирования ливийского конфликта путем переговоров под эгидой ООН. Она продвинула механизм прекращения военных операций и идею о необходимости опираться на переговоры.

Шансы на успех Берлинской конференции могут быть оценены только спустя какое-то время. Остается «вопрос вопросов»: будут ли эффективными меры, выработанные международными акторами, в условиях, когда их интересы и позиции существенно расходятся? Удастся ли предотвратить реальную опасность интернационализации конфликта в особенности под влиянием возможного ослабления позиций одной из конфликтующих ливийских сторон, готовности Турции оказывать широкомасштабную военную помощь Ф.Сараджу, а сторонникам Ливийской национальной армии - расширить её поддержку?

Значительный скепсис вызывает возможность формирования единого центра власти с участием нынешних основных политических фигур - слишком велик груз накопленных межличностных проблем. Скорее всего, преодолеть эту несовместимость удастся лишь в ходе общенациональных

выборов - президентских и парламентских. Однако они уже длительное время переносятся на более поздние сроки, и перспективы их проведения не очевидны [1; 2].

Политический процесс при самых благоприятных условиях может, вероятно, проходить несколько этапов: реализация уже достигнутых договоренностей по ключевым проблемам; постепенное налаживание электорального процесса; достижение устойчивости в деятельности вновь избранных органов/ветвей власти. На каждом из этапов возможен срыв с перспективой очередной вспышки гражданской войны.

Берлинский документ принят в качестве резолюции Совбезом ООН. Делегация РФ воздержалась при голосовании. Москва считает позитивными все пункты резолюции, но сомневается в готовности внутренних и внешних акторов их выполнять. Этой готовности пока нет.

КИРЕНАИКА И ЛИВИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

Поскольку главный город Киренаики был освобожден от войск Каддафи в то время, когда вокруг столицы соседней Триполитании (и всей Джамахирии) еще продолжались бои, среди части местных «революционеров» возникла идея: воспользовавшись вакуумом власти, перенести столицу из Триполи в Бенгази. Это было вполне объяснимо, поскольку для многих обитателей Киренаики «революция 2011 года» стала восстанием не только против режима Каддафи, но и против гегемонии Триполитании [5].

Уместно отметить, что ливийский Восток смог сохранить свою историческую идентичность даже в период итальянской оккупации (1927-1943 гг.), причем местные жители никогда не отождествляли себя с населением ливийского Запада. Ограниченность коммуникаций и разорванность политического пространства, отличавшие Ливию в османскую эпоху, оборачивались тем, что восточная часть этих владений султана тяготела к Египту, а западная их часть ориентировалась на страны Магриба, и в особенности - на Тунис.

Режим Каддафи никогда не доверял местным элитам, поскольку именно Киренаика была вотчиной суфийского ордена Сенусийя, с конца XIX в. выступавшего серьезной социально-экономической силой всего региона Сахары и Сахеля, а также давшего стране ее первого (и пока единственного) монарха [6].

Так, после переворота 1969 г. в столице региона - Бенгази базировались элитные подразделения, рекрутируемые исключительно в лоялистских общинах Триполитании. Конфликт Запада и Востока тлел на протяжении всех четырех десятилетий (1969-2011 гг.), отведенных историей правлению Каддафи. Разумеется, после крушения диктатуры противоречия не могли не выйти на

поверхность. Привилегии, на которых настаивали в Бенгази, основывались не только на стародавнем, хотя и героическом, сопротивлении итальянским оккупантам, но и на более весомых аргументах: в регионе, на который приходились около половины ливийской территории и более трети населения Ливии, располагаются самые крупные и производительные нефтяные месторождения, ранее обеспечивавшие три четверти национального дохода. Неудивительно, что именно в Киренаике после 2011 г. громче всего звучали голоса, настаивавшие на «федерализации» Ливии [7].

Результатом этих распрей - словесных и не только - стало то, что «революционные» власти Киренаики отказали «революционным» властям Триполи в признании, тем самым ослабив и без того немощное центральное правительство. Из-за этого конфликта международно признанный ливийский парламент (Палата представителей Ливии) по-прежнему работает не в Триполитании, где расположена национальная столица, а в находящемся на территории Киренаики захолустном Тобруке (12-й по численности населения город страны). Кстати, именно этот орган в феврале 2015 г. утвердил Х.Хафтара на посту главнокомандующего ЛНА, с чем категорически не согласилось правительство в Триполи.

Кроме того, бесспорное, на первый взгляд, территориальное и численное превосходство ЛНА не должно вводить в заблуждение. Ее внутренний состав настолько разнороден - от остатков войск Каддафи, иностранных наемников до умеренных исламистов, - что практически не вызывает сомнений ситуативный характер этого военно-политического союза. Несмотря на распространенное мнение об исключительно светском характере ЛНА, до трети ее состава составляют боевики различных исламистских группировок, связанных с Саудовской Аравией. По большей части это последователи саудовского богослова Раби аль-Мадхали, в 2016 г. издавшего фетву о необходимости поддержки Х.Хафтара. Их альянс с ЛНА обусловлен, в первую очередь, неразрешимыми противоречиями с идейными конкурентами в лице «Братьев-мусульман» и иных сторонников политического ислама, поддерживающих Правительство национального согласия в Триполи.

Разумеется, как справедливо отмечают наблюдатели, «наличие отрядов салафитов в одном лагере с ЛНА подрывает репутацию Хафтара как бескомпромиссного борца с джихадистами» [8]. Еще одно обстоятельство, играющее не в пользу Хафтара, - иностранные наемники, представленные в его частях такими группировками, как Суданская освободительная армия или Фронт перемен и согласия в Чаде. Именно они сыграли важную роль в военных операциях по захвату и удержанию некоторых ключевых нефтяных месторождений. Иначе говоря, любая фракция ЛНА не постесняется сменить союзников, если только это

покажется более выгодным. Хотя, разумеется, нельзя отрицать и того, что фигура «объединителя нации», на лавры которого претендует маршал из Бенгази, остро востребована ливийским обществом, изнуренным многолетней и безысходной войной [9].

ФЕЦЦАН

Южная область Феццан, населенная преимущественно кочевниками, хотя и не только ими, в 2013 г. тоже объявила о своей автономии, создав Верховный совет Феццана. В его ведение были переданы формирование региональной армии, содержание судебной и полицейской системы, защита провинциальных границ, а также контроль над нефтяными и газовыми месторождениями. По заявлениям здешних старейшин, этот шаг был сделан из-за слабости центральной власти и игнорирования ею потребностей южан. Важно отметить, что инициаторами этого политического демарша, не имевшего, впрочем, видимых последствий, выступили племена, ранее тесно сотрудничавшие с правительством Каддафи, - *кадафа*, *магарха* и *туареги* [10].

Ливийская часть Сахары, помимо Феццана включающая в себя и южную окраину Киренаики, в годы правления Каддафи вообще считалась оплотом режима (как, кстати, и горы Нафуса, о которых речь пойдет ниже). Но если феццанские арабы и туареги легко находили взаимопонимание с властями Каддафи, то третья составляющая населения Юга, а именно народность *тубу*, которая насчитывает в Ливии около 50 тыс. человек и живет на юго-западе страны, подвергалась жестокой маргинализации - и потому инициативу лоялистов, желавших обособиться от нового режима, не поддержала. Эти темнокожие кочевники, основная масса которых расселена в соседних Чаде и Нигере, устав от засух конца 1970-х - начала 1980-х гг., зачастую искали прибежища в пухшей от нефтедолларов Ливии. Местные власти, однако, подвергали их агрессивной арабизации, подавляя развитие культуры и языка [11].

В итоге, созданная тубу вооруженная милиция сумела даже принять участие в «охране» находящихся на территории Киренаики нефтяных месторождений. В последние месяцы ополченцы тубу стали важным подспорьем Ливийской национальной армии Хафтара, приступившей в январе 2019 г. к «зачистке» южных регионов страны и восстановлению контроля над местными нефтяными объектами.

Понятно, что подобное взаимодействие не может не вызывать недовольства у южных арабов и туарегов, традиционно конкурирующих с тубу за территории, ресурсы и торговые пути. Особенно болезненно на подъем тубу реагировали туареги, которые с уходом Каддафи лишились влиятельного защитника.

ТРИПОЛИТАНИЯ, ПНС И ЕГО СОЮЗНИКИ-КОНКУРЕНТЫ

После свержения диктатуры «революционерам», обосновавшимся в Триполи, так и не удалось консолидировать власть. Помимо признанного ООН Правительства национального согласия, которое возглавляет Ф.Сарадж, в ливийской столице действует и Высший государственный совет под руководством Халеда аль-Мишри - консультативный орган, созданный в соответствии с Ливийским политическим соглашением 2015 г. для содействия кабинету министров из Триполи и парламенту из Тобрука.

Эти структуры откровенно не ладят между собой, причем ни одна из них не способна реализовать свои полномочия даже в пределах столичного региона, не говоря уж о стране, в целом. Правительство, опирающееся на несколько вооруженных формирований общей численностью около 6000 бойцов, выглядит мощнее, но его силовой потенциал гасят поделившие Триполи между собой 25-30 вооруженных группировок.

Сегодня ни главный город Ливии, ни западная часть страны, в целом, не имеют фактически никакой центральной власти. Именно здесь ярко раскрывается проблема самовластья неуправляемых ополчений, численность бойцов которых с падением старого режима не только не сократилась, но, наоборот, постоянно множится. Объяснение, впрочем, лежит на поверхности: вооруженная милиция - это, в первую очередь, доходный бизнес, у которого в современной Ливии просто нет альтернативы.

Разнообразие вооруженных группировок, ополчений, отстаивающих те или иные местнические интересы и не умеющих договариваться между собой, пресекло вызревание в постреволюционной Ливии нового центра власти. В этом отношении показателен именно опыт Триполитании, где в 2011-2013 гг. оформились сразу несколько центров влияния, позволяющих себе не считаться с заседающими в Триполи «революционными» политиками и их вооруженными отрядами, тоже опирающимися на военную силу и нередко враждующими между собой.

В этой роли выступили: а) третий по величине ливийский г. Мисурата, население которого превышает 500 тыс. человек; б) примыкающий к границе с Тунисом горный массив Нафуса, в котором расположен имеющий выраженную специфику г. Зинтан, а также проживает полумиллионное национальное меньшинство ливийских берберов (амазигов); в) находящийся между Триполи и Бенгази портовый город Сирт.

В каждом из перечисленных мест сложилось свое ядро вооруженных акторов, активно применявших насилие для продвижения собственных интересов. Сирт, впрочем, в последнее время свое самостоятельное значение утратил, поскольку

обосновавшийся здесь единственный в Ливии оплот «Исламского государства» (ИГИЛ) к настоящему моменту полностью уничтожен объединенными усилиями прочих ливийских формирований и международных игроков.

Военный совет Мисураты, который, по некоторым данным, имеет сейчас в своем распоряжении 6-8 тыс. бойцов, был сформирован в ходе осады этого стратегически важного города войсками Каддафи.

В разгар противостояния в 2011-2012 гг. в бригадах Мисураты состояли 30 тыс. бойцов, принадлежавших к 200 различным мини-группировкам. Это означает, что здешние вооруженные формирования, несмотря на нынешнее снижение численности, сохраняют большой мобилизационный потенциал [5, р. 101]. Из-за того, что город избрали своей базой ливийские «Братья-мусульмане», его военно-политические структуры получают помощь от Катара и Турции - своих традиционных спонсоров. Это, соответственно, означает, что местные ополченцы считают своим главным противником Хафтара с его Ливийской национальной армией, у которого совсем иные спонсоры.

Правда, боевой дух местной армии имеет и оборотную сторону: во время боев с подразделениями Каддафи и в ходе захвата Триполи ополченцы из Мисураты отличились необычайной жестокостью, в массовом порядке пытая и расстреливая бывших лоялистов.

После падения Каддафи возвысившейся в Триполитании Мисурате бросил вызов небольшой - около 20 тыс. жителей - город Зинтан, находящийся в горах Нафуса. Два преимущества этого горного массива: относительная изоляция, обеспечившая региону спокойствие даже в период наиболее острой фазы войны, и непосредственный выход к границам с Тунисом, Алжиром и Нигером - позволили области Нафуса стать самостоятельным центром влияния.

Более уместно, впрочем, множественное число, поскольку общины, проживающие в этом горном массиве, различаются не только по политическим, но также по религиозным и этническим критериям. Если окрестности Зинтана, населенные суннитами, при Каддафи считались оплотом лоялистских настроений, то компактно обосновавшееся в горах берберское меньшинство (амазиги), напротив, в те годы подвергалось гонениям. Ливийские берберы исповедуют *ибадизм* - направление в исламе, заметно отличающееся и от суннизма, и от шиизма [12].

Впрочем, если Зинтан и колебался, то не слишком долго. Каддафи с почтением относился к этому городу, поскольку местные уроженцы годами пополняли его офицерский корпус, а здешними рекрутами комплектовали элитные войска режима. Однако, когда Каддафи попытался привлечь Зинтан к подавлению восстания 2011 г., он не встретил поддержки. Вместо этого руководители

города учредили Военный совет Зинтана, формирования которого, во-первых, не позволили войскам Каддафи взять горы Нафуса под свой контроль, а во-вторых, не допустили их к границе с Тунисом, имеющей стратегическое значение для противоборствующих сторон. При этом Зинтан отказался передать свое ополчение под начало также воевавшего с диктатором Национального переходного совета, основанного в Триполи.

Бригады Зинтана участвовали в захвате ливийской столицы, где прославились тягой к мародерству и грабёжам. Вместе с тем, их боеспособность и плотные связи с бывшими спецслужбами Каддафи позволили Военному совету Зинтана на первых порах взять под контроль аэропорт Триполи (правда, ненадолго) и, что еще важнее, главные нефтяные месторождения юго-западной Ливии (Элефант и Шарара). Важным «козырем» в политическом торге, который Зинтан вел с Национальным переходным советом, оказался пленный его ополченцами сын Каддафи Саиф аль-Ислам, который несколько лет содержался в местной тюрьме, а в 2015 г. был отпущен на свободу. В настоящее время бригады Зинтана, составляющие 3-6 тыс. бойцов, выступают важным союзником Ливийской национальной армии маршала Хафтара в западной части страны.

Что касается ливийских берберов, численность которых составляет около полумиллиона человек, то сформированный ими в дни восстания Верховный совет амазигов опирается на 6-тысячную милицию и защищает, в первую очередь, безопасность этого национального и религиозного меньшинства. Его главными программными лозунгами остаются прекращение «политики арабизации», обеспечение берберам языкового равноправия и предоставление им гарантий участия в предстоящей разработке национальной конституции.

НЕФТЬ

Ливийцы устали от гражданских войн и стремятся к какому-то соглашению. На этот раз, в отличие от середины XX столетия, они идут к переосмыслению природы собственной государственности; их подталкивают не иностранные державы, но запросы самой ливийской жизни. Основным фактором, стимулирующим этот процесс, выступает неоспоримый военно-политический факт: ни одна из вооруженных группировок, действующих в Ливии, не способна взять под монопольный контроль углеводородные богатства страны. Причем новый раунд гражданской войны, открывшийся в 2014 г. и расколовший страну как бы напополам в указанном отношении, ничего не изменил.

Констатация патовой ситуации важна еще и потому, что в Ливии, в отличие от Сирии или Ирака, топливно-энергетическая инфраструктура практически не была разрушена, несмотря на дол-

гие годы внутреннего противостояния и внешней интервенции, и в периоды мирных интерлюдий незамедлительно включалась в работу, принося ее обладателям немалые средства. Безусловно, в каждом конкретном случае ливийские нефтегазовые объекты кто-то контролирует. Но ключевая деталь в том, что подобных контролеров слишком много: у одних группировок в руках добыча сырья, у других - переработка, у третьих - доставка, у четвертых - получение финансовых средств. Полный же цикл пока недоступен никому, поскольку противоборствующим сторонам не хватает сил, чтобы заполнить всю производственную цепочку целиком.

Накануне возобновившейся острой фазы военно-политической и социально-экономической ситуаций в Ливии уровень добычи нефти там измерялся 1,23 млн баррелей в день (61,5 млн т в год) за ноябрь 2019 г. Осуществлялась также программа расширения производства до 2,1 млн барр/д (105 млн т/г) к 2023 г. [13].

В январе-апреле 2020 г. союзники ЛНА под командованием Х.Хафтара захватили, продолжают удерживать и полностью контролировать подавляющее большинство нефтепромыслов Ливии, а также ее инфраструктурных объектов, включая трубопроводы, хранилища, погрузочные терминалы в морских портах и, наконец, основные перерабатывающие мощности национальной нефтегазовой промышленности. Эти события привели к резкому сокращению отраслевого производства.

Согласно заявлению руководителя Ливийской национальной нефтяной компании (ННК), которая находится в Триполи и формально остается единственным международно признанным распорядителем нефтегазовых отраслей страны, на 5 апреля 2020 г. добыча нефти упала почти в 13,7 раза до 89 993 барр/д (менее 4,5 млн т/г). Фактически, в распоряжении ННК остаются лишь добывающие предприятия на морском шельфе Ливии, а также очень небольшая часть ее промысловых и перерабатывающих мощностей на суше в столичном регионе [14].

Этот уровень производства позволяет частично удовлетворять внутренние топливно-энергетические потребности Ливии, но практически исключает для нее любые возможности экспортных поставок. Соответственно, страна испытывает глубокий финансово-экономический кризис, лишившись почти единственного легального источника своих валютных поступлений. С 18 января 2020 г. (даты объявления ННК форс-мажорной ситуации в связи с действиями ЛНА) по 5 апреля потери от сокращения нефтяных доходов уже превысили \$3,957 млрд [15].

Почти одновременно Ливия, богатейшая страна Африки по доказанным запасам нефти, была втянута также в кризис энергетический. ННК была вынуждена 10 февраля 2020 г. остановить производство на крупнейшем нефтеперерабатываю-

щем предприятии Триполитании - заводе в г. Завия мощностью 120 тыс. барр/д (6 млн т/г). После этого западная часть страны перешла на импорт всех потребляемых там нефтепродуктов. Положение с моторным топливом на востоке оставалось значительно лучше, пока продолжал функционировать более мощный нефтеперерабатывающий комплекс в Рас-Лануфе. Однако резкое сокращение нефтедобычи неизбежно повлекло за собой столь же сильное падение производства попутного газа, оставив, по сути, без главного энергоносителя всю ливийскую электроэнергетику - как западную, так и восточную.

Например, Киренаика вынужденно остановила несколько электростанций в Бенгази и его окрестностях. Часть ливийских электростанций также вынуждена была переключаться на использование жидкого топлива, если только наличное генерирующее оборудование позволяло применить такую альтернативу [16]. Газоснабжения лишились и другие отрасли национальной промышленности, в особенности металлургия и основная органическая химия. А перебои в обеспечении электричеством, естественно, оказали сильнейшее негативное воздействие уже на всю экономику Ливии, включая жизненно важные сферы коммунального хозяйства.

С учетом многочисленных отрицательных последствий итоговые потери страны от резкого спада в ключевом комплексе нефтегазовых отраслей могут оказаться гораздо значительнее приведенных выше данных, которые учитывают, главным образом, прямой финансовый ущерб от приостановки отраслевых экспортных операций. В целом, ускоренное истощение валютных резервов Ливии - лишь один из самых опасных факторов, влекущих ее на край социально-экономической катастрофы.

Некоторые западные эксперты полагают, что именно финансовое «разорение» ПНС в Триполи составляет одну из главных задач позднейшей наступательной кампании Хафтара. Судя по прошлому опыту, властям Восточной Ливии и командующему ЛНА пока не удавалось «монетизировать» результаты своих военных успехов [17]. Например, не привели к практическим результатам многократные попытки создать на востоке страны альтернативу «западной» ННК. Потенциальные зарубежные контрагенты отказывались налаживать деловые связи с «дублером» государственной нефтегазовой компании в Триполи [18].

За день до международного саммита в Берлине 19 января 2020 г. силы ЛНА Хафтара блокировали основные нефтяные терминалы на Востоке Ливии. Этот акт был предпринят в попытке подорвать основной источник дохода страны в знак протеста против решения Турции направить военных советников и инструкторов для поддержки ПНС. Экспорт был приостановлен в портах Брега, Рас-Лануф, Аль-Сидра, Аль-Харига и Цвейти-

на - в «нефтяном полумесяце» страны, служащим каналом для большей части экспорта ливийской нефти.

Блокада силами Хафтара нефтяных терминалов, благодаря работе которых ПНС в значительной мере формировало бюджет, изменила расстановку сил в конфликте в пользу ЛНА. Традиционно доходы от нефти распределялись относительно равномерно, по крайней мере, что-то доставалось и Триполи, и Бенгази. Однако Хафтар, очевидно, с учетом, прежде всего, угрозы турецкой интервенции, предпринял некую демонстрацию силы.

Резолюции ООН называют ливийскую государственную нефтяную компанию, базирующуюся в Триполи - ННК, единственной организацией, которой разрешено управлять и продавать нефть страны, хотя Хафтар неоднократно предпринимал попытки сломать ее монополию.

Доходы Ливии от продажи нефти и золотовалютные резервы в размере \$80 млрд находятся в ведении правительства в Триполи. ПНС имеет больший, чем Хафтар, доступ к ресурсам из-за присутствия Центрального банка Ливии (ЦБ) в Триполи и монополии ЦБ на доступ к иностранной валюте.

Таким образом, на экономическом уровне противники Хафтара могут быть лучше подготовлены к тому, чтобы выдержать нынешнее обострение военной ситуации. Пример использования экономического давления ПНС на ЛНА - контроль Триполи над зарплатами государственных служащих по всей стране. И после того, как Хафтар начал штурм города, Сарадж приказал сократить выплаты тем, кто присоединился к ЛНА. Центральный банк пошел еще дальше, ограничив доступ к капиталу в своих банках в Восточной Ливии, ссылаясь на «нарушения», обнаруженные в финансовых учреждениях.

Хафтар контролирует сейчас две трети страны, но не контролирует бюджет Ливии. Поэтому он пытается выстроить параллельные экономические институты в Восточной Ливии.

Образование совместного комитета обороны между ЛНА, Временным правительством, восточным Центральным банком и Палатой представителей обеспечило доступ к средствам, получаемым в результате налогообложения и выпуска облигаций. Но их категорически не хватает.

ВНЕШНИЕ АКТОРЫ

Что может помешать Ливии договориться об условиях разделения полномочий и прекращения военных конфликтов? В первую очередь, внешнее вмешательство.

Если кто-то из участников ливийской игры, надеясь склонить чашу весов на свою сторону, попытается явным образом вовлечь в конфликт союзников извне, то это нарушит устоявшийся шат-

кий баланс и с новой силой разожжет гражданскую войну. В таких условиях появление на ливийской территории регулярных формирований или частных военных компаний третьих стран не может не настораживать.

Начиная с 2015 г., когда ЛНА начала получать из Египта устаревшее российское оружие, ее представители демонстративно подчеркивали «колоссальную роль» этих поставок для упрочения позиций ЛНА. Они явно играли на популярности России в стране после успеха РФ в Сирии. Но о прямой вовлеченности Москвы в гражданское противостояние речь не шла, несмотря на некоторые реверансы в адрес Хафтара.

Со своей стороны, ПНС официально обратилось за помощью к Турции на основании подписанного в конце ноября 2019 г. меморандума о военном сотрудничестве. ЛНА неоднократно обвиняла Анкару в поставках оружия и оказании другой материально-технической помощи ПНС в обход международного эмбарго, а также в переброске из Сирии в Ливию сотен наёмников, в т.ч. радикалов из группировки ИГИЛ.

Турция поддерживает ПНС, исходя как из политических, так и экономических интересов: Анкара намерена использовать свои отношения с Триполи, чтобы вновь заявить о себе как о крупной державе в Восточном Средиземноморье.

Президент Эрдоган заявил, что Турция продолжит поддерживать ПНС Ф.Сараджа в Ливии в случае провала переговоров по урегулированию в этой североафриканской стране. Турция ведет активные переговоры с ПНС о строительстве военной базы недалеко от Триполи. На базе планируется разместить турецкий спецназ и подразделения турецких ВМС, создать взлетно-посадочную полосу и оборудовать пункт связи. Кроме того, утверждается, что ПНС обсуждает с Анкарой покупку турецких военных самолетов и беспилотников. Турция перебросила в Ливию боевиков из других стран и заключила с ПНС первую сделку о поставках систем ПВО.

СИНТЕЗ ЛОКАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ: ЛИВИЯ И ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Связка двух опасных, затяжных локальных кризисов - ливийского и восточно-средиземноморского - в единый узел и неизбежное дальнейшее стягивание этого узла начались практически 27 ноября 2019 г., когда президент Турции и лидер ПНС подписали Турецко-ливийское соглашение о делимитации морских границ двух стран [19].

Этот документ соединяет эксклюзивные экономические зоны обоих государств таким образом, что способен фактически лишить все остальные страны с береговыми линиями в Восточном Средиземноморье - Египет, Израиль, Кипр, Ливан и Сирию - возможностей прокладывать мор-

ские трубопроводы от их побережий до ближайших средиземноморских государств Европейского Союза - Греции и Италии - без одобрения Турции и/или Ливии. Нынешняя тесная зависимость ПНС в Триполи от военно-политической и, возможно, экономической поддержки Анкары, дает веские основания предположить, что за Турцией, тем самым, закрепился бы статус важного регионального арбитра, транзитного «топливно-энергетического» и «транспортно-логистического».

Не обладая сколько-нибудь значительными доказанными национальными запасами углеводородного сырья, Анкара сумела бы оказывать решающее влияние на выбор маршрутов доставки природного газа по трубопроводам от богатых этим сырьем государств-экспортеров - Египта, Израиля и Кипра, к которым в перспективе могли бы присоединиться Ливан и с несколько меньшей вероятностью Сирия, до импортеров «голубого топлива» в Евросоюзе [20].

Суммарные возможные и вероятные ресурсы природного газа в прибрежных странах Восточного Средиземноморья и на принадлежащих им участках морского шельфа, пока что слабо исследованных, весьма приблизительно оцениваются в 122 трлн м³ [21], что сопоставимо с гораздо более надежными, доказанными «традиционными» запасами этого топлива у его крупнейших обладателей, включая Россию, Иран, Катар и ряд других государств [22].

Пока восточно-средиземноморский природный газ экспортируется из Египта преимущественно в сжиженном состоянии (СПГ) морскими танкерами. Поскольку мощности египетских комплексов по сжижению газа превышают экспортный потенциал египетских газодобывающих промыслов, Египет на договорных «комиссионных» условиях импортирует по трубопроводу часть «голубого топлива» из Израиля для его последующего реэкспорта [23]. Готовится к реализации также аналогичное соглашение между Египтом и Кипром. Такие возможности придают Египту важное значение логистического центра и посредника во внешнеторговых контактах между более новыми региональными поставщиками газа - Израилем и Кипром - и импортерами их продукции [24].

Взаимная заинтересованность служит основой также для более широкого сотрудничества, охватывающего страны Средиземноморья. Так, 16 января 2020 г. в Каире состоялась международная конференция Ближневосточного газового форума при участии 7 министров энергетики (Греции, Египта, Израиля, Иордании, Италии, Кипра и Палестинской автономии). Было принято решение преобразовать форум в международную организацию - Восточно-Средиземноморский газовый форум, а также утвержден ее статут [25]. В то же время участники организации намечают развивать и экспортную трубопроводную систему. Например, несколько ранее, 2 января 2020 г. Израиль,

Кипр и Греция подписали соглашение о строительстве магистрального транс-средиземноморского газопровода для поставок израильского и кипрского «голубого топлива» в Грецию, Италию, а возможно, и в другие страны ЕС [26].

Неудивительно, что все участники Восточно-Средиземноморского газового форума сугубо отрицательно оценили содержание упомянутого турецко-ливийского соглашения о делимитации морских границ. Это, в свою очередь, сблизило их позиции с противниками ПНС в Триполи. Так, Египет, уже давно поддерживающий власти Восточной Ливии и вооруженные силы ЛНА, получил для этого еще более веские основания. Министр иностранных дел Греции Н.Дендиас еще 22 декабря 2019 г. нанес визит в Бенгази, где обсуждал с главой восточно-ливийского «параллельного» правительства Абдаллой ат-Тани и его министром иностранных дел А.Хади Лахвиджем противоречия договора между Анкарой и Триполи, а также опасность турецкого военного вмешательства в Ливии [27].

В свою очередь, власти Восточной Ливии 4 января 2020 г. приняли решение о полном разрыве отношений с Турцией и об аннулировании заключенных с ней соглашений [28].

Наступление Хафтара также поддерживалось внешними силами, обеспечивающими его оружием и деньгами. Такая ситуация вызывает опасения, что ливийский конфликт перерастает в прокси-войну между внешними державами, стремящимися контролировать Средиземное море.

Основные сторонники ЛНА - Египет, Франция (до недавнего времени), ОАЭ и Саудовская Аравия. Главный военно-финансовый спонсор ЛНА - Объединенные Арабские Эмираты. Для ОАЭ и саудитов это во многом еще и принципиальное идеологическое противостояние, в т.ч. и с недавно возникшей «третьей силой», т.е. осью Анкара-Доха - «Братья-мусульмане». За спиной Хафтара стоит также Египет. Для него борьба с «Братьями-мусульманами», составляющими основу сил ПНС, - сверхважное дело, фактически часть идеологии нынешнего египетского режима. Поэтому египетский президент А.Ф.ас-Сиси будет поддерживать Х.Хафтара. Неудивительно, что ЛНА заявляла, что может потребовать прямого вмешательства вооруженных сил Египта.

В Ливии переплетаются как политические, так и экономические интересы международных акторов: страна рассматривается ими как часть экономического завоевания Африки. Так, эмиратская компания «Dubai Ports World», ведущий оператор портов, уже управляет объектами в Джибути, Сомалиленде и Алжире. Ливия после победы Хафтара может стать частью «жемчужной нити» Эмиратов на африканском побережье. Еще в 2016 г. ОАЭ создали базу «Хадим» на востоке Ливии. На ней размещаются не только китайские беспилотники *Wing Loong*, но и грузовые самолеты, пе-

реоборудованные для боевого применения. База также служила опорным пунктом для французских спецназовцев, выполнявших контртеррористические миссии в Ливии.

РОССИЯ И ЛИВИЯ

Российский подход к Ливии определяется сложившимся в этом государстве раскладом сил. РФ, целиком погрузившись в разрешение сирийского кризиса, видимо, не готова столь же глубоко участвовать в кризисе ливийском, но старается держать руку на пульсе, учитывая:

1) стратегическое значение Ливии как наиболее близкой к Европе крупной нефтегазодобывающей страны; 2) наличие стратегических портов, которые в перспективе могут быть использованы Россией; 3) прежние политические и экономические позиции в стране, которые могут быть восстановлены и расширены в плане торговли оружием и участия в добыче энергоресурсов, строительстве железных дорог; 4) отношения как с Турцией, так и с Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией.

Важное значение имеет Ливия и с точки зрения обретения дополнительных рычагов взаимодействия со странами Запада. Вступив в качестве силы, нацеленной на урегулирование ливийского конфликта, РФ показывает Европе и США, что ее «успех» в Сирии неслучаен. Как и в случае с Сирией, РФ утверждает в роли посредника. РФ старается поддерживать тесные отношения как с ЛНА, так и с ПНС и «бригадами Мисураты».

Конечно, исход ливийского конфликта не зависит исключительно от действий России, однако РФ способна содействовать достижению компромисса между сторонами конфликта. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря поддержке со стороны России Хафтару удалось заметно укрепить свои позиции в Ливии. И от РФ во многом будет зависеть и степень компромисса, на которую он будет готов пойти в переговорах со своими оппонентами. В результате, Европа все больше убеждается в мысли о том, что для решения ливийского кризиса ей предстоит вести переговоры с Россией.

Миротворческие усилия, предпринимаемые странами Европейского Союза, пока характеризуются несогласованностью и разобщенностью: в частности, оживившаяся в последнее время активность Италии, вспомнившей о своей роли бывшей метрополии, вызывает настороженность, а то и раздражение, например, у Франции. Экономические позиции Франции и Италии в Ливии требуют политического урегулирования, а значит - сотрудничества с РФ.

США пока воздерживаются от активных действий в Ливии. Но нельзя сбрасывать со счетов старые личные связи Хафтара с США.

Наконец, в отличие от сирийского кризиса, участие России в ливийском урегулировании пока нель-

зя назвать затратным для Москвы. Обозначение своих позиций в Ливии позволяет российскому руководству рассчитывать на то, что его интересы будут учтены в послевоенном развитии этой страны.

Если в 2014-2015 гг. РФ демонстративно активно взаимодействовала с Хафтаром, который подавал это взаимодействие в качестве «безусловной поддержки», то со временем внешнеполитическая линия на ливийском треке стала более сбалансированной, а интересы Триполи стали учитываться.

Ливийский трек важен для России в плане готовности продемонстрировать свои способности вести диалог со всеми акторами, включая светских либералов и исламистов. Военная поддержка Хафтара со стороны Москвы не была направлена против правительства Триполи и лояльных ему структур, с которыми у РФ налажен конструктивный диалог.

Прямой военной поддержкой Хафтара занимаются ОАЭ, Египет, спецназ вооруженных сил Франции (сейчас Париж отходит от этого) и ЧВК Эрика Принса. О поставках Россией оружия и боеприпасов ходит много слухов, но в реальности продажей военных грузов Хафтару под эмиратовское финансирование занимается Белоруссия, причем зачастую по государственным контрактам. Однако в 2017 г. стали фиксироваться поставки белорусского оружия не Хафтару, а его оппонентам в Триполи и Мисурате - молдавские самолеты с белорусским грузом летали в Митигу и Мисурату.

Внешне в российском подходе оставался определенный «прохафтаровский» ракурс, но РФ стала вновь более взвешенно подходить к своим заявлениям и дипломатическим инициативам на ливийском треке, избегая действий, которые могли бы быть восприняты как однозначная поддержка ЛНА. Более того, перед тем как Хафтар 12 декабря 2019 г. объявил о решающем, четвертом (и неудачном) наступлении на столичный город, РФ пригласила Ф.Сараджа на октябрьский саммит «Россия - Африка». В дальнейшем это можно использовать в ответ на обвинения о «прохафтаровском» крене Москвы. Логика понятна: кредит доверия командующему ЛНА, имеющему серьезные проблемы со здоровьем, имеет свои границы.

Официально РФ не готова занимать однозначную позицию на ливийском треке, но это не значит, что она не может расширять свое влияние за счет несистемных игроков, например, ЧВК.

БУДУЩЕЕ

Несмотря на предельную расплывчатость контуров будущего, не вызывает сомнений радикальный отказ едва ли не всех ливийских акторов от избыточно централизованной управленческой модели, которую внедрил в свое время режим Каддафи.

По крайней мере, такое единодушие можно считать принципиальной отправной точкой для выстраивания каких-то реалистичных планов. Более того, в кажущейся беспросветности ливийской ситуации - а по словам комментаторов, после Каддафи страна остается полем боя, на котором и огнем, и словом продолжают сражаться между собой «мириады» военно-политических группировок, - неспособность ни одной из сторон ливийского конфликта однозначно взять верх и подчинить себе остальных парадоксальным образом может способствовать умиротворению.

Будущему успеху урегулирования способствует и то важное обстоятельство, что ливийский раскол, в отличие от гражданских конфликтов в других арабских странах, содержит гораздо меньше ингредиентов, стимулирующих непримиримость и ожесточение. В Ливии антагонисты воюют друг с другом не ради утверждения лозунгов религиозного, политического или этнического свойства, а за прозаические, вполне «земные» вещи, которые можно потрогать руками: за долю в нефтяном пироге.

Довольно слабо в ливийской драме проявляет себя и голый трайбализм: несмотря на наличие на территории страны 140 племен и кланов. Сколько-нибудь заметным политическим «весом» обладают лишь около 30 из них, причем в реализации племенного или кланового влияния материальные выгоды давно перевешивают кровное родство.

Сложившийся в Ливии баланс сил не позволяет ни одной из основных противоборствующих групп добиться безраздельной победы военным путем. На сегодня страна крайне сегментирована и поделена местными игроками на своеобразные зоны ответственности - десятки ополчений по всей Ливии заявили о притязаниях на «собственные» кусочки ее территории, но при этом ни одна из этих зон не является *экономически самостоятельной*. Например, большая часть месторождений, нефтепроводов, а также нефтеналивных терминалов находится в сфере влияния Ливийской национальной армии (ЛНА). Однако, несмотря на то, что под началом Х.Хафтара сосредоточена самая крупная военно-политическая группировка, насчитывающая до 25 тыс. военнослужащих, ополченцев и наемников, а также имеющая, в отличие от конкурентов, внушительную авиацию, нормальная работа подконтрольной ему экономической инфраструктуры невозможна без договоренностей с иными внутрививийскими силами.

Распределение экономической власти оборачивается вполне ожидаемыми политическими последствиями. Именно в силу отмеченных особенностей нет серьезных оснований ожидать скорого полного распада ливийского государства, который предвосхищали специалисты после на редкость бесславного упразднения Ливийской Джамахирии и временами казавшийся неминуемым на фоне все новых раундов гражданской войны.

Анализируя многочисленные заявления о самоопределении, которые со времен «арабской весны» делали разнообразные местные элиты, нужно отделять друг от друга действительное стремление к административной авто-

номии и разговоры о ней, используемые здешними игроками в качестве рычага политического давления на своих контрагентов, будь то местные, региональные или международные партнеры.

Список литературы / References

1. Allahoum R. Q&A: What's next for Libya? www.aljazeera.com/news/2018/09/qa-libya-180909072236031.html (accessed 15.03.2020)
2. Libya crisis: Clashes erupt south of capital Tripoli. <https://www.bbc.com/news/world-africa-48000672> (accessed 15.03.2020)
3. Заключительные положения Берлинской конференции по Ливии. (Conclusions of the Berlin conference on Libya) (In Russ.). www.kremlin.ru/supplement/5471 (accessed 28.03.2020)
4. Совбез ООН утвердил итоги берлинской конференции по Ливии. (UN Security Council confirmed results of the Berlin Conference on Libya). ria.ru/20200213/1564630192.html (accessed 13.04.2020)
5. Mundy J. Libya. Cambridge: Polity Press, 2018.
6. Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
7. Issaev L., Zakharov A. Decentralization in Libya after the Arab Spring. *Middle East Policy*. 2020, № 1.
8. Мустафин Р. Столица и юг Ливии снова в огне. (Mustafin R. Capital and South of Libya in the fire again) (In Russ.). www.ng.ru/world/2019-01-17/6_7485_livia.html (accessed 25.03.2020)
9. Unifying the Libyan army: an Egyptian top priority. <https://www.egyptdailynews.com/detail/unifying-the-libyan-army-an-egyptian-top-priority> (accessed 13.04.2020)
10. Schnelzer N. Libya in the Arab Spring: The Constitutional Discourse since the Fall of Gaddafi. Wiesbaden: Springer VS, 2016.
11. Zurutuza K. Tebu Cultural Awakening: «We may not be Arabs, but we are Libyans». www.aljazeera.com/news/2018/10/tebu-cultural-awakening-arabs-libyan-181011085101279.html (accessed 15.04.2020)
12. Исаев Л.М., Захаров А.А. Анархия, нефть и федерация: Ливия после «арабской весны». *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2019, № 2. (Issaev L., Zakharov A. Anarchy, Oil, and Federation: Libya after the Arab Spring. *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kulture*, № 2) (In Russ.)
13. Widdershoven C. Libya Is Facing A New Oil War. <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Libya-Is-Facing-A-New-Oil-War.html> (accessed 16.04.2020)
14. Slav I. Blockade Sends Libya's Oil Production Crashing Below 100,000 Bpd. <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Blockade-Sends-Libyas-Oil-Production-Crashing-Below-100000-Bpd.html> (accessed 07.04.2020)
15. Libyan Oil Production Falls Below 90k barrels per day. Statement from the National Oil Corporation (NOC). <https://www.libya-businessnews.com/2020/04/07/libyan-oil-production-falls-below-90k-barrels-per-day/> (accessed 17.04.2020)
16. Katona V. How Much Further Can Libya's Oil Production Fall? <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/How-Much-Further-Can-Libyas-Oil-Production-Fall.html> (accessed 15.04.2020)
17. Why did Haftar Turn Libya's Oil off? <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Why-Did-Haftar-Turn-Libyas-Oil-Off.html> (accessed 18.04.2020)
18. Кукушкин В.Ю. Северная Африка: «арабская весна» и перспективы модернизации стран-экспортеров углеводородного сырья. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 8. (Kukushkin V. North Africa: «Arab Spring» and Perspectives of Modernization of the hydrocarbon exporting countries. *Asia and Africa today*, № 8) (In Russ.)
19. Butler D., Gumrukcu T. Turkey sign maritime boundaries deal with Libya amid exploration row. <https://www.reuters.com/article/us-turkey-libya/turkey-signs-maritime-boundaries-deal-with-libya-amid-exploration-row-idUSKBN1Y213I> (accessed 08.04.2020)
20. Turkish offshore gas deal with Libya upsets Mediterranean boundaries. <https://www.worldoil.com/news/2019/12/6/turkish-offshore-gas-deal-with-libya-upsets-mediterranean-boundaries> (accessed 16.04.2020)
21. USGS reveals Levant basin potential. <https://www.offshore-mag.com/geosciences/article/16795485/usgs-reveals-levant-basin-potential> (accessed 15.04.2020)
22. BP Statistical Review of World Energy 2019. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed 12.12.2019)
23. East Med Forum Kicks Off in Cairo as Israeli Gas Starts Flowing to Egypt. <https://aawsat.com/english/home/article/2086896/east-med-forum-kicks-cairo-israeli-gas-starts-flowing-egypt> (accessed 01.04.2020)
24. Widdershoven C. Egypt Is Shaping Up to Become A Real Energy Hub. <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Egypt-Is-Shaping-Up-To-Become-A-Real-Energy-Hub.html> (accessed 10.04.2020)
25. Eastern Mediterranean Gas Forum to promote regional energy cooperation. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/08/egypt-east-med-gas-forum-founding-members-meeting-israel.html> (accessed 10.04.2020)
26. Koutantou A. Greece, Israel, Cyprus sign EastMed pipeline deal. <https://www.reuters.com/article/us-greece-cyprus-israel-pipeline/greece-israel-cyprus-sign-eastmed-gas-pipeline-deal-idUSKBN1Z10R5> (accessed 10.04.2020)
27. Greek FM visits Libya amid Turkey tensions. <https://middle-east-online.com/en/greek-fm-visits-libya-amid-turkey-tensions> (accessed 08.04.2020)
28. Zaptia S. HoR cancels LPA, withdraws recognition of Serraj government, refers Serraj and Ministers to justice for treason, cuts relations with Turkey and annuls Libya-Turkish agreement. <https://www.libyaherald.com/2020/01/04/hor-cancels-lpa-withdraws-recognition-of-serraj-government-refers-serraj-and-ministers-to-justice-for-treason-cuts-relations-with-turkey-and-annuls-libya-turkish-agreement/> (accessed 08.04.2020)

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Ислам, исламизм и экстремизм

КРИЗИС В АРАБСКОМ МИРЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ

© 2020 Б. ДОЛГОВ

DOI: 10.31857/S032150750009873-2

ДОЛГОВ Борис Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН (dolgov.boris@list.ru)

Резюме. В статье рассматривается системный кризис в Арабском мире, наиболее ярким проявлением, которого стали протестные выступления «арабской весны», крах правящих режимов в ряде арабских стран, подъем движений политического ислама, в т.ч. их радикальных течений и возникновение вооруженных конфликтов. Выявляются и анализируются негативные явления в социально-экономической сфере в Арабском мире, получившие продолжение в 2018-2020 гг. как часть глобальных кризисных тенденций, в т.ч. в странах Запада, и выдвигаемый исламистским движением исламский проект как альтернатива западному либерализму.

Ключевые слова: Арабский мир, кризис, политический ислам, конфликт, исламский проект

CRISIS IN THE ARABIC WORLD AND THE POLITICAL ISLAM

Boris V. DOLGOV, Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (dolgov.boris@list.ru)

Abstract. This article provides a global overview of the System crisis in the Arabic World, which was manifested with the protest movements of the Arabic Spring, the crashes of the ruler regimes in some Arabic countries, the increasing of the movements of the political Islam, including their radical currents and the appearing of the armed conflicts in the Arabic World. The role and political goals of the outside actors in these conflicts were revealed. The causes of the support of the part of Moslems for the movements of the Political Islam and the methods of the Islamist propaganda were examined. The conceptions of the Islamist Ideology and the doctrine of the Islamic State were analyzed. The influence of the world financial and economical crisis and the turning for the worse the social and economical problems in leading Western countries on the negative tendencies in the Arab-Moslem world is analyzed. The paper clears up the increasing of the Islamist ideology in the Moslem communities in the European Union and reinforcement of the radical Islamism. The analysis was focused on the examining of the social and economical crisis in the Arab World in the period of the Arabic Spring and in the recent period in the years of 2018-2020 as a part of the global crisis tendencies, among them in the Western countries and the Islamic project, which Islamist movements move as an alternative for the Western model of the social and economical development and Ideology of the liberalism.

Keywords: Arabic world, crisis, political Islam, conflict, Islamic project

Развитие Арабского мира на современном этапе во многом характеризовалось кризисными явлениями. Они проявлялись как в социально-экономической, политической, так и в религиозно-идеологической сферах. Их следствием стали массовые протестные движения «арабской весны» в 2010-х гг., представлявшие собой реакцию общества на системный кризис, затронувший в разной степени большую часть Арабского мира. Общественно-политические процессы, развивавшиеся в ходе «арабской весны», получили свое дальнейшее развитие в последующих социальных движениях в 2018-2020 гг.

ПОСЛЕДСТВИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И ИСЛАМИСТСКИЙ ФАКТОР

Одним из главных результатов «арабской весны» стало крушение правящих режимов в ряде

арабских стран, подъем исламистской идеологии и исповедующих его движений политического ислама, в т.ч. их радикальных течений, а также возникновение вооруженных конфликтов, продолжающихся с 2011 г. до настоящего времени. Причем их разрастанию и длительности в значительной степени способствовали действия внешних акторов, использовавших и зачастую интенсифицировавших данные конфликты для реализации своих интересов.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что если крушение режимов в 2011 г. в Тунисе, Египте, Йемене было обусловлено внутренними факторами, то свержение такового в Ливии и продолжение конфликта в Сирии, в основном, связано с вмешательством внешних акторов.

Основными причинами массовых социальных протестов «арабской весны» стало обострение со-

циально-экономических проблем, таких, как рост безработицы, особенно среди молодежи и, соответственно, отсутствие у большей ее части жизненных перспектив и возможностей создания семьи, снижение уровня и качества жизни значительной части населения¹ на фоне расслоения общества.

Важным фактором нарастания протестных настроений являлась коррупция и nepотизм десятки лет стоявших у власти правящих элит и отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении.

Значительную роль в возникновении протестных движений «арабской весны» играл также демографический фактор, т.к. в большинстве арабских стран молодежь в возрасте до 30 лет составляет до 50% населения. Именно молодые безработные, зачастую получившие высшее образование, но не имевшие возможности найти работу, составляли основу движущих сил протестных движений, в частности, в Тунисе и Египте.

В протестных выступлениях «арабской весны» наряду с диссидентской молодежью принимали участие либерально-демократические, левые, националистические силы, выступавшие с общедемократическими лозунгами и требованиями смены коррумпированного режима, решения социально-экономических проблем и продвижения демократических свобод.

Что касается исламистского фактора, то он в начале протестов не играл в них главной роли. Более того, например, в Египте организация «Братья-мусульмане» в начале протестных манифестаций дистанцировалась от них, заявив, что не участвует в выступлениях против режима. Движения политического ислама присоединились к протестующим на последующем этапе.

Тем не менее, после свержения авторитарных режимов именно партии политического ислама приходили к власти в результате демократических выборов и действительно свободного волеизъявления народа. В Тунисе это была партия «Нахда» (Возрождение), переименованная в 2011 г. в «Движение Нахда» (ДН) (араб. - *Харакат ан-Нахда*), во главе с видным деятелем политического ислама Рашидом Ганнуши, исповедовавшим исламистскую идеологию, близкую движению «Братьев-мусульман», а в Египте президентом был избран также представитель «Братьев-мусульман» - Мухаммед Мурси.

Необходимо отметить, что «Братья-мусульмане» большое внимание уделяли созданию горизонтальной сети своей организации, включавшей в себя политические структуры, благотворительные организации, мечети, профсоюзные и молодежные объединения. Таким образом, ее лидеры пытались создать некую модель «исламского государства» на уровне гражданского общества. Хасан аль-Банна, основатель ассоциации «Братья-мусульмане» провозгласил девизом организации «Аллах - наш идеал, Пророк - наш вождь, Коран - наша конституция» [1]. В период «арабской весны» этот лозунг почти дословно был повторен ставленником «Братьев-мусульман» Мухаммедом Мурси перед президентскими выборами в июне 2012 г.

Поддержка исламистов значительной частью населения на волне «арабской весны» была обусловлена тем, что в них видели силу, реально борющуюся с диктаторским режимом, и своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. В Египте во время президентских выборов в 2012 г. многие сторонники левой и насеристской² идеологии также отдали свои голоса представителю «Братьев-мусульман» Мухаммеду Мурси, видя в нем альтернативу его оппоненту Ахмеду Шафику, который для многих египтян ассоциировался с обанкротившимся режимом бывшего президента Мубарака (1928-2020).

Необходимо отметить, что в Тунисе успеху пропагандистской кампании исламистской партии «Нахда» как внутри Туниса, так и в общественном мнении Запада способствовал «двойной язык» исламистских лидеров и их пропагандистских органов.

Руководитель партии «Нахда» Рашид Ганнуши, долгое время находившийся в эмиграции в Западной Европе, понимал, насколько глубоко демократические традиции укоренились в европейском общественном сознании, а также важность общественного мнения при принятии решений европейскими правительствами. Поэтому в формулировках основных направлений исламистских доктринальных принципов в версии, предназначенной для Запада и светски ориентированной тунисской общественности, были полностью исключены все аспекты, используемые в обращениях к мусульманам - единомышленникам, которые могли быть интерпретированы как антидемократичные.

¹ Посол Египта в РФ на своей пресс-конференции в информационном агентстве «Россия сегодня» в июле 2013 г. подтвердил, что до 40% населения Египта жили на доход, составлявший менее \$2 в день, и существовали только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары (*прим. авт.*).

² Идеологическая и политическая доктрина, реализовывавшаяся в Египте в период правления президента Гамала Абделя Насера (1954-1970). Основывалась на арабском национализме с ведущей ролью Египта в Арабском мире и построении в Египте «арабского социализма», включавшего в себя элементы социалистической концепции и ислама (*прим. авт.*).

В версии для Запада фигурировали такие лозунги, как совместимость ислама и демократии, и заявления, что «Нахда» - это умеренные исламисты, которые не имеют ничего общего с экстремистскими группами. Тем не менее, ряд исследователей и, в частности, имеющий дипломы университетов Туниса, Сорбонны и Гарварда тунисский профессор Лотфи Мактуф полагал, что «сам термин «умеренный исламизм» являлся гениальным изобретением исламистского медийного маркетинга, чтобы нейтрализовать все опасения либерально-демократических кругов Запада и не разделявших исламистскую идеологию мусульман» [2, p. 129].

Однако с такой позицией вряд ли можно полностью согласиться.

Действительно, тактика использования «двойного языка» - одного для своих единомышленников и другого - для аудитории, не разделяющей исламистскую идеологию, является одним из пропагандистских методов исламистов. Он применялся как «Нахдой», так и Исламским фронтом спасения (ИФС) в Алжире, «Братьями-мусульманами» в Египте и, в достаточной степени, в риторике лидеров мусульманских организаций во Франции, где самое многочисленное арабо-мусульманское сообщество (более 10% населения) в ЕС и наибольшее количество исламских организаций, лидеры которых используют «двойной язык», но его исламистскую составляющую используют менее открыто в сравнении с Тунисом, Алжиром и Египтом³.

Тем не менее, в исламистском, так же, как в любом идеологически ориентированном движении, существуют как радикальные, так и умеренные течения и их лидеры. Вопрос заключается лишь в том, насколько умеренные члены руководства могут влиять на общую политическую линию движения.

Немаловажным фактором, способствовавшим приходу к власти исламистских движений на волне «арабской весны» в Тунисе и в Египте явилась также их поддержка извне такими мусульманскими странами, как Турция и Катар, идеологические концепции которых близки «Братьям-мусульманам». С помощью этих стран, а также при их финансовой поддержке, исламистами была развернута широкая пропагандистская кампания, направленная на все слои населения при умелом использовании современных технологий и методов политической борьбы.

Однако после прихода к власти партии политического ислама не сумели решить ни одной из тех острых социально-экономических проблем, против которых был направлен социальный протест «арабской весны». Более того, экономические проблемы и ситуация с общественной безопасностью усугублялись⁴.

Усиление социальной напряженности и политической нестабильности вело к подъему политического и религиозного экстремизма. Участились случаи столкновений радикальных исламистов как с политическими оппонентами, так и с этническими и конфессиональными меньшинствами в Египте, Йемене, Ливии, Тунисе, Сирии. В наибольшей степени это касалось представителей христианских общин, что вызывало их эмиграцию. Некоторые исследователи говорили даже об исходе христиан с Арабского Востока.

В то же время у исламистских лидеров возобладала тенденция к монополизации власти и реализации своих партикуляристских целей. Такая их позиция вызвала разочарование и недовольство политических сил, которые принимали участие в свержении диктаторских режимов. Они чувствовали себя оттесненными от реальной власти и принятия решений по дальнейшему развитию страны и видели, что плодами победы над диктаторскими режимами воспользовались движения политического ислама.

Наряду с этим политика исламистских лидеров по усилению исламизации общественно-политической жизни провоцировала обеспокоенность и протест части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Такая ситуация вела к размежеванию в обществе и массовым протестным манифестациям против находившихся у власти партий политического ислама.

В результате, в Египте Мухаммед Мурси в июле 2013 г. был отстранен от власти армией, действия которой, за исключением «Братьев-мусульман», поддержали все политические партии, муфтий Египта и коптский патриарх. Президентом Египта в 2014 г. был избран министр обороны генерал Абдель ас-Сиси. В связи с тем, что радикальная часть «Братьев-мусульман» начала совершать террористические акты в Египте, деятельность ассоциации была запрещена. В Тунисе также под давлением массовых протестов исламистская партия «Нахда» ушла от власти, и по итогам президентских выборов, состоявшихся

³ В других странах есть своя специфика, в Германии большая часть мусульман - турки, в среде которых сильно влияние сторонников Эрдогана, в Англии - много выходцев из Индии, Пакистана, стран Юго-Восточной Азии, у исламских организаций здесь есть свои особенности, они менее публичны по сравнению с Францией (прим. авт.).

⁴ Во время пребывания в Египте в 2015 г. автору доводилось слышать рассказы египетских коллег о том, что в период президентства Мухаммеда Мурси в 2012-2013 гг. ситуация с общественной безопасностью резко обострилась. Жителям приходилось организовывать своеобразные группы дружинников для дежурства в подъездах своих домов в Каире из-за участвовавших квартирных краж и грабежей.

в декабре 2014 г. президентом был избран лидер демократически ориентированной партии «Призыв Туниса» Беджи Каид ас-Себси.

Тем не менее, «Движение Нахда» продолжало оставаться значительной политической силой, о чем свидетельствовали результаты парламентских выборов в 2014 г., на которых ДН заняло 2-е место по числу завоеванных им депутатских мест. Наряду с этим руководство «Движения» провозгласило в 2016 г. на X съезде радикальную трансформацию своей идеологии и переход к демократическим принципам, фактически отказавшись от доктрины «Братьев-мусульман». Так, Рашид Ганнуши заявил, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе, и Нахда является политической, демократической и гражданской партией» [3].

Вместе с тем, многие исследователи в Тунисе и за рубежом восприняли эти заявления как тактический ход, обусловленный изменившейся внутренней и внешней политической ситуацией. Тем не менее, часть достаточно известных западных экспертов, как, например Жак Хюнтзингер считали, что «Нахда» «восприняла, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», необходимость глубокой идеологической ревизии политического ислама, так как только в этом случае возможна совместимость ислама с демократией» [4, р. 74].

КОНФЛИКТЫ В АРАБСКОМ МИРЕ

Одним из последствий «арабской весны» и возникших кризисных явлений в Арабском мире стало углубление размежевания и противостояния между различными арабскими странами и их группами. Они были обусловлены различиями в политических и экономических интересах и исторически сложившимися религиозно-политическими противоречиями, обострившимися в ходе возникших конфликтов, а также действиями внешних акторов, таких, как Турция, Иран и страны Запада.

Так, в Сирии руководство Башара Асада, противостоявшее вооруженной оппозиции, представленной, в основном, исламистскими суннитскими группировками, поддерживал Иран, имевший со-

юзнические отношения с сирийским руководством со времен ирано-иракской войны (1980-1988), а также шиитское ливанское движение «Хезболла», союзное Ирану.

В свою очередь, различные отряды сирийской вооруженной оппозиции поддерживались Королевством Саудовской Аравии (КСА), противостоявшим Ирану, а также Катаром. Причем в силу конфликтных отношений между КСА и Катаром⁵, КСА поддерживало сирийские группировки, исповедовавшие доктрины, близкие саудовскому ваххабизму, а Катар те, которые разделяли идеологию «Братьев-мусульман», практикуемую Катаром и запрещенную в КСА.

В то же время Турция, являясь наряду с Россией и Ираном страной-гарантом Астанинских соглашений⁶, тем не менее, поддерживала сирийские исламистские группировки, разделявшие идеи «Братьев-мусульман», определяя их как умеренную оппозицию. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития (ПСР) исповедует доктринальные концепции, идеологически близкие «Братьям-мусульманам», определенными экспансионистскими целями Анкары в отношении Сирии и региона, в целом⁷, а также стремлением к лидерству в исламском мире. Примечательно в этой связи заявление Рашида Ганнуши на переговорах в 2017 г. в Стамбуле с президентом Турции о том, что «после разгрома диктаторами «арабской весны» именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером Исламского мира» (см.: <https://golosislama.com/news.php?id=30073>).

Особенно такая позиция Турции проявилось в Сирии в районе г. Идлиб в феврале 2020 г. в конфликте между сирийской правительственной армией и лояльными Турции исламистскими группировками, объединившимися в т.н. Национально-освободительный фронт (*Джабхат ватанийя ли-т-тахрир*), которые неоднократно совершали провокационные обстрелы позиций сирийских войск и населенные пункты, включая пригороды Алеппо.

В Сирии дислоцируются также воинские подразделения США и их союзников, несмотря на то,

⁵ В июне 2018 г. КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет прервали дипломатические отношения с Катаром, объявили о введении против него экономической блокады и ультимативно предъявили ряд требований. Среди них были такие, как прекращение поддержки террористических организаций (имелись в виду «Братья-мусульмане»), отказ от имевшего места, по мнению этих стран, сотрудничества с Ираном, прекращение строительства турецкой военной базы в Катаре, закрытие финансируемого Катаром телеканала Аль-Джазира (*прим. авт.*).

⁶ Соглашения, заключенные на переговорах, проходящих в г. Астана (Казахстан) с 2017 г. между представителями правительства Сирии и сирийской оппозиции, в т.ч. частью вооруженных группировок, под эгидой России, Ирана и Турции - гарантов этих соглашений (*прим. авт.*).

⁷ Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из ее участников рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-муминин» - «Повелитель правверных» (титул халифа) (*прим. авт.*).

что ИГИЛ, для борьбы с которым они предназначались, к 2018 г. было разгромлено благодаря, в основном, действиям российских ВКС и сирийской правительственной армии, и для нахождения американских военных в Сирии нет легитимных оснований. Причем возникновению ИГИЛ и его террористической экспансии в 2014-2017 гг. на части территории Сирии и Ирака во многом способствовала поддержка сирийской вооруженной оппозиции, в т.ч. ее радикальных группировок, монархиями Персидского залива, Турцией и ведущими странами НАТО

В Йемене после отстранения хуситским⁸ движением от власти президента Хади продолжается вооруженный конфликт между хуситами, политически и дипломатически поддерживаемыми Ираном, и сторонниками находящегося в КСА свергнутого президента Хади, которых поддерживает КСА, осуществляя с 2015 г. совместно с рядом государств Персидского залива прямое вооруженное вмешательство в Йемене [7]. Вместе с тем, на юге Йемена действует Южный переходный совет - организация, выступающая за независимость юга Йемена⁹.

В Ливии после краха в 2011 г. режима Муаммара Каддафи, произошедшего в результате прямой военной поддержки странами НАТО противников Каддафи, представленных по большей части исламистскими группировками, продолжается гражданский конфликт. Основные его участники, с одной стороны, - Правительство национального согласия (ПНС), базирующееся в ливийской столице г. Триполи, возглавляемое Фаизом Сарраджем и признанное ООН. С другой - Временное правительство и парламент Ливии, избранный в 2014 г., действующие в восточной части страны в г. Тобруке.

Причем, если вооруженные формирования, поддерживающие ПНС, представлены различными, в основном, исламистскими силами, исповедующими, в том числе, идеологию «Братьев-мусульман», то на стороне правительства в Тобруке действует сформированная и возглавляемая маршалом Халифой Хафтаром Ливийская национальная армия (ЛНА), в которую вступила часть военнослужащих бывшей армии Каддафи и которая имеет поддержку довольно значительной части ливийского общества.

При этом ПНС поддерживается Турцией, в силу ее геополитических, экономических и конфессионально-идеологических интересов, и Катаром, а также Тунисом и Алжиром, поддержка которых не официальная, т.к. их официальная позиция -

необходимость переговоров и компромисса. С другой стороны, действия ЛНА во главе с Халифой Хафтаром поддерживаются Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ и в известной мере - Францией и Грецией (их поддержка не объявляется открыто, т.к. ПНС официально признано ООН).

В 2020 г. конфликт в Ливии обострился, с одной стороны, в результате предпринятого ЛНА наступления на Триполи, и, с другой стороны, в связи с активизацией вмешательства в конфликт внешних сил. А именно, Турции, оказавшей ПНС военную поддержку, в т.ч. передислоцировав из Сирии на помощь военным формированиям ПНС боевиков из лояльных Турции сирийских вооруженных группировок. При этом Анкара заявляла, что на стороне ЛНА воюют иностранные военнослужащие, в частности, из Судана.

КРИЗИС В АРАБСКОМ МИРЕ, КАК ЧАСТЬ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Продолжением процессов, начавшихся в ходе «арабской весны», стали протестные движения в ряде арабских стран, происходившие в 2018-2020 гг. Их результатом стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане и Ираке, а также досрочное избрание нового президента в Тунисе Каиса Саида в связи с кончиной президента Беджи Каида ас-Себси в 2011 г. и избрание спикером тунисского парламента в ноябре 2019 г. лидера исламистской партии «Движение Нахда» Рашида Ганнуши, происходившие также на фоне протестных манифестаций.

Основными причинами массовых протестов в арабских странах как в период «арабской весны», так и на современном этапе - наряду с исторически обусловленными особенностями для каждой страны и внешними факторами - являлись все те же нерешаемые внутренние кризисные явления в социально-экономической сфере.

Этот социально-экономический кризис, переживаемый большинством стран Арабского мира, которые воспроизводили западную общественно-экономическую модель и являлись ее интегральным элементом, можно рассматривать в более широком плане - как следствие и часть глобальных негативных явлений, происходивших в мировой экономике.

Они обусловлены тем, что основной принцип данной модели, предполагающий достижение максимальной прибыли при минимальных затра-

⁸ Хуситы - движение мусульман, исповедующих зейдитский (по имени его основателя Зейда ибн Али) мазхаб шиитского направления ислама, названное в честь его лидера имама Хусейна аль-Хуси (*прим. авт.*).

⁹ На территории Йемена до его объединения в 1990 г. существовало два государства - Йеменская арабская республика (ЙАР) и Народная демократическая республика Южный Йемен (НДРЮЙ) (*прим. авт.*).

тах и, соответственно, максимальную рентабельность производства, наряду с определенным позитивным макроэкономическим эффектом, несет и значительные негативные последствия. А именно - рост безработицы, что провоцирует снижение уровня жизни значительных слоев населения, а также расслоение общества, что ведет к усилению социальной напряженности. Наряду с этим продолжается тенденция сосредоточения финансовых ресурсов в руках узкой группы банковских и олигархических структур и, с другой стороны, рост числа нищих в мире.

Обострение социально-экономических проблем в большей степени коснулось в странах ЕС мигрантской среды, представленной, в основном, арабо-мусульманской диаспорой. Такая ситуация вела к тому, что часть мусульманской молодежи, не имевшей возможности найти свою нишу на рынке труда, обращалась к исламистской идеологии.

ИСЛАМСКИЙ ПРОЕКТ - АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНОЙ МОДЕЛИ?

Что касается движений политического ислама, их подъем в Арабском мире, а также в достаточной мере в арабо-мусульманских сообществах в Европе, большая часть которых сохранила свою исламскую идентификацию и являлась также частью арабо-мусульманского мира, был обусловлен системным кризисом, в котором действовали его социально-экономическая, политическая и идеологическая составляющие. В свою очередь, идеологический кризис был во многом обусловлен тем, что правящие арабские режимы пытались реализовывать модель либеральной демократии после провала политики национализма и социалистической ориентации, а также ухода из арабского общественного сознания пользовавшейся достаточным влиянием социалистической идеи, что во многом было обусловлено крахом поддерживавшего ее советского блока.

Тем не менее, западный либерализм не был воспринят большинством арабских социумов, считавших эту идеологию чуждой традиционным исламским ценностям и частью политики вестернизации и экспансии Запада. В результате, образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться исламистской идеологией, представлявшей собой социальный и отчасти цивилизационный протест, выраженный в религиозной форме.

Одним из основных теоретических обоснований исламистских идеологов о необходимости выработки «исламского пути» являлось утверж-

дение о том, что западное общество, по их мнению, находится в состоянии морального упадка и духовного кризиса. Согласно исламистским концепциям, которые развивал один из идеологов политического ислама, лидер алжирского «Исламского фронта спасения» Аббаси Мадани, «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту» [5, р. 20].

На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки «исламской альтернативы» как закономерной ответной реакции мусульман на кризис либерализма и западного общества в целом.

Исламский путь, как заявляют его проповедники, представляет собой такое общественное развитие, в котором идеологической основой будут являться исламские ценности, а форма жизнеустройства станет базироваться на законах Корана и шариата, воплощенная в «исламском государстве». Такому позитивному развитию мусульманского общества, по утверждению лидеров политического ислама, должно способствовать также распространение принципов исламской экономики. Они предполагают исламское социальное партнерство между предпринимателями и наемными работниками, поскольку и те и другие являются мусульманами, и наиболее справедливую и прогрессивную, с точки зрения исламистов, исламскую банковскую систему, в которой не взимается банковский процент¹⁰.

Таким образом, движения политического ислама предлагали исламский проект создания справедливого миропорядка как своего рода альтернативу ныне действующей западной общественно-экономической и идеологической модели. Причем наиболее радикальные исламистские идеологи ставили своей целью реализацию исламского проекта не только в арабо-мусульманском мире, но и создание всемирного халифата.

Если говорить о реальном воплощении исламского проекта в мусульманском мире, такие попытки, не увенчавшиеся успехом, предпринимались в Алжире, Судане и в ходе «арабской весны» в Тунисе и Египте. В определенной степени они реализованы в шиитском варианте в Иране и в суннитском - в Турции, где правящая группировка состоит из представителей умеренного исламизма, выходцев из движения «Братьев-мусульман».

¹⁰ Реально он существует, но в другой форме (прим. авт.).

Исламский проект пользовался определенной поддержкой среди части мусульман, что способствовало подъему исламистских движений в период «арабской весны». В дальнейшем террористические действия радикальных течений политического ислама в ряде арабских стран, активизация терроризма в Европе, которую ИГИЛ объявил «благословенным нашествием солдат Халифата на крестоносцев» [6, р. 11], а также продолжающиеся конфликты в Сирии, Ливии, Йемене, обусловили снижение поддержки политического ислама в мусульманских социумах.

В условиях перманентного обострения социально-экономических проблем в большей части арабо-мусульманского мира и в странах Запада, исламский проект, являющийся наиболее понятным и приемлемым для части мусульман, вновь может выйти на политическую авансцену. Тем более, что действующая общественно-экономическая модель либерализма и свободного рынка не демонстрирует успешного решения вышеуказанных проблем.

Свою альтернативу западной модели показывает успешное развитие Китая, экономика которого - вторая в мире. Китай реализовал своеобразную конвергенцию, не отказавшись от социалистической системы, интегрировав в нее элементы свободного рынка и осуществляя при этом широкую экономическую экспансию в мире, в т.ч. в арабские страны.

Общественно-экономическая система Китая показала свои явные преимущества в решении такой глобальной проблемы, как эпидемия коронавируса - COVID-19 в 2020 г. В КНР с ней справились, в основном, за 2 месяца и с гораздо меньшими потерями как человеческими, так и экономическими, по сравнению с Европой и США.

В Арабском мире коронавирус также не получил столь широкого распространения. Во-первых, в связи с тем, что практически во всех арабских странах 50% населения - это молодые люди моложе 30 лет, которые легче переносят эту инфекцию и жаркий климат, снижающий, по мнению части медиков, его распространение. Во-вторых, в тех

странах, где имеют место гражданские конфликты, COVID-19 не уделяется столь большого внимания, в т.ч. в СМИ, - он отходит на второй план перед более острыми вопросами, а также вследствие недостатка достоверной информации в связи с деградацией системы здравоохранения.

Тем не менее, ряд мер для борьбы с эпидемией принят практически во всех арабских странах. На Ближнем и Среднем Востоке наибольшее число заболевших и погибших было зарегистрировано в Иране, соответственно, около 20 тыс. и 1 тыс. 300 на середину марта 2020 г., но затем ситуация стабилизировалась. В арабских странах эти цифры, по довольно приблизительным данным ВОЗ, составляли более 20 тыс. заболевших и 1 тыс. летальных исходов на 18 стран региона, однако впоследствии эти цифры увеличивались.

В большинстве арабских стран был введен режим самоизоляции и карантина, закрыты места общего пользования, ограничены сообщения между странами и въезд иностранных граждан. В Сирии перенесены парламентские выборы с апреля на конец мая 2020 г. Ряд арабских стран запросили помощь у Китая. В свою очередь, Кувейт и ОАЭ оказали помощь Ираку и Ирану, а также выделили \$40 млн в фонд ВОЗ. Наряду с этим США отказались снять санкции с Ирана и Сирии и прекратили финансировать ВОЗ.

Однако проблемы, которые провоцирует коронавирус, такие, как снижение темпов развития экономики, потеря миллионов рабочих мест и, соответственно, снижение уровня жизни, могут привести в Арабском мире, и не только, к обострению кризисных явлений и социальным протестам.

В этой связи вполне вероятно, что альтернативой исламскому проекту, а также либеральной модели общественного развития, сможет стать идеология, провозглашающая справедливый миропорядок, но основанная на некоей конвергенции социалистической идеи, вобравшей в себя современные социальные и иные концепции, к которой обратится человечество на следующем цивилизационном витке своего развития.

Список литературы / References

1. Hasan al-Banna (1906-1949). <http://www.islamtimes.org/en/doc/article/3884> (accessed 8.04.2016)
2. Mactouf Lotfi. *Sauver la Tunisie*. Librairie Artheme Fayard. Paris, 2013.
3. Laurent Ribadeau. *Congres d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique?* <http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique-106825> (accessed 15.09.2016)
4. Jacques Huntzinger. *Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam*. College des Bernardins. Editions Parole et Silence. P., 2014.
5. Madani Abbaci. *Crisis of the contemporary thought and justification of the Islamic decision*. Alger, 1409/1989. (In Arab.)
6. Kepel Gilles. *Terreur dans l'Hexagon*. Editions Gallimard. Paris, 2015.
7. Подробнее см.: Бурт А.А. Пропганда хуситов в Йемене. Калька с ливанской «Хезболлы» или самостоятельный продукт? *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 5, с. 21-27. (Burt A.A. The Houthis propaganda in Yemen: A copy of the Lebanese Hezbollah or their own product? *Asia and Africa today*. № 5) (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750009543-9

THE RENOVATION PROCESSES IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA IN THE 21 CENTURY

© 2020 A. TKACHENKO, K. TKACHENKO

DOI: 10.31857/S032150750009874-3

Alexander A. TKACHENKO, PhD (Economics), Head, Centre for North African and African Horn Studies, Russian Academy of Sciences (alexander.tkachenko@inafr.ru)

Konstantin A. TKACHENKO, PhD (Economics), Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (konst86@gmail.com)

Abstract. *The article shows renovation/modernization processes that were started in the last quarter of the XX century in the Middle East and North Africa. Those renovation/modernization processes impacted nearly every of 23 countries of the region, but the impact varied in time and forms/depth. The effects of the processes were different, though there were a number of reasons for the transformation/renovation shifts, which in a way could be considered common for a big group of quite different countries.*

One of the most striking features of this phenomenon, named differently in countless articles and monographs, devoted to this country, regional and global sociopolitical event - a mass protest movement, an uprising, a turmoil (fitna), revolutions, upheaval, civil wars, the Arab Spring - has become a wide range of assessments made by experts and politicians [1]. This range included both bashing and blasting, and a Nobel prize awarded to a group of credible public organizations of Tunisia - the birthplace of the Arab Spring (to the General confederation of Tunisian trade unions, Tunisian manufacturing, Trade and crafts confederation, Tunisian league for human rights and Tunisian lawyer union) - the initiator and active participant in reconciliation talks.

This article is devoted mainly to an attempt to determine the near future and the more distant perspective of the Southern Mediterranean and the Arab Peninsular countries in the light of more or less established assessments of reasons and consequences of political turmoil in the region at the end of 2000s - early 2010s, and the lessons learned from the Arab Spring. This may be done with regard to a wide range of factors affecting development of the Arab states "from within" (country-specific circumstances of development, cultural and civilization processes) and "from outside" (regional and global factors), particularly to globalization and progressively evolving uncertainty in international relations at the second decade of XXI century.

Keywords: *Middle East, North Africa, modernization, Arab Spring, civilization processes, globalization, Islam, world economy, ecology, conflicts, international safety*

GEOPOLITICAL AND GEOECONOMICAL FEATURES OF THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA

Geopolitical and geo-economics parameters/features of the object of the study - the Middle East and North African (MENA) countries predetermine significant differences in the nature and dynamics of renovation/transformation and development of selected states. This is due to significant differences in historical-cultural development, ethnic and confessional composition within a large group of countries, and their population with undoubted dominant professing Islam (though not the solid Islam but Islam divided/composed into/of the two conflicting and mutually hostile branches - Sunni and Shia).

This group includes 23 states that differ in natural and geographic environment and have a rich historic background with its particular case in each/every country. Today there exists a rather mixed picture of positions that selected countries of the region hold in the "world ranking" of the level and dynamics of economic development, quality of human capital, scale of poverty, investment climate, framework conditions for investment, and other indicators/elements. All of this directly affects

implementation of renovation/modernization concept - the key mega trend of social development of the region in recent decades.

An important place in forming the ideas about renovation processes is held by the key macroeconomic indicators, among which are the level and dynamics of annual income per capita, dynamics of labor productivity, changes in investment climate and volume of foreign investment, etc. In 2019 the per capita income in the least developed countries - Mauritania, Somalia, Eritrea, Sudan, Yemen, Djibouti, varied between \$2,000-4,000; in the slightly more developed countries - Syria (prior to the civil war), Morocco, Tunisia, Iraq (present) this figure was closer to \$5,000-12,000. The per capita income in the even more developed states - Egypt, Jordan, Algeria, was \$12,000-15,000, in the richest states - Saudi Arabia, Kuwait, United Arab Emirates, Qatar, it was significantly higher - \$50,000-130,000 [2]. A sharp contrast!

The other differences in the social sphere are no less significant. In the capital-rich Gulf countries important elements and institutions of social protection common for the highly developed industrial states, have become a reality: full

Table 1

Unemployment rate in selected Middle East and North African countries in the 2010s, %

Country	Unemployment rate, official data	Unemployment rate, unofficial data	Unemployment status evaluation for 1990-2015
Algeria	ca. 10	26-30	consistently very high
Mauritania	31	30	consistently very high
Morocco	ca. 10	21-25	consistently high
Sudan	>10	>20	consistently high
Tunisia	>15	15-16	high, unsustainably declining
Libya	30	25-30	consistently very high
Saudi Arabia	6	12-15	consistently growing
Yemen	25-30	25-30	consistently very high

Source: [4].

education, medical services, modern urban services etc., affordable for practically the majority of social strata or even the whole population. But even in these rich countries some social problems are still not gone for good.

Moreover, some of these problems are new to these countries and can only be solved within the framework of ongoing social renovation and social reforming. This applies to unemployment in particular. In Saudi Arabia where the per capita income is the same or higher than in Europe, the unemployment rate is estimated between 6-14% and more per cent of economically active population [3]. In Libya (prior to the political turmoil of 2011 and the fall of Qaddafi regime) this figure accounted to 30% of the population (see Table 1).

Another growing problem is social inequality that has sharply increased after the first revolution of world oil prices in 1973-1974. Only this time the inequality has a new form: at the regional level - between 5-6 Gulf states and more than a dozen other Arab countries of the Middle East, at the country level - between a small per cent of the rich and super-rich and 20-40% of the population relating to the "social bottom". Finally, no less urgent is the situation of millions of migrants (around 1/3 of the population of selected Gulf states are migrants) which leaves much to be desired [5].

The social inequality in the Arab states and on a larger scale - in the Islamic world, is particularly acute and painful, many times giving rise to a social outburst in the form of mass protest movement. That said, there exists no coherent picture of the social inequality either in the member countries of the Gulf Cooperation Council - the most prosperous group of Arab countries, or in any other groups.

SOCIAL AND ECONOMIC REFORMS VS ARCHAIC/STANDSTIL/STAGNATION

Although implementation of social and economic reforms and renovations became headliner of social and political life almost in the whole region at the dawn of XXI century (except for deeply marginalized countries - Mauritania, Somalia, Sudan, Eritrea, Yemen), the social picture of certain countries remains quite mixed.

At the same time, in a large group of countries of the region, during the past decades of slow renovations or time marking, there appeared consistently problematic areas, for which either no solutions are seen at the moment or they exist but will be implemented only in the long distant future. In this context one should mention in particular three problems: firstly, the long-term unemployment rate (ca. 15-20-30%, which is much higher with the youth - 40-50%), secondly, a huge and herewith growing social inequality and thirdly, disparities of political power [6].

Ironically, all 4 groups of the above mentioned countries are at the moment much more alike politically, than socially and economically, which is very telling. Disparities in the long-established, historically inherited political model that remains hard, inflexible, non-renovating or slowly renovating even after the Arab Spring, are common for the 3 groups of countries with modest or low income per capita. However, in Tunisia and in some Gulf states the choice is made for gradually renovation/modernization, including some renovation steps of the established political models. Essentially, both the speed and nature of these renovations are country-specific [7].

This process resembles what was happening in South-East Asia in the second half of the XX century: renovation here started in the relatively tight space - South Korea and Hong Kong but gradually spread to the whole region, where the archaic way of life strongly opposed to any renovation, and succumbed to it only decades later.

INCREASING THE DIFFERENCES BETWEEN THE MENA COUNTRIES

Since the mid-XX century, especially under influence of accelerating scientific progress in the world economy, from which a considerable number of MENA countries were able to benefit, and also under influence of changing formations - historical phases in the centers and partially on the margins, under the influence of globalization processes, the difference between the MENA countries has increased significantly.

Consequently, the models of development have also differed. In several countries that are now at a crossroads - Yemen, Mauritania, Sudan, Eritrea, Somalia stagnant or regressive trends have emerged, and at the moment it is hard to say how and when the tide can be turned.

Besides, though among the national development goals, one can find a lot in common (mostly pork barrels), the instruments to achieve these goals, despite having minor similarities, are distinctly different, in particular the instruments used by capital-rich Gulf states and by poor countries.

It's a stretch to say there are any monumental historic bonds that undoubtedly play the key role in global renovation processes. This is hard proved by historic experiences of South-East Asia, China, Japan and other developed states.

Today the role of historic bonds in social, political and economic processes of the Arab world in the XXI century remains under-examined. How strong are these bonds and how do they compare with the key trends of world development in the light of the Arab Spring - in the center of civilization and on the margins, and how strong are they in the MENA countries in the light of centripetal and centrifugal trends? On top of that, perhaps the region is a unique mix of both positive and negative/conservative bonds, and that shows in a number of ways - in rigid authoritarian model/system of power, in immensely strong impulses to overcome this system, in the forming of remodeled authoritarianism, and in the influence of diverse Islam.

It is essential to give quality characteristics of how the economic, social and political renovation affect the processes happening with various speed in

the vast MENA region. Turkey is particularly interesting in this regard, since it belongs to two "worlds" at once - mostly to the world of Islam but also to Europe. The experience of Turkey contains answers to many questions about renovations in the Arab-African region, it shows that renovation is appealing to the general population. It is clearly reflected in elections of various levels - municipal, parliamentary, presidential, both in Turkey and some other MENA countries: the voter turnout is consistently high reaching 65-85% [8].

One of the crucial components - if not the key one - of evaluation of renovation processes under social transition is the definition of political, social and economic transformation vectors in the Arab states. These vectors were formed in 2000s under influence of confrontation/dispute between archaic and renovation, secular and religious, traditional and modern.

Changes in each of the Arab states since the beginning of reforms in the last third of the XX century have followed the old templates in one way, but were quite diverse in the other. For the past 30-40 years in the region, it has been common to see a combination of false start in implementation of political and social reforms, and moderate economic liberalization. One should note that the more conservative - compared to North Africa, Gulf regimes have been more active at renovating the political landscape (excluding sometimes the top of political power).

However, this is more a "catching-up" activity: the policies regarding women's participation in social, political and economic life have become more liberal, personal freedoms have somewhat increased, but certain deeply medieval features and traditions have maintained. On the whole, for the past 50 years the shifts have been limited (but anyone could say that this is just the beginning).

Renovation processes of the last third of the XX - first decade of the XXI century can be generally characterized as faltering [9]. That is why the political turmoil - the Arab Spring, did not come as a surprise. The scale and depth of these turmoil however, exceeded all expectations: growing of socio-political problems due to, among others, the degradation of authoritarian power/ruling and demographic factor, the systemic nature of the authoritarian crisis were due to globalization, formation of single information space, etc. The role of a leader, head of regime, the tribal aspect (or its absence), the nature of interfaith relations, the presence or absence of reliable social and political buffers, as well as other characteristics of historic development, defined the specifics and depth of the

crisis in each one of the countries affected by the Arab Spring.

Apart from differences in social and economic development, the authorities, the authoritarian political models were also peculiar. Independent Algeria had mostly existed as a one-party, military rule - until the early 1990s the country was de-facto governed by army/military and security forces. Libya had never had either a multi-party system or parliamentarianism. In Morocco the political model that was formed in independence, can be defined as constitutional parliament monarchy where the monarch both reigns and rules. The royal court (makhzen) also plays a prominent and somewhat defining role. There are some similar features of political power in Gulf Arab states.

Egypt, prior to the 1952 July revolution, had for a long time had a multi-party system, a multi-party parliament - People's Assembly but with limited power/functions. In Tunisia, the country that used to be seen as a showcase of "Destour socialism", and the most developed one both economically and socially, the president-parliament republic had nonetheless been turning into a rigid authoritarian regime, with signs of absolutism, over time. These signs showed themselves in the trend of the latest period towards inherited power.

One could not deny that there used to exist democratic elements (modern and/or traditional) in political systems of all the countries, but their role was always limited if not figurehead. The political life was dominated by the head of state, who concentrated (as usual) unlimited power.

As a result of the system crisis that led to the "Great Arab revolution", a number of regimes fell, in some of them a bloody civil war broke out.

Since the end of 2010 - early 2011, a new vector of political development has formed in the Middle East and North Africa, this vector is evolving mostly (but not entirely) under influence of a struggle between two trends. The first, and the dominating one, is the trend of maintaining the real power in the hands of a relatively small group, mainly or partially represented by army/military and security forces and entourage of the head of state, while pursuing figurehead or proto-democratic reforms. This vector of political evolution can somewhat be defined as a "corrected", transforming and tendentiously renovating rigid authoritarian model. This model is much the same as the older one, but altered with account of the lessons learned from the Arab Spring, and containing a germ of renovation.

The other (limited) trend is forming of a basis for Eurocentric democracy (separation of functions between the three relatively independent power

branches, the truly multi-party parliament, significant role of NGOs, free relatively independent mass media, constitutionally limited political role of the army, etc.) with national historic specifics and traditions (significant role of Islamic spectrum of politics). This trend has emerged and exists as a result of the Arab Spring, as a trend towards formation of grounds, structures and institutions of civil society, all of which might become embedded in renovating power with a differing balance between its parliament and president branches. The specifics of the second emerging model is a much broader participation of the allegedly moderate Islamic political forces representing the balance of the Islamic and secular specters, in political life.

Large-scale political turmoil, civil wars have brought high tension into interstate relations in both regions of the Arab world - Maghreb and Mashreq, and led to new conflicts including the armed ones. That said, the process of dissolution of the "old" and formation of "new"/modern states is not and in some/majority cases far from complete. Contradictions between the key players on the global arena have intensified. The tensions in international relations, caused by the never fully eliminated consequences of the Cold War, have increased in the recent years. All of this cannot but affect the political processes, transformation and evolution of power relations and structures.

THE MAIN VECTORS OF RENOVATION OF POLITICAL POWER

Blurred forms of the Egyptian, Libyan, Tunisian, as well as of the Turkish and Iranian models of political development, are also possible [10]. Which country of the region will follow any of the above mentioned paths, is a topic for another day. A symbiosis, e.g. a mix of Iranian and Turkish model, is also probable, and that as a matter of fact, happened in the recent history of Iran under the ayatollah Rafsanjani and President Khatami, when the moderate Islamic political forces came to power.

Each model has naturally different perspectives. The interims, transitional options are difficult to discern. These perspectives or, in other words, viability of a model will, just like they did before, much define the outcomes of economic development. The rigid authoritarian model is not capable/viable of, or as the revolutionary turmoils have shown, does not have a potential enough to provide (the most) favorable conditions for a stable national development, for a long perspective. However, ideal (or close to ideal) circumstances necessary to secure a democratic trend (along other trends including

Table 2

Macroeconomic indicators of the Middle East and North Africa, 2014-2016

Country	GDP per capita, \$k	Foreign investment stock, \$bn	GDP growth rate in 2014-2016, %
Algeria	15,0	25,7	3,8-4,2
Djibouti	3,4	1,8	6,0-6,5
Egypt	12,6	94,5	2,9-4,3
Jordan	12,3	31,2	3,4-2,1
Iraq	11,9	26,6	0,7-10,1
Yemen	ca.3,0	n/a	-0,2-9,8
Qatar	127,7	35,4	4,0-2,7
Saudi Arabia	55,2	258,7	3,7-1,4
Kuwait	71,9	12,4	0,6-2,5
Lebanon	18,5	n/a	2,0-1,0
Libya	8,7	19,0	-47,7-4,4
Mauritania	4,3	n/a	5,6-1,5
Morocco	8,3	51,7	2,6-1,5
UAE	67,9	132,5	3,4-2,7
Oman	46,7	n/a	2,5-3,1
Syria	2,9	n/a	-30,1-9,9
Somalia	0,4	n/a	3,4-3,7
Sudan	4,4	24,4	1,6-3,1
Tunisia	11,6	37,3	2,3-1,0

Source: [2].

renovating traditional institutions and structures of democracy such as “*shura*”, “*divania*”, etc.), are still not in place - this is an opinion of many experts, though an debatable one [11].

It is possible that as a transitional model, the rigid but “highly educated and cultured” authoritarian power that has existed historically in a number of South-East Asia and several other regions (some of them with majority of Muslim population), has the best chances for success. This model however, was also a recipe for disastrous results in the past - due to weak structures of authoritarianism and weak bonds.

The range of emerging and developing/transforming political power models in the region containing more than twenty states with hundreds of tribes, clans and unions, is very wide. The measure of success of a forming model, its ability to respond to realities, can be a choice between archaic and modern, renovating (evaluated by level and dynamics of such indicators as GDP growth, income per capita (see *table 2*), as well as by participation of women in social and economic activity, unemployment, Human Development Index, share of industry in GDP and export, labor productivity,

share of education and medicine expenditure in GDP, etc.).

The region is therefore at a crossroads, and the range of opinions and estimates regarding the near or medium future of the countries among the experts, is broad [11, pp. 8-24, 28-29, 97-117; 12].

The outcomes of development in the region of the last 30-40 years, the collapse of several regimes, and the Arab Spring, have stronger than before drawn attention to the necessity of reforms, but effective and gradual and not imitative, reforms. The situation at the end of the second decade of current century has become significantly more complicated, and now it is more obvious than at the turn of the century, that a combined approach towards political, economic and social reforms has no alternatives. This makes things more difficult for politicians as they need to overcome the conditions that have led to the turmoil, to achieve the intermediate results of changes introduced, which would be convincing to constituencies.

Such results/targets in political sphere are a constitutional reform, an electoral reform, actual (wider) independence of all power branches -

representative (eliminating rubber-stamping, let alone de-facto single-party parliaments), judicial, executive, a (wider) independence of mass media, actual and not imitative, support of non-governmental organizations (NGOs) and other institutions and structures of civil society. Implementation of such a program will undoubtedly demand a lot of time and resources - intellectual, moral/ethical, material, financial. Extensive external assistance will also be a must.

Desired social reforms suggest a set of measures to cushion social contrasts, reduction of unemployment, development of efficient, internationally recognized mechanisms of fighting total corruption etc.

The economic sector requires advancing the creation of a solid foundation for self-developing market economy and development of socially responsible state, through relevant programs. Among these programs, the key one is a support of small and medium-sized enterprises that can solve a number of critical issues, above all the massive youth unemployment, and most importantly, become the basis for a gradual development of elements and structures of civil society.

The speed and depth of the ongoing reforms, and methods of their implementation, are the most important actively discussed aspects of the reform course. And here each country can only follow their own "reform map" with the exceptional importance of the often forgotten but absolutely necessary component of the reforms - the art/skills of politics. This raises some serious questions - about the nature of political culture of political elites, about the democracy tradition, its entrenchment or an absence of such, the role and positive influence of external factors and their ties to globalization and development of single/unit information space, with international law, etc.

* * *

Summarizing the review of the Arab Spring legacy, it should be stressed the following: the issue of power model and its change, is not in the choice between the leftist (partially populist) ideas, and the right-wing, the liberal or liberal-democratic ones, but is the choice between the modern and the archaic order in each country, including domestic economy and society. In an attempt to give a brief explanation to the political turmoil that have happened, one can suggest several names - unrest, mutiny (*fitna* - in Arabian language), mass protest, upheaval, revolution.

It seems that each one of these definitions is entitled to exist, each one has its own facts and reasons behind it, but the last one - revolution, likely

gives the most accurate (but not absolute) depiction of what is happening in the region with its negative and positive trends and results. Indeed, if the announced reforms of the electoral and constitutional law, economic, social and political renovations, are implemented, they will cause such drastic changes in the Arab society, that this could legitimately be called a revolution. Whether the Arab Spring brings the long expected benefits, is however a big question - the toll of the prolonged systemic crisis in the countries of the region after decades of the rigid authoritarian regimes, is too heavy [10].

Ideally, a successful implementation (an actual one, and not on paper alone) of the announced reforms, above all of electoral and constitutional system, which could lead to election of new, legitimate authorities, gives hope that authorities will regain the confidence of the masses/society, that the political regime can be legitimized, the mood on the streets eventually changed and, in a distant perspective, the long overdue economic, social and political renovations carried out.

And yet, the problems revealed by the Arab Spring, are so deep and large-scale that one should not expect a quick fix. This increases concerns widespread in scientific and expert community, about a possible next wave of protest movements with unpredictable consequences, especially since many countries lack reliable social and political buffers. Without such buffers it is difficult or (in several countries where the systemic crisis is especially deep) impossible to prevent social disintegration or even erosion of the state [13].

That said, new problems in the region become more obvious. The countries, including the relatively prosperous ones that have surplus capital, are facing an increasingly acute challenge of "technologies of the XXI century". These technologies would first of all combine the incompatible - labor-intensive solutions that would prevent the mounting unemployment (most notably the qualified youth unemployment), with the modern high-efficiency processes that would maintain both the economic growth and the renovations, which is crucially important especially for the countries that run behind the innovations, stuck in the second half of the XX century.

Also acute (and worsening), though country-specific, is the dilemma of combining the "green" technologies with the high-tech that provides economy renovation/modernization.

For the majority of the countries in the region, the North African ones in particular, the task of scaling-up foreign investment, has become significantly more

relevant. Foreign investors are well known for bringing in not only the needed financial resources, but also the crucial management experience, modern technologies, that are becoming more and more diverse and affordable.

The unique quality of investments from developed countries is that they introduce and implant the modern business ethics. Any successful renovation carried out without this "toolkit", is hardly possible. In the meantime, while the foreign investment stock in Saudi Arabia (over \$258 bln), United Arab Emirates (\$132,5 bln) and Qatar (\$35 bln), is quite significant, it is not that big in Algeria or Iraq, and is small in Sudan, Libya, Yemen, Syria, Mauritania, let alone Somalia and Eritrea. Furthermore, even in these countries largely bypassed by foreign investments, one can spot a slowly growing trend of inflows, that are crucially important for renovation of domestic economy. This trend was especially pronounced in Jordan, Morocco and Tunisia during the certain periods of 2000s.

Nevertheless, one should not idolize the role of foreign investment as they are accompanied by some negative phenomena (increasing dependence on occasional self-interest of counterparts - major corporations, high price of erroneous decisions of a local authority/host Party, etc.). That said, positive effects from such investments often become perceptible with a significant time lap.

Finally, turning to the most important macroeconomic indicator - the GDP growth rate, the picture is the following:

- the countries torn by civil wars (Libya, Syria, Yemen and others) are experiencing a decline in GDP;
- a large group of countries (Morocco, Tunisia, Sudan, Lebanon and some others including several Gulf states) are experiencing limited GDP growth of 1-3%;
- the capital-rich Saudi Arabia, Kuwait, Qatar and Jordan are experiencing uneven and, notably, modest growth rates [2].

This says a lot about the nature of (the beginning of) renovations: the course is not quite stable or highly effective yet. Economic renovation, the signs of which are indisputable, even in the relatively welfare countries of the region, cannot be viewed in short and medium perspective as a solid guarantee of renovations/modernization in social and political life. This in turn weakens the general course of renovation of the Arab part of margins and sub-margins.

Meanwhile, issues unresolved in due time, cause more and (often as usual) growing problems. Whereas, in the past, one could confine to renovations in the economic area, it is currently necessary to carry out comprehensive reforms hoping to catch up and get synergic effects. This greatly increases political risks, with all that it implies.

References

1. Васильев А.М., Ткаченко А.А. Революционные потрясения в Северной Африке. *Россия в полицентричном мире*. М., ИМЭМО РАН, 2011. 578 с. (Vasiliev A.M., Tkachenko A.A. 2011. (Revolutionary turmoil in North Africa. *Russia in a Polycentric World*. M.) (In Russ.); Протестные движения в арабских государствах / И.В.Следзевский, А.Д.Саватеев, отв. ред. М., 2012. (2012. Protest Movements in the Arab States / Sledzevskiy I.V., Savateev A.D., eds. M.) (In Russ.); Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Вторая половина XX - начало XXI века. Второе переведенное и расширенное издание. М., 2012. (Primakov E.M. 2012. Confidential. The Middle East: on the Stage and Behind the Scenes. Second Quarter of the XX - Early XXI Century. Second ed., transl. and expanded. M.) (In Russ.); Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. и др. Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? М., ИВ РАН. 2012. (Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A., et al. 2012. The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What's Next? M.) (In Russ.); Galal Amin. Egypt in the Era of Hosni Mubarak. 1981-2011. Dar el-Kutub. N.Y. 2011. Pp. 1-13; Anoushiravan Ehteshami. Is the Middle East Democratizing? *British Journal of Middle Eastern Studies*. L. 1999. 26 (2); Vidyasova M.F., Orlov V.V. Political Islam in the North African Countries. M., 2008.
2. The World Bank. World Development Indicators. 2017. NY, UN. Pp. 10-14; The World Factbook, 2019. Economy. Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Libya, Morocco, Syria, Iraq, Saudi Arabia, Kuwait, Sudan, Qatar, UAE, Oman, Bahrain, Tunis, Yemen. <http://cia.gov/library> (accessed 10.08.2019)
3. The World Factbook. 2017. People. Economy. Saudi Arabia. <http://cia.gov/library> (accessed 18.02.2018); The World Bank. World Development Indicators. 2017. NY, UN. Pp. 37-41.
4. Eurostat, Demographic Statistics: Data 1960-1999. Office for Official Publications of the European Communities. Luxembourg; The Middle East and North Africa. 2000. L. 2000. P. 333; The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001. Pp. 857, 1127, etc.; The Middle East and North Africa. 2013. L. 2013. Pp. 813, 1213; Compendium of Statistics in the Arab Region. 1995. Pp. 31-35 (In Arab.); The World Factbook. 2019. Algeria, Egypt, Libya, Mauritania, Morocco, Saudi Arabia, Sudan, Tunisia, Yemen. Economy. <http://cia.gov/library> (accessed 10.08.2019)
5. World Migration Report. 2018. Chapter 3. Migration and Migrants: Regional Dimensions and Developments. P. 14.
6. The Middle East and North Africa. 2013. L. 2013; The World Bank. World Development Indicators. Unemployment. Tables 2.5. Washington. 2009. P. 54; CIA. The World Factbook. 2017. <http://cia.gov/library>. Economy. Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Libya, Morocco, Syria, Iraq, Saudi Arabia, Kuwait, Sudan, Qatar, UAE, Oman, Bahrain, Tunis, Yemen (accessed 18.02.2018).

7. Кофанов И.Т. Тунис: от авторитаризма к демократии. *Азия и Африка сегодня*. 2015, № 12, с. 39-44. (Kofanov I.T. 2015. Tunisia: from authoritarianism to democracy. *Asia and Africa today*. № 12) (In Russ.); Report on the Initiatives Undertaken in the Framework of the Democracy. Assistance Dialogue. 2005. Presented to the second meeting of the Forum for the Future. Bahrain, 11-12 November 2005; Platform for Action. G8 BMENA Civil Society Dialogue. Transparency and Anti-corruption. Transparency International. Forum for the Future. Bahrain, November 2005. Cairo. 27-29 July 2005/Amman. 27-29 August 2005; Comprehensive Capacity Building program for MENA Civil Society Actors on Democracy Transition and Transitional Justice Strategies. Rabat, 18-26 November 2006.
8. Galal Amin L. Egypt in the Era of Hosni Mubarak. 1981-2011. Dar el-Kutub. N.Y. 2011. ISBN 978-977-416-400-2; The Middle East and North Africa. 2003-2015. L.
9. Ткаченко А.А. Ближний Восток: судьба реформ. *Азия и Африка сегодня*. 2006, № 6, с. 48. (Tkachenko A.A. 2006. The Middle East: the fate of reforms. *Asia and Africa today*. № 6) (In Russ.)
10. Ближний Восток и Северная Африка: процессы модернизации и международная безопасность / Ткаченко А.А., отв. ред. М., ИАФР РАН, 2016. (2016. The Middle East and North Africa: the Processes of Modernization and International Safety / Tkachenko A.A., ed. M.) (In Russ.)
11. Протестные движения в арабских государствах / Следзевский И.В., Саватеев А.Д., отв.ред. М., 2012, с. 19, 21, 24 и др. (2012. Protest Movements in the Arab States / Sledzevskii I.V., Savateev A.D., eds. M.) (In Russ.)
12. Васильев А.М., Петров Н.И. др. Рецепты Арабской весны: русская версия. М., 2012, с. 223-300. (Vasiliev A.M., Petrov N.I., et al. 2012. Recipes for the Arab Spring: the Russian Edition. M.) (In Russ.) ISBN 978-5-397-03137-0.
13. Mohammed Hasaien Heikal. Egypt Goes by What Way? Mubarak and His Time. Dar ash-Shuruk. 2012. Pp. 73-96 (In Arab.); Mary Anne Weaver. A Portrait of Egypt. A Journey Through the World of Militant Islam. Farrar, Straus and Giroux. N.Y. 2001. Pp. 234-256, 262, 268, 280-293; Galal Amin L. Egypt in the Era of Hosni Mubarak. 1981-2011. Dar el-Kutub. N.Y. 2011. Pp. 1-13, 23, 47-48, 64-67, 85-110, 147-158.

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА АФРИКИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Статья 1

© 2020 О. ФИТУНИ

DOI: 10.31857/S032150750009875-4

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, н.с. Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН (o-l-fit@yandex.ru)

Аннотация. В публикуемой серии из двух статей автор анализирует эволюцию китайской диаспоры в Африке, ее возникновение, изменения ее характера, численность и структуру, взаимодействие с принимающими социумами, влияние на экономическое развитие, политическую и общественно-культурную жизнь стран Африки.

В первой статье автор определяет категориальный аппарат, раскрывает дифференцированный подход властей Китая к отдельным контингентам китайской диаспоры и различия в их правовом статусе, излагает историю пространственного распространения китайской диаспоры на континенте, выделяет этапы ее развития.

Ключевые слова: Африка, китайская диаспора, хуацяо, история, колониальная политика, экономика, международные отношения

CHINESE DIASPORA IN AFRICA: SPATIAL EVOLUTION AND STAGES OF DEVELOPMENT. Part 1

Olga L. FITUNI, Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (o-l-fit@yandex.ru)

Abstract. In the following series of two articles the author provides a concentrated analysis of the evolution of the Chinese diaspora in Africa. The series cover the origins and the emergence of the diasporic communities, their evolution through the history, changes in their character and size, transformations of structure and alterations in geographical distribution over the continent.

On the basis of the undertaken analysis the author assesses the potential of the diaspora's influence on host societies, as well as the impact it produces upon historical and economic development, political and socio-cultural life in the host nations, as well as on the bilateral relations of the latter with the homeland. As a result of the analysis, the author arrives to the conclusion that although at different stages of history, the quantitative parameters the diaspora have indeed to varying degrees influenced some aspects of Africa's socio-economic life, they have never played the role of the main determinant of such influence.

The numbers of the Chinese in any one country in Africa have never approached the level beyond which they have could have influenced the politics and economy of African States by virtue of the diaspora's size alone. On the contrary, the analysis of recent trends indicates a tendency towards an increase of such influence due not to quantitative, but rather qualitative changes in the characteristics of the diaspora, in particular, in the context of the emerging global influence of their Chinese homeland.

The first article in the series explains the categories used in the research, the size and the spread of overseas Chinese in Africa. It exposes the nuances in approaches of the Chinese and Taiwanese authorities to individual contingents of the Chinese diaspora and the differences in their legal status. The paper reveals the history of spatial distribution of Chinese diaspora communities over the African continent, and exposes the evolution and the stages of development of the Chinese diaspora in Africa.

Keywords: Africa, Chinese Diaspora, Overseas Chinese, history, colonial politics, economics, international relations, international influence

Последние полтора десятка лет стали периодом беспрецедентного укрепления экономического, политического и гуманитарно-культурного влияния КНР в мире, причем, по всеобщему признанию, мощная поступь Китая особенно зрима на весьма удаленном от Поднебесной Африканском континенте [см.: 1]. Изучению причин, условий, факторов и последствий многовекторного укрепления глобальных позиций самой населенной страны планеты посвящено большое количество отечественных и зарубежных исследований и публикаций.

Многие из этих работ подчеркивают значение поддержки, а чаще всего прямого вклада в эти достижения мировой китайской диаспоры. Власти

и в КНР, и на Тайване давно осознали важность системной работы с соотечественниками за рубежом, создали стройный и довольно эффективный механизм взаимодействия с ними, позволяющий использовать их экономический, внешнеполитический и культурный и пропагандистский потенциал для развития и возвышения Отечества, защиты и продвижения интересов Китая в разных частях света.

ХУАЦЯО, ХУАЖЭНЬ И ДРУГИЕ

Историко-цивилизационное представление китайцев о Китае как о Центральном (Серединном) государстве по умолчанию подразумевает наличие единого «китайского мира», в котором

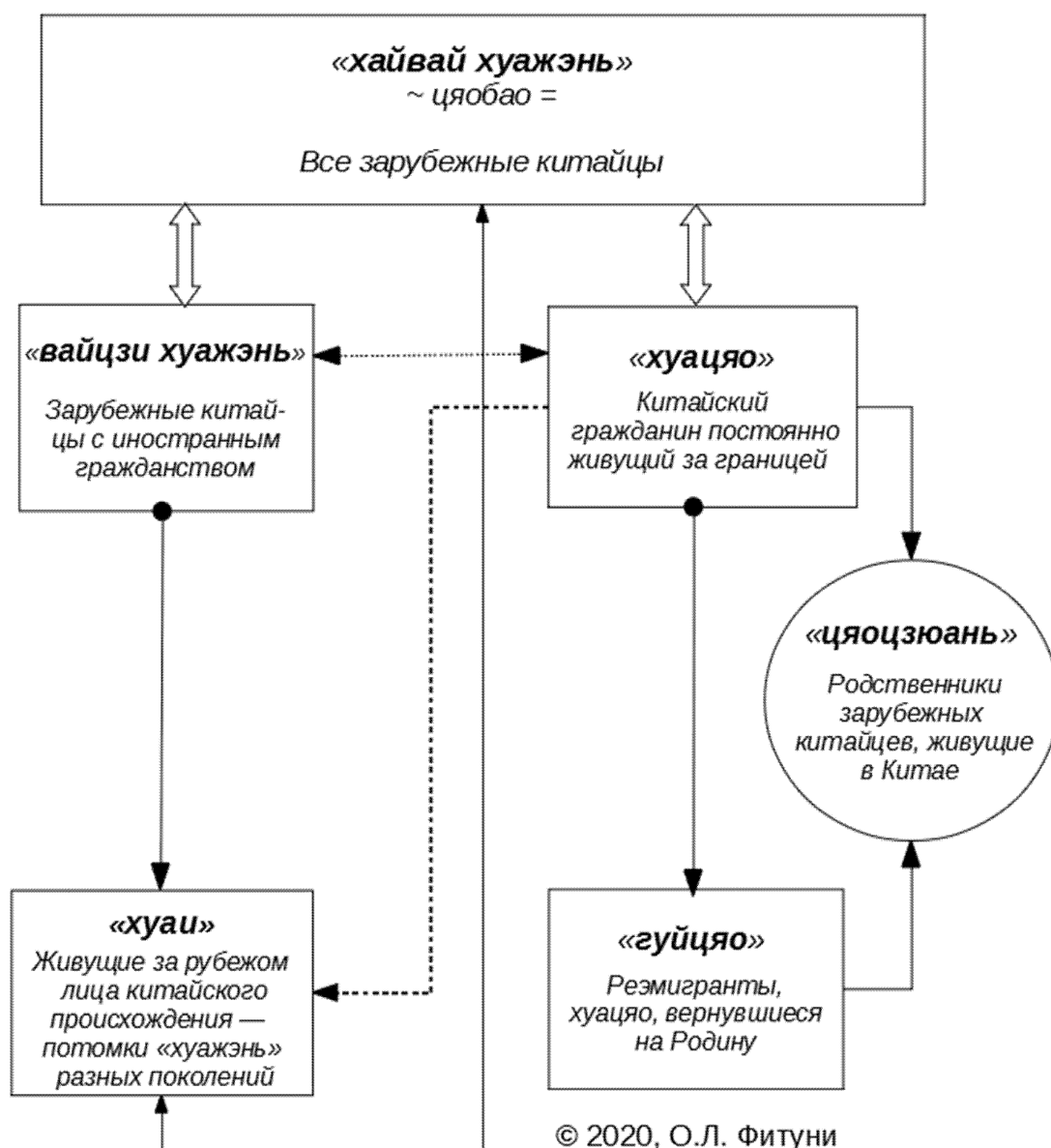

Схема 1. Категории контингентов китайской диаспоры (используемая терминология и взаимосвязи групп).

Примечание. Топологическая схема связей составлена автором на базе дефиниций, содержащихся в действующем законодательстве КНР. Более плотные линии обозначают более тесную взаимосвязь. Стрелки указывают на источники и результаты взаимосвязей.

часть членов живут и трудятся на Родине¹, а другая часть («хайвай хуажэнь» - зарубежные китайцы) - за пределами страны, но также по мере сил заботятся о благе отечества, согласно морально-этическому завету предков: «раньше всех горевать над горем Поднебесной, после всех наслаждаться

ее радостями»². Этот принцип личной и коллективной ответственности является ключевым и экзистенциально важным в конструкции китайской диаспоральной идентичности.

Живущие за границей китайцы, с точки зрения законодательств КНР и Тайваня, распадаются

¹ С точки зрения современной политической географии, это и КНР, включая САР Гонконг (Сянган) с САР Макао (Аомэнь), и Тайвань (прим. авт.).

² Крылатая фраза из «Записок о Юэянской башне» (1045 г.) Фань Чжунъяня, одного из отцов неоконфуцианства, принадлежащего к кругу наиболее почитаемых китайцами мыслителей-учителей наряду с Конфуцием и Мэн-цзы. Её смысл - первым встречая трудности своей страны и последним получая блага от нее (прим. авт.).

ся на две большие группы: на имеющих китайское гражданство *«хуацяо»*³ и не имеющих его *«вайцзи хуажэнь»*, часто именуемых просто *«хуажэнь»* [2]. Многообразие терминов - не просто свидетельство лексического богатства китайского языка.

В рамках политики укрепления связей и мобилизации потенциала зарубежной диаспоры и в КНР, и на Тайване создана изоциренная и весьма эффективная система экономического, политического и морального стимулирования зарубежных китайцев к активному сотрудничеству. Интересы и самих *хуацяо*, и решивших вернуться на родину реэмигрантов *«гуйцяо»*, и родственников эмигрантов и реэмигрантов *«цяоцзюань»* защищены ст. 50 Конституции КНР.

Работа с зарубежными китайцами встроена в систему государственного управления и, в соответствии с высказыванием председателя КНР Си Цзиньпина, *«не важно, какой длины тень от дерева, его корни остаются в земле»* [4, с. 8], не ограничивается стопроцентными китайцами. В поле внимания находятся также *«хуаи»* (дословно «люди китайского происхождения» - потомки от китайского корня). Этот термин покрывает как живущих за рубежом этнически чистых китайцев (вне зависимости от их гражданства), так и метизированных потомков китайцев, чьи предки некогда оказались в чужой стране, натурализовались в ней, и от местных супругов и партнеров произвели на свет потомство, по разным причинам вспомнившее (или не забывавшее) о принадлежности к китайской нации.

Такой «возврат этнической памяти» сейчас весьма актуален и привел к росту числа *хуаи* в Мозамбике, Зимбабве, Танзании.

С подъемом Китая быть заморским китайцем для граждан некоторых африканских стран оказалось и удобно, и выгодно. Их влекут созданные со времен Дэн Сяопина (на практике - с 1980-х гг.) многочисленные стимулы и льготы для зарубежных китайцев: от особых экономических и налоговых режимов до облегченного порядка поступления в учебные заведения, уменьшения платы за высшее образование. Правда, абсолютное большинство подобных стимулов действуют именно в отношении *хуацяо*, а не других категорий зарубежных китайцев. Сходная система заботы о зарубежных соотечественниках существует и на Тайване.

Наглядное представление о терминологических различиях в наименовании различных отрядов и групп мировой китайской диаспоры самими китайскими властями дает обобщенная схема на *схеме*. 1. Она же может рассматриваться в качест-

ве топологической карты, показывающей характер взаимосвязей между отдельными отрядами зарубежных китайцев.

СКОЛЬКО В АФРИКЕ КИТАЙЦЕВ?

Определение количественного состава китайской диаспоры в мире и в Африке, в частности, затруднено причинами, общими для всех мировых диаспор, однако имеются и трудности специфичные для Китая и стран Африканского континента.

Проблемы начинаются с разного понимания того, что именно следует считать диаспорой, каковы будут критерии отнесения или не отнесения к ней конкретных людей, даже если они представляют один и тот же этнос. Должно ли при этом учитываться мнение по этому вопросу самого представителя данной группы людей? Например, оправдано ли отнесение к китайской диаспоре в стране ее гражданина, этнического китайца, никак не ассоциирующего себя с бывшей Родиной?

Видимо, однозначных ответов не будет. Как следствие, неизбежны и разные итоги оценки численности диаспор.

Любая диаспора - человеческая общность с подвижными границами. Несмотря даже на устоявшиеся масштабы, она не может ежедневно не меняться количественно в результате объективных демографических процессов - естественного прироста и смертности ее членов. На численность диаспоры в решающей степени влияет интенсивность миграционного оттока и притока в страну и из нее. В какие-то периоды она может быть довольно устойчивой, но, порой, заставляет сняться с насиженного места огромные диаспоральные массы или, наоборот, заставляет диаспоры вбирать в себя многие тысячи новых членов.

Помимо этих демографических, этических или правовых вопросов, существует еще и масса технических проблем, затрудняющих подсчеты количественного состава китайских диаспор в странах Африки.

Очень многие из мигрантов находятся в стране пребывания в нарушение местного законодательства. Другие, даже находящиеся в стране легально, не хотят лишний раз регистрироваться из-за нежелания попасть в поле зрения контролирующих органов или просто местного общества: платить налоги, оказаться жертвой каких-то неприятных житейских или политических инцидентов и т.д. Древняя мудрость любой диаспоры: «веди дела тихо и все будет спориться» - известна и африканским китайцам.

Иначе говоря, достоверность цифр по странам и по Африке, в целом, может обоснованно оспари-

³ В российской литературе и, особенно в журналистике, термин *«хуацяо»* зачастую не вполне корректно применяют ко всем китайцам за рубежом. Однако, с юридической точки зрения, *хуацяо* - это исключительно граждане КНР, имеющие постоянный вид на жительство в другом государстве и прожившие там в общей сложности не менее 18 месяцев на протяжении 2 лет или не менее 30 месяцев - на протяжении 5 лет [2]. На Тайване в 2018 г. термин *«хуацяо»* (китайцы-эмигранты) в официальном использовании был заменен на более нейтральное - *«цяоминь»* (эмигранты) [3].

Таблица

**Распределение китайского этноса (тыс. чел.) вне КНР, Гонконга, Макао и Тайваня
по континентам и макрорегионам мира (2000-2018 гг.)**

Регион	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Весь мир, в т.ч.:	35045	38381	39568	43300	44620	47490	48690
Азия	27363	29437	29815	31280	32030	33910	34260
Америка	5959	6970	7255	8340	8670	9300	9530
Европа	955	1022	1317	1960	2150	2250	2250
Австралия и Океания	631	797	945	1190	1210	1450	1540
Африка	137	155	236	530	570	580	1110

Составлено автором по: [6; 7].

ваться даже в том случае, когда они напечатаны в изданиях Комитета ВСНП по делам хуацяо, Канцелярии Госсовета по делам хуацяо, Всекитайской ассоциации реэмигрантов, в статистических ежегодниках Тайваньского совета по делам соотечественников и т.д., хотя именно данные этих изданий считаются наиболее достоверными. Собственные оценки, нередко отклоняющиеся от официоза, дают в своих трудах китайские и зарубежные исследователи. Появляются цифры и в СМИ, но правильность этих данных уже полностью на совести авторов. Все это приводит к тому, что разброс в статистических оценках численности китайской диаспоры в Африке необыкновенно высок.

Величина расхождения в целом по континенту составляя почти 1 млн человек. Минимальная суммарная оценка числа всех категорий китайцев, проживающих в Африке сегодня равна 900 тыс. человек, максимальная - 2 млн. Правда, по-видимому, лежит все же ближе к нижней границе. Наиболее близким к реальности на середину 2019 г. большинство специалистов считают диапазон от 1,1 до 1,3 млн человек [5]. Это делает *хайвай хуажэнь* в Африке самым малочисленным контингентом зарубежных китайцев в сравнении с китайскими диаспорами в других частях света. Даже в Австралии и Океании суммарная численность этнических китайцев превосходит африканскую. В то же время темпы прироста диаспоры в африканском регионе - одни из самых высоких (см. табл.).

В основе табл. 1 лежат данные, содержащиеся в официальном статистическом ежегоднике Тайваньского совета по делам соотечественников. В целом, по вопросам оценки общей численности хуацяо за рубежом, в т.ч. в Африке, по обе стороны Тайваньского пролива особых разногласий нет. Однако вопрос о том, с какой стороны последнего прибыли зарубежные китайцы на новую родину для них важен.

Тайбэй, не имеющий сегодня дипотношений с большинством африканских стран, внимательно следит, чтобы в тех существовало как можно больше ассоциаций, клубов и даже НКО, созданных китайцами именно тайваньского происхождения или зависящих от Острова финансово, административно, технически. Он щедро поддерживает эти структуры деньгами, создает культурные центры и языковые курсы, в которые допускаются все желающие (включая местных африканцев). И для хуацяо, и для африканцев предусмотрена отработанная и хорошо фондированная программа государственных, корпоративных и благотворительных стипендий для обучения в вузах Тайваня.

Возвращаясь к приведенным выше цифрам количественной оценки китайской диаспоры в Африке и степени их достоверности, обратим внимание на необычно значительные резкие годовые скачки в численности *хайвай хуажэнь* в Африке: в 2013 г. - на 48,8% и в 2018 г. - на 91%. Реально ли, чтобы китайское население Африки увеличилось бы почти вдвое всего за 12 месяцев? Если да, в чем причина такого прироста?

Автор попыталась провести юстировку имеющихся цифр по общеафриканской и по страновым китайским диаспорам в Африке на основе кросс-проверки данных различных первоисточников и повторной верификации результатов с использованием статистико-математических методов. Эти усилия, в конечном итоге, дали сходные с приведенными выше суммарные цифры общеафриканской китайской диаспоры - 1,2 млн [5].

Согласно расчетам автора, на сегодняшний день постратное распределение китайской диаспоры в Африке выглядит следующим образом. Наибольшая численность этнических китайцев - в ЮАР, где их более 300 тыс. На 2-м месте Ангола - порядка 280 тыс., большая часть которых - *хуацяо*, длительно живущие в стране и работающие на возводимых КНР объектах.

Крупные диаспоры - от 60 тыс. до 70 тыс. (по убыванию численности) - в Гане, Нигерии, Мадагаскаре. Несколько меньшие (30-40 тыс.) - в Эфиопии, Алжире, Кении, Мозамбике, Танзании, на Реюньоне. Диаспоры от 10 тыс. до 25 тыс. человек проживают на Маврикии, в ДРК, Египте, Замбии, Зимбабве, Республике Конго, Уганде, Экв. Гвинее, Намибии, Гвинее. От 5 до 10 тыс. - численность китайских диаспор Камеруна и Ботсваны.

Большая группа африканских стран (Мавритания, Малави, Марокко Джибути, Сейшелы, Судан, Чад, Того, Кабо-Верде, британский о-в Св. Елены, Бенин, Либерия, Сьерра-Леоне) имеет сравнительно малочисленные китайские диаспоры численностью от 1 тыс. до 2 тыс. человек, а в Бурунди, Эритрея, Гамбия, ЦАР и на Коморах даже менее 1 тыс. [детальные данные по странам см.: 5].

Во всех перечисленных выше случаях под «численностью» понимается округленная оценочное значение числа «хайвай хуажэнь» как граждан данной страны китайского происхождения, так и граждан КНР (включая Сянган и Аомэнь), Тайваня, а также этнических китайских иммигрантов - граждан других государств (например, перебравшихся в Африку этнических китайцев с паспортами Сингапура, Малайзии, Вьетнама). В случае Южного Судана и Джибути цифры включают китайских военнослужащих, размещенных в этих странах. По ряду стран (Буркина Фасо, Габон, Сенегал, Гвинея-Бисау, Зап. Сахара, Кот-д'Ивуар, Сан-Томе и Принсипи, Сомали, Тунис, Эсватини) имеющиеся оценки слишком противоречивы. Из Ливии в 2011 г. практически вся китайская диаспора была эвакуирована из-за гражданской войны и бомбардировок НАТО в процессе «арабской весны».

Приведенные цифры характеризуют абсолютную численность диаспор, однако, на наш взгляд, более важным является показатель удельного веса диаспоры в общей численности населения. С этой точки зрения присутствие китайского этноса наиболее заметно в Анголе (с учетом командированных в страну на длительный срок китайских контрактников до 9%), Гане (3-4%), на Реюньоне и Мадагаскаре (по 4%), на Маврикии (3-5%), Сейшелах (2-3%), в британской заморской территории О-ва Св.Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья - почти четверть населения (с учетом *хуаи*). Напомним, что речь идет не только о китайцах-гражданах страны расселения, но обо всех этнических китайцах, длительно живущих в них.

Что касается резких взлетов числа *хуацяо* в определенные годы, то, не претендуя на исчерпывающее объяснение феномена, можно отметить следующее.

На интенсивность притока влияют как очевидно предсказуемые процессы, так и множество плохо просчитываемых наперед событий. Разверты-

вание, например, в Анголе или Гане, крупного и долгосрочного инфраструктурного проекта, предусматривающего привлечение многотысячного контингента китайских специалистов и рабочих, почти наверняка приведет через 18 месяцев к увеличению, по официальной статистике КНР, числа *хуацяо* (см. правовое определение выше - примечание³) в этой стране на сравнимую величину.

С другой стороны, такое заранее трудно прогнозируемое событие, как бомбежки Ливии странами НАТО в 2011 г., привело к тому, что КНР была вынуждена в течение недель эвакуировать почти все 40 тыс. китайцев, проживавших в это время в Джамахирии, т.е. практически «обнулить» всю диаспору.

В целом же, если обратиться к истории, окажется, что приток и отток китайских мигрантов никогда не был равномерным. Даже распространенный дескриптор миграции - термин «волна» - не в полной мере отражает динамику и масштабы ее отдельных этапов.

Китайские диаспоры в Африке на протяжении последних нескольких веков возникали и росли *взрывообразно*, хотя, конечно, многократно уступали масштабам миграции в соседние с Поднебесной азиатские страны. При этом происходившие «миграционные взрывы», за исключением последних десятилетий, были в решающей степени следствием влияния внешних по отношению к Китаю и китайцам сил. На самых ранних этапах европейцы просто силой переселяли китайских «*кэли*» в Африку, завозя их туда десятками тысяч.

РАННИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ДИАСПОРЫ

В истории развития китайской диаспоры в Африке достаточно четко выделяются 4 этапа. Первые 3 из них, заложившие основы для формирования и развития «старых» диаспоральных сообществ, были прямым результатом сначала колониальной политики европейских держав, потом беспрецедентного ослабления Поднебесной и ее полуколониального состояния вплоть до возникновения КНР, а позднее поддерживаемого Западом противостояния Тайваня Пекину.

Хотя, согласно китайской историографии, имеются сведения о товарообмене между Египтом - времен царствования Птолемея и Китаем - эпохи династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.), а также о посещениях китайскими мореплавателями островов и восточного побережья Африки в XV в., официально задокументированная история существования постоянных китайских сообществ на землях Африки начинается примерно с середины XVII в.

С этих пор можно отсчитывать 1-й, колониальный этап формирования диаспор, связанный с принудительным переселением этнических китайцев в африканские колонии Голландии, Британии, Франции и Португалии для использова-

ния в качестве рабочей силы в выстраиваемых ими колониальных типах экономик.

Первые упоминания о коллективном переселении колонизаторами китайцев в Африку относятся к 1660-м гг. Именно тогда голландская Ост-индская компания завезла в Африку китайцев из Батавии (современная Индонезия) на лесозаготовки для нужд городского и фортификационного строительства в ее колонии на Мысе Доброй Надежды, так как испытывала трудности с использованием для этих работ представителей автохтонного африканского населения. До последней трети XIX в. численность китайских поселенцев в Южной Африке то возрастала, то уменьшалась, составляя максимально несколько сотен человек, но, как считается, уже не снижалась ниже 100 человек.

На Маврикии и Реюньоне первыми оказались похищенные французами китайцы с Суматры, которых заставили работать на сахарных плантациях. Это произошло в 1770-х гг. Однако, в отличие от Капской колонии, уже 10-20 годами позже на Маскаренские острова в поисках лучшей жизни по собственной воле устремились тысячи жителей южного Китая, создав на Маврикии и Реюньоне первые в Африке прообразы «чайнатаунов» и замкнув на китайскую диаспору отдельные «нишевые» виды хозяйственной деятельности - сначала кузнечное ремесло, сапожное, портняжное и плотничье дело, а чуть позже значительную часть торговли. Со временем в большей части этих ниш, за исключением торговли, стали доминировать выходцы из Малайи, с полуострова Индостан и Цейлона.

Новая волна притока китайцев обозначилась с окончанием Опиумных войн (1-я - 1840-1842 гг., и 2-я - 1856-1860 гг.), началом длительного периода ослабления Китая и гражданской смуты. От еще недавно могущественной Цинской империи Запад потребовал либерализации внешней торговли, открытия европейским державам доступа к внутреннему рынку страны, легализации импорта опиума, открытию и передачи ряда портов под контроль европейцев. Поток продаваемого британцами в Китай опиума, весьма значительный еще до войны, еще больше увеличился, что привело к гигантскому распространению наркомании среди китайцев, упадку экономики, деградации и массовому вымиранию китайского населения. Британия получила власть над Гонконгом.

Что было особенно важно для последующего формирования китайской диаспоры в Африке, согласно Пекинскому договору 1860 г., проигравшая Империя Цин не только выплачивала Англии и Франции огромные контрибуции, открывала города и порты для иностранной торговой экспансии, но и вводила, в соответствии со ст. 5 этого договора, «свободу движения» трудовых ресурсов, т.е. попросту разрешала использовать китайцев в качестве рабской рабочей силы в колониях

Великобритании и Франции на условиях, определяемых странами-победительницами.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОЛНЫ ИММИГРАЦИИ

С этого времени условно начинается новый (2-й) этап развития китайской диаспоры в Африке, продлившийся примерно до 1940-х гг.

1860-е - 1870-е гг. - период т.н. «добровольной» миграции китайцев в британскую Южную Африку, где в Кимберли и Витватерсранде были обнаружены месторождения алмазов и золота, но ощущалась острая нехватка рабочих рук. Как и за пару веков до этого, использовать там привезенных из-за тысячи миль китайцев оказалось выгоднее, чем местное африканское население.

Основная масса трудовых мигрантов прибывала из района Кантона (Гуандун). Очень большую часть «добровольных» мигрантов составляли проживавшие в Кантоне представители китайского субэтнуса *хакка* (*кэцзя*), активно покидавшие родные места в результате поражения в войне (1855-1867 гг.) с коренным местным населением Кантона - *пунти* (*бэньди*).

Многие из *хакка* не сразу попадали на Африканский континент: часть мигрантов какое-то время трудились в общинах соотечественников в Малайе, Индии, на Тайване, Маврикии, Реюньоне, где имелись многочисленные диаспоральные сообщества этого субэтнуса. Лишь затем они перебিরались на территорию современных ЮАР, Зимбабве, Мозамбика, Лесото и Замбии. Маврикий оставался до начала второй англо-бурской войны (1899 г.) главным перевалочным пунктом китайской миграции в Африку. Между 1888 и 1898 гг. из Порт-Луи выехали, в основном, в Дурбан и Порт-Элизабет около 1800 китайцев [8, pp. 36-37].

Вторая Англо-бурская война (1899-1902 гг.) замедлила перемещение китайцев на континент, но с ее окончанием потребность в рабочих руках в британской Южной Африке резко возросла. Лондон стремился как можно скорее «отбить» затраты на захват бурских республик, а британский бизнес - повысить доходность своих вложений в разработку вновь обретенных природных богатств края. Белых работников не хватало, а с африканской рабочей силой по-прежнему были проблемы как с точки зрения ее квалификации, так и готовности к изматывающему труду в штольнях.

Между 1904 и 1910 гг. на шахты Витватерсранда в рамках специально принятого для этого законодательства было завезено более 63 тыс. китайских контрактников, в основном из провинций Чжили (совр. Хэбэй), Шаньдун и Хэнань. Эти рабочие, формально лично свободные, на деле оказались в Британской колонии на положении рабов, столь сильно они были ограничены в самых естественных правах и столь мизерную плату они получали за свой труд [8].

Они сыграли значительную роль в том, что экономика британских владений на Юге Африки не только быстро восстановилась, но и обрела зримую мощь и относительную самодостаточность. Это позволило созданному в 1910 г. Южно-Африканскому Союзу (ЮАС) обрести административно-правовой статус доминиона, а с принятием в 1931 г. Вестминстерского статута стать независимым государством в составе британского Содружества наций.

С конца Первой мировой войны, по мере укрепления и диверсификации экономики ЮАС, роста потенциала трудовых ресурсов африканского происхождения, острота потребности в китайских контрактниках сильно снизилась. К тому же в обществе (как среди белого, так и среди чернокожего населения) обострялась неприязнь к китайской диаспоре. В результате этих процессов большая часть привезенных *кули* была, по мере истечения контрактов, в принудительном порядке выселена за пределы ЮАС. В самом Китае к этому времени в результате Синьхайской революции (1911/12 гг.) пал императорский режим и нарастали центробежные силы.

К началу 1920-х гг. число китайцев в ЮАС снизилось до примерно 2 тыс. человек. В стране, прежде всего в районе Кейптауна и Йоханнесбурга, оставались достаточно многочисленные компактные группы этнических китайцев и потомков от смешанных браков, получивших право на жительство и работу, а порой и гражданство ЮАС. Однако основная масса нынешних «коренных» южноафриканских китайцев происходит все-таки не от них. Это - потомки иммигрантов «третьей волны» (условно 1940-е - 1980-е гг.).

Что касается других стран Африки, в конце XIX - начале XX вв. китайские диаспоры численностью от нескольких десятков до одной-двух сотен человек существовали еще в Германской Восточной Африке, на Занзибаре, а также в Египте (в основном в Каире, Александрии и Порт-Саиде). В остальных европейских владениях количество этнических китайцев, по сохранившимся на сегодняшний день сведениям, исчислялось единицами, максимум дюжиной.

Третий этап китайской иммиграции в Африку начался в конце 1930-х - 1940-х гг. Именно в этот период появились небольшие китайские сообщества в Кении, Гане, Сенегале, Нигерии. Однако общая численность китайской диаспоры в Африке к началу Второй мировой войны вряд ли превышала 15-20 тыс. человек.

С провозглашением в 1949 г. КНР и бегством руководства Гоминьдана на Тайвань происходит краткосрочный взрывной рост числа китайских эмигрантов с материка. Однако с 1950-х гг. африканская диаспора начинает расти, в основном, за счет выходцев из Тайваня, Гонконга и перебравшихся в Африку этнических китайцев из других стран мира (в частности, Индокитая, Индонезии, Малайи). Выезд из континентального Китая

полностью не прекращался никогда, но количественно был существенно ниже.

Тайбэй попытался перенаправить на себя политическую поддержку и экономический потенциал мировой китайской диаспоры. В 1952 г. VII съезд Гоминьдана провозгласил обязательство «защищать права и интересы китайцев во всех странах, координировать деятельность зарубежных китайских организаций, содействовать образованию и развитию культуры в духе китайской традиции, создавать на Тайване условия для обучения зарубежной китайской молодежи, поощрять капиталовложения зарубежной китайской буржуазии на острове» [9, с. 487].

В 1950-е - 1960-е гг. из получивших независимость стран Юго-Восточной Азии, где новые правительства начали проводить политику индигенизации, стали вытесняться значительные массы местных этнических китайцев, часть из которых переселились в еще сохранявшиеся на Африканском континенте английские и французские колонии, а часть - в те отныне независимые страны, где имелись сложившиеся диаспоры, или туда, где их еще не было, но царило, по крайней мере, нейтральное отношение к китайскому бизнесу.

Именно в этот период вновь стала быстро расти диаспора в ЮАР, обеих Родезиях, на Занзибаре. Сложились небольшие диаспоры в Гане, Нигерии, Сьерра-Леоне, БСК, Сенегале, Кении и еще в нескольких странах. По официальным тайваньским оценкам, численность зарубежных китайцев в Африке в 1955 г. составляла 33 тыс. человек, а к 1960 г. достигла 40 тыс. [6].

В 1960-е и часть 1970-х гг. большая часть африканских государств имела дипломатические отношения с Тайбэем. Тайвань рассматривал поддержание влияния в Африке как важный элемент своей легитимизации, признания его правительства в качестве единственного законного и сохранения за собой места в Совете Безопасности ООН. В этой связи на этнических китайцев тайваньского происхождения или других, готовых считать режим Чан Кайши истинным правительством Китая, делалась большая ставка.

Не стоит списывать со счетов и то, что именно на этот этап приходится период «тайваньского экономического чуда». Быстро растущему тайваньскому капитализму требовались сырье и новые рынки сбыта. В этот период интенсифицировались экономические (в основном торговые-инвестиционные, а в случае с ЮАР и научно-технические) связи Тайбэя со странами Африки. Протайваньские диаспоры в этой связи рассматривались и на деле являлись важнейшими посредниками в двухсторонних отношениях. Власти острова создали достаточно совершенную систему интеграции различных культурных, экономических и иных ассоциаций соотечественников в схемы решения стратегических и тактических задач Тайваня в Африке, противопоставляя свою приверженность исконным

общекитайским традициям пролетарскому интернационализму КНР.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Стройное многоэтажное здание работы Тайваня с африканскими китайцами оказалось «обезлюдившим», по историческим меркам, в одночасье. В начале 1970-х гг. США решили использовать китайский фактор для окончательного изменения баланса сил в противостоянии с СССР и начали постепенно налаживать отношения с Пекином.

В 1971 г. «Китайская Республика» (Тайвань) лишилась членства в ООН, а ее место заняла КНР. На протяжении ряда лет шел процесс разрыва дипломатических отношений африканских стран с Тайбэем и официального признания Пекина, открытия внешнеполитических представительств КНР на континенте. К этому времени китайская диаспора в Африке вплотную приблизилась к 60 тыс. человек. За 10 лет она выросла на треть, но суммарно в начале 1970-х гг. была меньше современной численности китайцев в одной лишь Нигерии.

Для большинства африканских китайцев, однако, экономические возможности и льготы по получению их детьми качественного образования на Тайване были важнее политических моментов. Несмотря на то, что страны их пребывания уже наладили дипломатические отношения и даже некоторый товарообмен с КНР, многие диаспоры все еще ориентировались на поддержку и сотруд-

ничество с Тайбэем. Настоящий поворот в настоящее «старых» диаспор в сторону Пекина начал происходить лишь в 1980-х гг., когда КНР уже уверенно пошла по пути «реформ и открытости», а ее экономические связи со странами Африки существенно углубились и диверсифицировались.

Именно 1980-е гг. знаменовали наступление современного, 4-го этапа развития китайских диаспор в странах Африки. Основной чертой, отличающей его от всех предыдущих, стала массовая «новая» миграция китайцев на континент, которая формирует и новую структуру страновых диаспор, и их экономическую роль там, и влияние на местные социумы.

В количественном отношении нынешняя волна миграции в Африку беспрецедентна. В ее начале численность всей китайской диаспоры составляла порядка 80 тыс. человек (1980 г.). Примерно через 15 лет она выросла вдвое. Новое удвоение произошло через 8 лет, следующее - менее чем через пять. 10 лет назад прогнозировалось, что отметка в 1 млн африканских *хуажэнь* будет пройдена в 2032 г., на самом деле это произошло на 15 лет раньше (рассчитано автором по: [10]).

Таким образом, самая очевидная специфическая характеристика новой диаспоры - беспрецедентно высокая динамика ее разрастания. Другие, качественные характеристики, роднящие ее с предыдущими этапами и стадиями развития или отличающие от них, связаны с ее структурой и векторами развития.

(Окончание следует)

Список литературы / References

1. Дейч Т.Л. Китай «завоевывает» Африку. М., 2014. (Deych T.L. 2014. China "conquers" Africa. M.) (In Russ.)
2. 国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知. (PRC State Council Overseas Chinese Affairs Office's Notice on issuing "Regulations on defining the status of Chinese emigrants, foreign citizens of Chinese origin, re-emigrants and emigrants' dependents"). <https://zh.wikisource.org/zh-hans/国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知> (accessed 27.02.2020)
3. 台湾侨委会把《华侨》改为《侨民》在美国台湾人社区引发强烈反响. (Taiwan Overseas Community Affairs Council's changing term "huaqiao" for "qiaomin" induces a strong reaction in American Taiwanese communities). <http://www.rfi.fr/cn/中国/20180407-台湾侨委会把华侨改为侨民在美国台湾人社区引发强烈反响> (accessed 27.02.2020)
4. 习近平谈治国理政. (Xi Jinping. The Governance of China. Peking: Foreign Languages Press. 2014. V. 1)
5. Фитун О.Л. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 1. С. 14-24. (Fituni O.L. 2020. To the Issue of the Historical and Contemporary Size of the Chinese Diaspora in Africa and the Methodology of its Quantitative Research. *Journal of the Institute for African Studies*. № 1) (In Russ.)
6. 中華民國 98 年僑務統計年報. (Republic of China. Annual Report on Overseas Chinese Affairs for the Year 98 of Minguo. Taipei. 2009)
7. 中華民國 107 年僑務統計年報. (Republic of China - Taiwan. Statistical Yearbook of the Overseas Community Affairs Council. Report for the Year 107 of Minguo. Taipei. 2019)
8. Yap Melanie, Leong Man Dianne. 1996. Colour, Confusion, and Concessions: The History of the Chinese in South Africa. Hong Kong University Press.
9. Сергеева А.А. Политика руководства Тайваня в отношении зарубежных соотечественников. *Общество и государство в Китае*. М., 2015. Т. 45. № 2. С. 486-498. (Sergeeva A.A. 2015. ROC government policy towards Overseas Chinese. *Society and State in China*. V. 45. № 2) (In Russ.)
10. 2013. Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Tan Chee-Beng (ed.). New York.

FAILURE OF EU CONDITIONALITY IN TURKEY: POSITIVE CONDITIONALITY, NEGATIVE RESULTS?

© 2020 T. RUDNEVA

DOI: 10.31857/S032150750009876-5

Tatiana S. RUDNEVA, Post-graduate student, National Research University Higher School of Economics (trudneva@hse.ru)

Abstract. *In order to join the European Union, candidate countries have to meet a specific set of conditions (the Copenhagen criteria), which include maintaining stable institutions guaranteeing democracy, the rule of law, human rights and respect for and protection of minorities. Incentivising the countries wanting to join the EU to strengthen democratic institutions, EU membership conditionality - tying the possibility of membership to compliance with membership conditions - is considered to be an effective tool for promoting democracy and the rule of law. However, the effectiveness of conditionality was recently questioned by an authoritarian turn in Turkey and democratic backsliding in other candidate countries.*

The question that arises from recent developments is whether EU membership conditionality, based on rewards rather than sanctions ("positive" conditionality), is equipped to deal with democratic backsliding in candidate countries. This article closely examines the EU's choice of responses addressing the problem of democratic deterioration in Turkey, the country with the most drastic dismantling of democratic institutions amongst the candidate countries, and assesses the scope and limits of the tools the EU employed to redress severe democratic backsliding.

The article concludes that positive conditionality by itself is limitedly equipped to effectively counteract the consolidation of authoritarianism. For Turkey, the situation was also aggravated by the lack of expertise on the part of the EU, which previously had no experience in dealing with democratic backsliding in candidate countries. Additionally, there were instances of conditionality being applied inconsistently, compromising its credibility. What also affected the application of conditionality is the leverage Turkey gained in EU-Turkey relations due to the EU's need to enlist the country's support in curbing the flow of Syrian refugees to Europe. Combined, the problems resulted in the ineffectiveness of measures taken to counteract democratic deterioration in Turkey.

Keywords: EU conditionality, EU enlargement, democratic backsliding, Turkey

EU membership conditionality is considered to be one of the most effective tools at the EU's disposal for promoting democracy, stability and rule of law in its neighborhood.

The success of conditionality was exemplified by the 2004 enlargement round, when 10 Central and Eastern European countries (CEECs) successfully joined the EU. The EU further enlarged in 2007, when Bulgaria and Romania joined the Union, and in 2013, when the EU welcomed Croatia. After that, the EU was planning to expand even further, to include Turkey and the whole of the Western Balkans. However, what once seemed to be a promising enterprise given the successful track record of EU conditionality is now marred by troubling developments.

The most drastic case of backsliding in the immediate European periphery is Turkey, which moved in the Freedom House rating from a stable partly free (3.0) in 2012 to an alarming not free (5.5) in 2018¹. A similar trend, though not (yet) of the same proportion, is evident across the Western Balkans [1; 2].

Now that the authoritarian trend in EU candidates is manifest to the extent that it can no

longer be ignored, a number of questions arise. What can the EU do to counteract backsliding? What has it been doing? Has it been enough?

The question that the EU is not likely to escape is whether the Union had not been too lenient on smaller, but already noticeable instances of disrespect towards democracy and human rights for too long [3]. Another question, and perhaps an even deeper one, is whether the EU could do any differently, with the tools available.

EU accession conditionality heavily relies upon the idea of positive incentives in the form of prospective membership. The prospect of membership provided enough incentives for the CEECs, with carrots (rewards) rather than sticks (punishments) proving to be sufficient to incentivize pro-democratic change. However, one cannot expect carrots to always be juicy enough [4]. With no sticks at hand and the 2004 enlargement round being largely successful, the EU had little experience and practical tools to deal with severe breaches against the European principles when it took upon itself much trickier candidates.

¹ Freedom House's Freedom in the World is a democracy index that on a yearly basis assesses the level of democratic freedoms around the world. The values range from 1 (greatest degree of freedom; most democratic) to 7 (smallest degree of freedom; least democratic) (author's note).

Looking closely at Turkey - the “trickiest” candidate with the longest history of the accession process and the most dramatic backsliding, this article analyses what the EU has been doing to counteract democratic backsliding and deterioration in human rights.

The analysis concludes that the failure of the EU to counteract the worrying trends may be linked to the general lack of instruments against backsliding within the type of conditionality employed by the EU for the accession process (positive conditionality), inconsistent application of conditionality, and mismatched reactions.

EU CONDITIONALITY: THE “POSITIVE” SIDE

EU membership conditionality is a vibrant example of positive conditionality. Countries are offered benefits in exchange for their compliance with accession conditions. Target countries decide by themselves whether the benefits outweigh the costs of compliance and face no additional sanctions if they are not interested in EU accession as a result of that calculation.

One can compare EU conditionality with a strategy of “reinforcement by reward” [5]. Guided by this strategy, the EU reacts to compliance by granting rewards, and to non-compliance by withholding them. That is in contrast to reinforcement by punishment, where non-compliance leads to extra costs (“punishment”) [5, p. 497].

Although with time the accession framework came to include more safeguard clauses [6], the general approach remains positive in the sense that the heaviest possible penalty (suspension of accession negotiations) is withholding the rewards rather than inducing extra costs.

The obvious advantage of this approach is that it allows the EU to exercise considerable transformative power in its neighborhood without unlawfully intervening in the countries’ domestic politics. However, positive conditionality is not without its weaknesses: with EU membership constituting the highest reward possible, there is little that the EU can do if the proposed benefits prove to be insufficient to induce democratic change [5, p. 515]. The only sanctioning power at the EU’s hands - withholding the reward - can only pose a threat to the candidate country when it still considers the reward beneficial.

EU CONDITIONALITY IN TURKEY BEFORE THE REFUGEE CRISIS

The earlier period of AKP rule (*Adalet ve Kalkınma Partisi* - Justice and Development Party) is

conventionally described in the literature as “the golden age” of Turkey’s democratisation efforts [7].

In the 2002-2005 period Turkey introduced a multitude of democratic reforms and was finally rewarded with opening membership negotiations. But the golden age failed to last. The first obstacle in the accession process came in 2005 when Turkey refused to implement the Additional Protocol with regards to the Republic of Cyprus. That first visible instance of non-compliance was followed by a resolute step from the EU: eight negotiation chapters were closed until Turkey would fully implement the Additional Protocol [8].

Within the framework of positive conditionality the move can be regarded as withholding the reward until compliance is ensured. Additional chapters were blocked by France and Cyprus in 2007 and 2009, respectively. That led to a stalemate in accession negotiations and a slowdown in pro-EU reforms.

Researchers differ in their judgments as to the exact moment when the slowdown of the reforms gave way to their reversal.

Some argue that the illiberal turn could be noticed as early as 2010 [9]. First, the judicial reforms introduced as a part of a harmonization package raised concerns as to whether the reforms were directed at increasing judicial independence, as intended by the EU, or just the contrary - bringing the judiciary under the control of the executive [9, p. 136]. Secondly, the way Ergenekon and Sledgehammer cases were conducted attracted considerable criticism both inside and outside Turkey. In its reaction in a yearly Progress Report, the EU took notice of some of the procedures falling short of legal and democratic standards, such as the length of pre-trial detention and equal judicial guarantees for all suspects [10].

At the same time, the general mood of the report remained positive, with the EU encouraging Turkey to stick to the standards rather than criticizing Turkey for falling short of the standards so far. That said, provided that the target country is interested in acquiring the benefits, actively monitoring compliance and openly “exposing” misfits between the criteria and the country’s attempts at their implementation is a valid reaction that can have a positive influence on the level of compliance.

Including such observations in the report can strengthen conditionality, sending the target country a signal that the reward will not be obtained unless the country genuinely complies with the criteria. However, in practice the initial “exposing” approach of the EU failed to generate any substantial change of heart by the Turkish government, which

would become even more evident in the years to follow.

If 2010 is viewed only by some of the researchers as the turning point of breaking away from a pro-democratic course, 2013 is almost universally agreed to be the year when democratic deterioration became painfully evident.

In May-June 2013 a violent police crackdown on the Gezi Park protests in Istanbul revealed the government's intolerance towards any kind of opposition. The EU's reaction to the developments in Turkey was cautious. In its annual Progress Report, the EU did make notice of the police's extensive use of physical force ("exposing") and - to some extent - condemned it [11].

However, instead of criticizing the government's decision to crush down on the protesters, the EU chose to frame the extensive use of police force as a series of unrelated police offences by individual police officers, effectively shifting the blame to the effectors of the orders rather than their source. Moreover, the EU praised the Turkish Ministry of the Interior for taking a "a first positive step by issuing circulars to regulate the conduct by police officers during demonstrations" and conducting administrative investigations into individual law enforcement officers [11, pp. 2-6].

Overall, the tone of the 2013 Progress Report remained positive, with the EU even praising Turkey for "good progress ... made in terms of establishing Turkey's human rights mechanisms and institutions" [11, p. 13], despite numerous allegations of breaches against human rights during the protest crackdown. That said, the "exposing" of the extensive use of force was still officially performed, signalling to the target country that an incidence of non-compliance was not unnoticed.

When analyzing the EU's hesitancy to openly condemn the developments in Turkey, it is important to understand that the Gezi protests happened shortly after the launch of the EU-Turkey Positive Agenda, a framework designed by the EU to give a boost to Turkey's accession process after a few years of a *de facto* stalemate.

Unable to reinforce compliance "by reward" due to Turkey's lack of meaningful progress in accession negotiations, the EU endeavored to boost the effectiveness of conditionality by "cheerleading" Turkey into compliance, which included praising Turkey for whatever progress has been made and avoiding harsh criticism when progress was missing.

Another development unmasking the growing rule of law and democratic deficits was the government's fight against the Gulen movement, which escalated to large-scale purges following the

December 2013 corruption investigation against major governmental officials. Erdogan faced criticism from EU leaders already in January 2014 ("condemning"), with European Commission President Jose Manuel Barroso publicly announcing the EU's concerns over police and judicial purges and reminding Turkey that separation of powers and respect for rule of law were essential conditions of EU membership [12].

This reaction has a few notable features. First, the EU reinforced the reaction of "exposing" with a reiteration of conditions - an act of reminding the target country that the reward will only be achieved if the membership conditions are met. It is also worth noticing that the reaction came quite quickly, with the EU deciding not to wait for the next Progress Report to indicate its dissatisfaction.

Additionally, the EU chose to communicate its message publicly, which is also a way to "upgrade" the reaction and exert additional (social) pressure on the target country.

This newly taken approach of public criticism from EU leaders manifested itself again in February 2014, when President of the European Parliament Martin Schulz publicly called new Turkish legislation establishing tight control over the Internet "a step back in an already suffocating environment for media freedom" [13]. In the Progress Report, the EU repeated its concerns regarding the separation of powers and fundamental freedoms [14]. No material sanctions followed.

Overall, when the first episodes of democratic erosion became evident, the EU not only stayed away from "punishments", but also refrained from some of the tools it had even within the positive conditionality approach, such as suspension of negotiations or putting financial assistance on hold.

In other words, the EU did not exhaust the full range of options. Another important finding is that the scope of the tools to address democratic backsliding, although limited, provided an opportunity to "upgrade" the response, starting with simple monitoring and "exposing", scaling up to "reiteration", "condemnation" and "pressure" and potentially suspending the accession negotiations. Moreover, one could adapt the response to the severity of noncompliance by fine-tuning the tone, frequency, level of publicity and the number of channels through which the reactions are transmitted.

EU CONDITIONALITY AND THE REFUGEE CRISIS

The year of 2015 brought an exogenous shock of the refugee crisis and greatly affected EU-Turkey

relations, undermining the asymmetry on which conditionality relies to be effective. The asymmetry implies that the candidate country is to gain more from joining the EU than the EU from the candidate country's accession [15, p. 63], which allows the EU to impose conditions which the candidate has to meet.

The refugee crisis put the EU in a position where it depended on Turkey's support to limit the flow of refugees to Europe. Unsurprisingly, in the course of negotiations for a refugee deal, Turkey acquired substantial leverage. The bargaining power that Turkey gained is exemplified by a widely quoted statement of Turkish President Recep Tayyip Erdogan from his meeting with the President of the Council Donald Tusk and the President of the Commission Jean-Claude Juncker: "We can open the doors to Greece and Bulgaria anytime and put the refugees on buses... So how will you deal with refugees if you don't get a deal? Kill the refugees?" [16].

What could potentially prove to be even more damaging to conditionality beside Turkey's leverage is that the two processes - accession negotiations and refugee negotiations - have not been kept apart.

To ensure Turkey's help in counteracting the refugee flow, the EU promised in return to advance the accession negotiations and open additional negotiation chapters, which would normally be done as a "reward" for compliance with membership conditions. Turkey getting the rewards when it was not complying with the accession conditions undermined the main principle of conditionality, which is based on the idea that compliance with the conditions should be the only way to achieve the rewards.

The ultimate reward for compliance with the Copenhagen criteria is admitting the country to the Union. Beside the final reward, the accession process also includes intermediate rewards.

The biggest intermediate rewards are transitions to the next stage of the accession process whenever a country meets the necessary benchmark criteria. That translates into such important steps as receiving the candidate status and opening or closing the negotiations. When the accession negotiations are underway, the primary reward to mark and celebrate a country's progress is opening and closing negotiating chapters².

Two chapters - Ch. 17 (Economic and Monetary Policy), opened at the 11th EU-Turkey Accession Conference in December 2015, and Ch. 33 (Financial

and budgetary provisions), opened at the 12th EU-Turkey Accession Conference in June 2016, - were opened not for Turkey's compliance with the criteria, but in exchange for Turkey's help in curbing the flow of refugees to Europe.

The arrangements that came out of EU-Turkey refugee negotiations present an interesting case of the EU promising to advance the accession talks by, among other things, opening new chapters (a "reward" within the accession process) at the moment when the candidate country was not only failing to show progress, but was in fact backsliding.

The two frameworks - accession negotiations and a strategic partnership to combat the refugee crisis - intertwined, resulting in Turkey being rewarded with what was originally supposed to be a reward for progress on the path to becoming a democracy at the exact moment that Turkey was going in the opposite direction.

EU CONDITIONALITY BEYOND THE REFUGEE CRISIS

Although the EU's dependence on Turkey during the refugee crisis could potentially explain a muted reaction to the gradual erosion of democracy and human rights beginning with 2015, the hesitancy in the EU's reactions was evident even earlier than that.

The first Progress Report to explicitly mention significant backsliding on political criteria was released only in the autumn of 2015 [17]. The timing suggests that even in the light of the growing dependence of Europe on Turkey, the democratic backsliding and backsliding in the area of fundamental freedoms was reaching levels impossible for the EU to ignore.

Interestingly, the 2015 report specifies that the backward trend "was seen over the past two years" (which does coincide with data from democratic indices such as Freedom House and estimations in academic papers), there was no mention of such backsliding in either the 2013 or the 2014 reports. Additionally, even after the first official mention of "backsliding", be it perhaps to some extent belatedly, no upgrade in counteracting measures followed: the ongoing refugee negotiations quite likely made the EU more hesitant to considerably change the rhetoric or take new measures.

That could explain why even after acknowledging and condemning democratic backsliding the EU continued to utilise largely the same measures as before.

² Negotiating chapters form the basis of accession negotiations. They correspond to different policy fields in which the candidate country needs to align domestic policies to EU rules (*author's note*).

However, the situation in Turkey continued to deteriorate, especially after a failed coup attempt in 2016. That prompted the EU to come up with new ideas on how to counteract authoritarian reversal. In November 2016, the European Parliament voted in favour of a resolution calling to suspend the accession negotiations [18].

The resolution being a non-binding call to the EU Commission (EC), the move came to be more of a symbolic nature. In the meanwhile, the already employed measures of reiterating the conditions and exposing and condemning Turkey's non-compliance in the Progress Reports and public statements of EU leaders continued [19].

In 2017, the European Parliament again called on the EC and the Member States to initiate the procedure of suspending the negotiations should Turkey proceed with constitutional reforms changing the country into a presidential system with few checks and balances [20]. However, when Turkey failed to comply, no reaction followed from the Commission and the procedure of suspending the negotiations was not initiated. Even after the European Parliament voted for the third time to suspend accession negotiations in March 2019 [21], they remained officially ongoing.

The lack of reaction from the European Commission demonstrated the EU's reluctance to resort to measures the EU itself included in the framework as a safeguard against democratic deterioration in candidate countries. Moreover, the situation exposed divergent preferences within the EU on how the consolidation of authoritarianism in Turkey should be handled.

That could potentially have negative consequences for the credibility of conditionality, which rests on the ability of the EU to act as a unified entity. That said, even failing to agree on whether negotiations have to be suspended, the EU managed to agree to recourse to another heavy measure available within the accession framework: cuts to pre-accession financial assistance [22].

This is the first time in EU enlargement history such a measure is evoked³. In the meanwhile, criticism in Regular Reports and in the statements from EU officials continued.

CONCLUSION: TOO LITTLE, TOO LATE?

To sum up, one can notice the trend of "upgrading" the reactions to heavier ones as democratic deterioration in Turkey progressed.

Starting with monitoring and exposing, moving to pressure and reiteration of the conditions and then to cutting financial assistance and openly discussing a possibility of suspending negotiations - the EU employed a range of possible tools, without having to step outside the bounds of positive conditionality (see *Table*). However, it remains questionable whether the measures employed by the EU were proportionately matched to the situation at the time they were employed.

Table

EU conditionality tools

Regular Reports:
Monitoring compliance
Exposing non-compliance
Statements by officials and official bodies:
Reiteration of the conditions ("Reward A will not be achieved unless B... is done")
Public pressure
Public condemnation of non-compliance
Officially withholding rewards:
Freezing negotiation chapters
Cutting financial assistance
Suspension of negotiations (has not been employed)

Source: compiled by the author.

The two-year delay in officially exposing backsliding and the hesitancy to upgrade the countermeasures suggest that the responses were belated. The measures that could have worked at earlier stages of democratic backsliding failed to have much effect when autocratic reversal was in full force.

In fact, even though we have listed a number of measures that have or could have theoretically been employed by the EU, it is quite likely that the "take or leave it" approach of positive conditionality can prove to be powerless once a certain level of autocratic consolidation is achieved. If the regime is

³ It is worth noting that funding lost within the accession framework has been made available to Turkey through other instruments, making it more of a half-measure (*author's note*).

highly illiberal, that could indicate prohibitively high costs of compliance with EU criteria, rendering conditionality ineffective [23]. That said, it has to be noted that some of the problems the EU encountered are not related to the type of conditionality the EU employs. For example, both positive and negative conditionality rely on credibility, of either promises or threats.

The need to cooperate with Turkey to deal with the refugee crisis and the discrepancy between the Parliament's and the Commission's preferences would have had consequences for negative conditionality as

well. As such, the lack of effectiveness may lie in the consistency of conditionality's application no less than the type of conditionality.

Additionally, it should be pointed out that the EU previously had no expertise in dealing with severe backsliding in candidate countries. The need to enter an unfamiliar territory may explain some hesitancy to act and delays in the reactions. Belated reactions, combined with the need to stick to positive conditionality and the exogenous shock of the refugee crisis led to the lack of counteracting effect of EU conditionality against backsliding in Turkey.

References

1. Vachudova M.A. EU Leverage and National Interests in the Balkans: The Puzzles of Enlargement Ten Years On. *Journal of Common Market Studies*. 2014. V. 52. № 1, pp. 122-138.
2. Muftuler-Bac M. Backsliding in judicial reforms: domestic political costs as limits to EU's political conditionality in Turkey. *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. V. 27. № 1, pp. 61-76.
3. Kmezcic M. and Bieber F. The Crisis of Democracy in the Western Balkans: An Anatomy of Stabilitocracy and the Limits of EU Democracy Promotion. Balkans in Europe Policy Advisory Group Policy Paper. 2017.
4. Börzel T.A. Building Member States: How the EU Promotes Political Change in its New Members, Accession Candidates, and Eastern Neighbors. *Geopolitics, History, and International Relations*. 2016. V. 8. № 1, pp. 76-112.
5. Schimmelfennig F., Engert S. and Knobel H. Costs, Commitment and Compliance: The Impact of EU Democratic Conditionality on Latvia, Slovakia and Turkey. *Journal of Common Market Studies*. 2003. V. 41. № 3, pp. 495-518.
6. Gateva E. European Union Enlargement Conditionality. London, 2015.
7. Muftuler-Bac M. The Pandora's Box: democratisation and rule of law in Turkey. *Asia-Europe Journal*. 2016. V. 14, № 1, pp. 61-77.
8. European Commission. Turkey 2007 Progress Report. Brussels, 2007.
9. Saatçioğlu B. De-Europeanisation in Turkey: The Case of the Rule of Law. *South European Society and Politics*. 2016. V. 21, № 1, pp. 133-146.
10. European Commission. Turkey 2010 Progress Report. Brussels, 2010.
11. European Commission. Turkey 2013 Progress Report. Brussels, 2013.
12. *Reuters*. 21.01.2014.
13. *Time*. 06.02.2014.
14. European Commission. Turkey 2014 Progress Report, Brussels, 2014.
15. Vachudova M.A. EU enlargement and state capture in the Western Balkans. Dzankic, J., Keil, S. and Kmezcic, M. (eds.). *The Europeanisation Of The Western Balkans - A Failure of EU Conditionality?* London, 2019, pp. 63-85.
16. *Reuters*. 8.02.2016.
17. European Commission. Turkey 2015 Progress Report. Brussels, 2015.
18. European Parliament. European Parliament resolution of 24 November 2016 on EU-Turkey relations, 2016/2993(RSP). Strasbourg, 2016.
19. Deutsche Welle. 25.07.2016.
20. European Parliament. European Parliament resolution of 6 July 2017 on the 2016 Commission Report on Turkey (2016/2308(INI)). Strasbourg, 2017.
21. European Parliament. European Parliament resolution of 13 March 2019 on the 2018 Commission Report on Turkey (2018/2150(INI)). Strasbourg, 2019.
22. European Commission. Annex to the Commission Implementing Decision, C(2018) 5067 final. Brussels, 2018.
23. Schimmelfennig F. and Sedelmeier U. Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe. *Journal of European Public Policy*. 2004. V. 11. № 4, pp. 661-679.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ЦЕЛЕВОЙ ФОНД ЕС ДЛЯ АФРИКИ

(и его вклад в содействие развитию североафриканских государств)

© 2020 О. КУЛЬКОВА

DOI: 10.31857/S032150750009877-6

КУЛЬКОВА Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Института Африки РАН; эксперт Центра проблем безопасности и развития Факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова (kulkova-olga@yandex.ru)

В статье отражены результаты исследований, проводимых при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-37-01018-ОГН «Дилеммы содействия укреплению государственности в странах Ближнего Востока и Северной Африки в условиях формирования новых угроз миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности» на базе Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова.

Резюме. «Арабское пробуждение» затруднило управление миграцией для североафриканских государств. Регион превратился из транзитной зоны в источник новых волн миграции, что вызывает обеспокоенность Евросоюза. В статье рассматривается деятельность Чрезвычайного целевого фонда ЕС для Африки как финансового и политического инструмента реализации миграционной повестки ЕС в регионе с 2015 по 2019 гг. В статье прослеживается изменение первоначальных приоритетов Фонда и его подходов к реализации проектов с течением времени и в ответ на изменение ситуации в странах региона. Делается попытка критически оценить итоги его деятельности, так как срок существования Фонда подойдет к концу в декабре 2020 г.

Ключевые слова: ЕС, Северная Африка, содействие развитию, безопасность, стрессоустойчивость, управление миграцией, защита границ

EU EMERGENCY TRUST FUND FOR AFRICA (and its Contribution to the Development Assistance to the North African Countries)

Olga S. KULKOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Expert, Centre for Development and Security Studies, School of World Politics, Moscow State University (kulkova-olga@yandex.ru)

Abstract. The Arab Awakening had a complex and lasting impact on the countries of North Africa and the nature of their interaction with the outside world. One of its dimensions was the reduction of the capabilities of North African states in the field of migration management and the transformation of the region from the transit zone into a source of new waves of migration. Accordingly, this issue became much more significant both for regional and global actors, primarily the European Union. The EU is the major provider of development aid and security assistance for the North African countries.

The article discusses the activities of the EU Emergency Trust Fund for Africa as an important financial and political instrument for the implementation of the modern EU migration agenda in the North African region from 2015 to 2019. With the help of this tool the European Union sought to assist the partner countries in addressing the root causes of migration, supporting vulnerable migrants and their host communities, as well as in conflict resolution and border protection, including with the help of the new approaches and technologies.

The article assesses the activities of the Fund in Libya, Morocco, Egypt, Tunisia and Algeria.

The article traces the change in the initial strategic priorities of the Fund and its approaches to project implementation over time and in response to changing situations in the countries of the region. An attempt is made to critically evaluate the results of the activity of this instrument, which will finalize its activities in December 2020.

Keywords: EU, North Africa, development assistance, security, resilience, migration management, border protection

В последние годы страны Северной Африки столкнулись с увеличением притока мигрантов из стран Африки к югу от Сахары (АЮС). До событий «арабской весны» 2011 г. страны Северной Африки, прежде всего Ливия, служили реципиентами миграции с юга, играя роль «буфера»: они сдерживали и трудоустраивали на своей территории потоки мигрантов из более бедной Тропической Африки. Во многом в результате дестабилизации, вызванной «арабским пробуждением», из стран Северной Африки в Европейский Союз стали перебираться значительно больше мигрантов - как африканских нелегалов, использующих

территории государств Магриба для транзита, так и граждан самих этих стран [1].

По данным *Pew Research Center*, в XXI в. значительно увеличился уровень эмиграции в страны ЕС, Норвегию и Швейцарию из Северной Африки. Так, в 1990 г. в странах ЕС проживало около 3 млн иммигрантов из этого региона, а в 2017 г. - уже 5,2 млн [2]. В 2018 г. европейские государства перехватили почти 39 тыс. нелегальных мигрантов из стран Магриба (в 2016 г. их было около 16 тыс.) [3].

Растущий поток мигрантов из стран Северной Африки представляет серьезный политический

вызов для руководства ЕС. Несмотря на то, что ЕС выделял странам региона значительные объемы помощи и оказывал дипломатическое давление на Марокко, Алжир, Тунис и Ливию, с тем чтобы остановить поток людей, это не оказало существенного влияния на отъезд мигрантов из Магриба. 70% молодых людей в Марокко хотят эмигрировать, похожая ситуация наблюдается в Алжире и Тунисе [3].

Возросшие объемы миграции усиливают нагрузку на государственные институты данных стран, и без того испытывающие серьезные проблемы из-за негативных тенденций, порожденных «арабским пробуждением» [4].

Евросоюз стремился предложить странам региона сотрудничество в решении проблем, связанных с миграцией и сопутствующими вызовами развитию и безопасности [5]. Особенно ЕС беспокоила миграция по центрально-средиземноморскому (из Северной и Западной Африки, с Африканского Рога (из Эфиопии и Сомали) через Ливию в сторону Италии и Мальты), а также западно-средиземноморскому (из Северной Африки на Иберийский полуостров, в основном мигранты из Алжира и Марокко, а в последнее время также из стран АЮС - в Италию, Францию, Испанию), миграционным маршрутам.

В 2015 г. была принята Европейская повестка по миграции и проведен саммит в Валетте (Мальта), в котором приняли участие лидеры африканских стран и государств ЕС. Саммит повлек создание тогда же нового финансового механизма - Чрезвычайного целевого фонда ЕС для Африки (*The European Union Emergency Trust Fund for Stability and Addressing Root Causes of Irregular Migration and Displaced Persons in Africa / EUTF for Africa*, далее - Фонд).

Важное место в деятельности Фонда, как и в целом во внешней политике и политическом дискурсе ЕС, занимает категория «стрессоустойчивости» (*resilience*). Термин применяется в различных контекстах, в т.ч. и в ракурсе обоснования необходимости помощи странам-партнерам по миграционному регулированию. В ЕС рассуждают так: стрессоустойчивость институтов стран транзита и приема мигрантов можно повысить, что снизит риски миграции в пределы ЕС.

Основной задачей Фонда стало улучшение управления миграционными потоками между ЕС и Африкой с акцентом на таких направлениях, как устранение причин нелегальной миграции, возвращение, реадмиссия и реинтеграция мигрантов, укрепление связи между миграцией и развитием и др. Эта задача решается, в т.ч., и посредством оказания помощи институтам управления в странах, где реализуются проекты Фонда, в особенности путем содействия предотвращению конфликтов и усилению охраны границ.

Фонд наращивает сотрудничество с агентствами ООН (в частности, Международной организацией по миграции (МОМ), Управлением Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) и Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), чтобы помочь оказавшимся в затруднительном положении беженцам и принимающим их общинам на всем протяжении миграционных маршрутов. В североафриканских странах Фонд также активно сотрудничает с организациями гражданского общества на местах.

Фонд финансирует программы и проекты в трёх регионах Африки (т.н. «окнах»): районе Сахеля и озера Чад, в странах Африканского Рога и государствах Северной Африки (всего в 26 странах). Странами-реципиентами помощи через «североафриканское окно», значимость которого существенно возросла в результате закрытия балканского маршрута миграции в 2016 г. благодаря соглашению с Турцией [6, р. 1], являются Марокко, Алжир, Тунис, Ливия и Египет.

Рассмотрим деятельность Фонда и ее результаты именно в регионе Северной Африки, по сравнению с другими «окнами», с фокусом на ситуацию в Ливии.

СЕВЕРОАФРИКАНСКОЕ «ОКНО» ФОНДА

Руководство ЕС воспринимает регион Северной Африки как зону происхождения, транзита и конечного пункта назначения для смешанных миграционных потоков из стран Африки к югу от Сахары, Западной Африки, Африканского Рога и Ближнего Востока. Ситуация осложняется наличием конфликта в ряде стран вышеупомянутых регионов.

Главным приоритетом деятельности «североафриканского окна» Фонда является надлежащее регулирование миграции. Фонд предлагает комплексный трансграничный и межрегиональный подход к управлению миграцией, позволяющий разработать совместные с различными странами действия вдоль миграционных маршрутов.

70% финансирования направляется на защиту уязвимых мигрантов и иных категорий населения, а также на проекты развития (усилия по созданию социально-экономических возможностей для принимающих сообществ и самих мигрантов) [7, р. 1]. Остальной объем финансирования идет на проекты по улучшению управления границами и борьбу с транснациональными преступными сетями трафика людей [7, р. 1].

Стратегический совет (Правление) Фонда рассматривает на каждом из своих заседаний стратегические приоритеты с учетом мнения различных заинтересованных сторон.

Интересно проследить эволюцию этих приоритетов - как общих, так и специфических для отдельных окон.

Общие для всех трех Фондов приоритеты впервые были утверждены Правлением в ноябре 2015 г. в рамках «Документа о стратегической ориентации», и в целом не претерпели до настоящего времени существенных изменений.

В текущей стратегии Фонда есть 4 направления действий, общих для всех трех «окон»: 1) предоставление больших экономических возможностей и перспектив трудоустройства; 2) укрепление стрессоустойчивости сообществ и поддержка особенно уязвимых категорий, таких как беженцы и перемещенные лица; 3) улучшение управления миграцией в странах происхождения, транзита и назначения мигрантов в соответствии с «Глобальным подходом к миграции и мобильности» (2011) [10]; 4) улучшение управления, предотвращение конфликтов, сокращение вынужденного перемещения и нелегальной миграции [8, р. 8].

Что касается стратегии деятельности североафриканского «окна», его оперативная рамочная структура была разработана и утверждена, основываясь на положениях «Документа о стратегической ориентации» в декабре 2016 г., сохранена в 2017 г., затем обновлена на 4-м заседании в апреле 2018 г. [8, р. 39]. На 5-м заседании в сентябре 2018 г. эти приоритеты были подтверждены и распространены на деятельность Фонда в 2019 г. [9, р. 35]. Приоритеты деятельности североафриканского «окна» менялись с течением времени. В 2016-2018 гг. они были следующими:

- улучшение управления миграцией;
- продвижение взаимовыгодной легальной миграции и мобильности;
- обеспечение защиты нуждающимся в ней мигрантам, перемещенным лицам и принимающим их сообществам;
- работа с драйверами нелегальной миграции;
- улучшение информирования и защиты уязвимых мигрантов вдоль миграционных маршрутов [9, pp. 39-42]. А в 2018-2020 гг. - следующие:
- защита уязвимых мигрантов, содействие их добровольному возвращению и устойчивой реинтеграции, а также стабилизации сообществ (в т.ч. посредством поддержки местных органов власти в населенных пунктах вдоль миграционных маршрутов);
- поддержка комплексного, интегрированного управления границами;
- поддержка трудовой миграции и мобильности;
- содействие усовершенствованию управления миграцией [9].

Об объемах финансирования. Активы Фонда составляют свыше 4,5 млрд евро, причем более 89% взносов поступает от институтов ЕС, и около 11% - от государств-членов ЕС и других доноров.

Эти деньги вложены в реализацию 210 проектов в 26 «наиболее хрупких и нестабильных», как считают учредители Фонда, странах Африки (по состоянию на октябрь 2019 г.) [12, р. 1].

Около 4 млрд евро распределены между тремя географическими «окнами»: Африканский Рог - 1,406.1 млн евро, Сахель/озеро Чад - 1,2 млн евро, - Северная Африка - 659.2 млн евро [12, р. 2]. Эти средства включают в себя также ассигнования на реализацию 5 программ, охватывающих несколько «окон» сразу (*cross-window*).

Таким образом, «североафриканское окно» на настоящий момент является третьим по объему выделяемых на него средств Фонда, но следует учитывать, что и число стран, получающих в рамках него помощь, - наименьшее.

По состоянию на 31 декабря 2016 г, в рамках «окна» было одобрено 6 проектов на сумму 64,5 млн евро [8, р. 39]. Однако закреплено в контрактах - всего 6 млн евро. Данных о реально выделенных средствах на тот момент в отчете Фонда не было [8, р. 13].

В 2017 г. Фонд сосредоточился на развертывании мероприятий на страновом и региональном уровне. Он активизировал усилия, направленные на создание экономических возможностей и перспектив трудоустройства, особенно в странах происхождения мигрантов, и на создании потенциала устойчивого развития в странах транзита, что могло бы побудить людей отказаться от идеи нелегальной миграции [13, р. 4].

В течение 2017 г. мероприятия «североафриканского окна» разрабатывались и реализовывались в более спешном темпе, по сравнению с 2016 г., с учетом происходивших событий. Ливия стала приоритетной страной для деятельности «окна».

В рамках данного «окна» к концу декабря 2017 г. одобренных программ стало уже 14 [13, р. 56]. На их реализацию выделялись 285 млн евро, однако в контрактах была закреплена сумма 174,6 млн евро, а реально выделено почти на 100 млн евро меньше - всего 77,6 млн евро [13, р. 15]. В отчете за 2018 г. отмечалось, что распределение средств по направлениям деятельности осталось практически таким же, как и в 2017 г. [9, р. 14].

Наконец, по состоянию на 17 декабря 2019 г., в рамках североафриканского «окна» было одобрено 31 решение (программ), вместе с программами, охватывающими сразу несколько «окон» - всего 35, на 807 млн евро, заключено 47 контрактов на 494 млн евро, всего выплачено - 263 млн евро.

Проекты Фонда реализуются как на страновом, так и на региональном уровнях, каждый из которых заслуживает отдельного внимания.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

За всё время работы североафриканского «окна» было реализовано или находится в стадии реализации десять общерегиональных проектов (по состоянию на декабрь 2019 г.), на сумму 136,15 млн евро. Общая цель всех их обозначена Фондом как «улучшение управления миграцией».

В 2016 г. реализовывался один-единственный общерегиональный проект, а в каждом последующем году (2017, 2018, 2019) - по 3 проекта (вновь запущенных или продолжающихся, отдельные проекты реализовывались по фазам).

Один из показательных проектов в рассматриваемой категории - проект, направленный на содействие развитию в странах региона - в рамках общерегиональной «Программы развития и защиты на севере Африки» (10 млн евро) (*Development and Protection Programme in the North of Africa*).

Он решает следующие задачи:

- повышение включенности мигрантов в социальную жизнь;
- предоставление им различных услуг, возможностей трудоустройства;
- проведение исследований, улучшение обмена знаниями о проблемах миграции, просветительской и правозащитной работы;
- расширение и тиражирование платформ микрокредитования и краудфандинга в Северной Африке, продвижение государственно-частных парт-

нерств между государственными агентствами обеспечения занятости, частными посредниками и бизнесом [14, р. 2].

Есть ряд достаточно конкретных и прикладных общерегиональных программ - например, проект по противодействию криминальным сетевым структурам, которые занимаются переправкой мигрантов и торговлей людьми.

Фонд также работает в направлении облегчения легальной миграции между странами североафриканского региона и из региона в пределы ЕС.

В декабре 2018 г. Оперативный комитет Фонда утвердил программу действий на 15 млн евро в сфере легальной миграции [15]. Эта новая региональная инициатива имела целью улучшить управление трудовой миграцией в североафриканских странах-партнерах и усилить защиту «гастарбайтеров» в регионе, а также содействовать размещению работников из региона на европейском рынке труда посредством схемы, предложенной Германией, которая предоставила со-финансирование проекта в размере 5 млн евро [9, р. 37].

Наряду с программами, реализуемыми на уровне всего региона Северной Африки, а также программами, охватывающими сразу несколько «окон», в т.ч. и североафриканское, Фонд уделял большое внимание и программам на страновом уровне в регионе. Особенно приоритетными являлись Ливия, Египет, Тунис и Марокко.

Таблица 1

**11 крупнейших европейских стран - доноров «североафриканского окна»
(по состоянию на декабрь 2019 г.)**

Страна	Взнос на «североафриканское окно» (в млн евро)	Доля в % от общего объема взносов стран-доноров на «североафриканское окно»*
Германия	128,7	54,79
Италия	14	5,96
Дания	12,6	5,37
Нидерланды	10	4,26
Чехия	9,6	4,12
Польша	9,4	4,02
Словакия	9,3	3,98
Венгрия	8,7	3,72
Норвегия	6,2	2,67
Австрия	5	2,13
Великобритания	5	2,13

* Процентное соотношение рассчитано автором; выбраны лишь крупнейшие доноры среди 28 стран-членов ЕС.

Источник: EU Emergency Trust Fund for Africa. Improving Migration Management in the North of Africa region. December 2019. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/facsheet_north_africa_dec_2019.pdf

СТРАНОВЫЕ ПРОЕКТЫ ФОНДА: ЛИВИЯ

В рамках североафриканского «окна» распределение средств на проекты в отдельных странах неравномерно. Очевидным приоритетом в выделении финансов является Ливия - в силу комплексности стоящих перед страной вызовов в сфере развития, безопасности и управления миграционными потоками.

С момента своего создания в ноябре 2015 г. Фонд стал основным инструментом ЕС для реагирования на миграционные вызовы, связанные с Ливией. Вскоре после заседания Европейского Совета в июне 2018 г., на уже имеющуюся программу североафриканского «окна» - «Управление смешанными миграционными потоками в Ливии за счет расширения пространства защиты и поддержки местного социально-экономического развития», принятую в апреле 2017 г., с бюджетом 90 млн евро, было выделено дополнительно 29 млн евро [9, p. 38].

К декабрю 2019 г. Фонд уже мобилизовал 408 млн евро на проекты в Ливии, из которых почти половина средств была направлена на защиту и помощь мигрантам, беженцам и вынужденным переселенцам, около трети - на стабилизацию ливийских муниципалитетов, и около одной пятой - на интегрированное управление границами [16, p. 1].

Все проекты осуществляются партнерами на местах, такими как агентства ООН, государственные агентства содействия развитию стран-членов ЕС и неправительственные организации.

Наиболее крупными среди проектов Фонда в стране являются:

1. «Поддержка интегрированного управления границами и миграцией в Ливии» (реализуется с июля 2017 г., выделено 91,3 млн евро); проект реализуется Министерством внутренних дел Италии в рамках выполнения плана действий Еврокомиссии по поддержке Италии, принятого 4 июля 2017 г. [17]. Проект нацелен на активизацию деятельности ливийских служб пограничной и береговой охраны и повышение их эффективности в охране границ страны [14, p. 4].

2. «Управление смешанными миграционными потоками через расширение пространства защиты и поддержку местного социально-экономического развития» (148 млн евро) [16, p. 3] (запущен в апреле 2017 г.), реализуемый по двум основным направлениям:

- оказание помощи, предоставление защиты всем нуждающимся, с целью расширения «пространства защиты» в Ливии с особым акцентом на мигрантов и беженцев - осуществляется МОМ, УВКБ ООН, ЮНИСЕФ;

- поддержка социально-экономического развития на муниципальном уровне, с целью лучше ин-

тегрировать мигрантов, внутренне перемещенных лиц (далее - ВПЛ) и репатриантов и стабилизировать принимающие сообщества - осуществляется Программой развития ООН (ПРООН), Германским агентством по международному сотрудничеству (GIZ), МОМ и ЮНИСЕФ. Из общей суммы конкретно на это направление выделено 78,6 млн евро [16, p. 3].

3. «Восстановление, стрессоустойчивость и социально-экономическое развитие в Ливии» (бюджет - 50 млн евро, реализуется с марта 2018 г.); в числе приоритетов - восстановление школ, больниц, детских садов и полицейских участков, ремонт и строительство инфраструктуры водоснабжения и санитарии, подготовка учителей и обеспечение доступа к образованию, обучение и наращивание потенциала поставщиков услуг в управлении социальной инфраструктурой и предоставлении базовых социальных услуг уязвимым людям (включая мигрантов, беженцев, ВПЛ, репатриантов и принимающих общин) и др. [16, p. 2]. Партнеры - ПРООН, ЮНИСЕФ и Итальянское агентство по сотрудничеству в сфере развития.

Последняя программа сосредоточена на расширении возможностей местных властей по обеспечению базовых услуг, таких, как здравоохранение, образование, водоснабжение и обеспечение санитарных условий, а также предоставление социальных услуг для самых уязвимых групп населения. Действия, предпринятые в 2017 г., улучшили темпы реализации проектов, в частности, в Ливии, где местные общины получили значительную помощь, в т.ч. для восстановления ключевой инфраструктуры и оборудования [9, p. 40].

В 2018 г. содействие ливийским муниципалитетам по всей стране, в т.ч. и вдоль основных миграционных маршрутов, со стороны Фонда увеличилось в географическом и финансовом плане - на него было выделено дополнительно 50 млн евро [9, p. 40].

По состоянию на декабрь 2019 г., удалось восстановить и обеспечить оборудованием объекты социальной инфраструктуры (центры здравоохранения, поликлиники, школы и электрические подстанции) в более чем 50 ливийских муниципалитетах. Бенефициарами стали более 700 000 человек, включая мигрантов, ВПЛ и представителей принимающих общин, а всего доступ к базовым услугам улучшили 1,7 млн человек [16, p. 3].

Важнейшим направлением деятельности Фонда является поддержка ливийских органов местной власти и общин, принимающих мигрантов. Всего на это направление деятельности Фонда было выделено за все время (к декабрю 2019 г.) 135,8 млн евро, в т.ч. в рамках региональной «Программы развития и защиты на севере Африки» (фаза II - 1,2 млн евро и фаза III - 6 млн евро) [16, p. 3].

В 2018 г. Фонд расширил свою поддержку пограничному и миграционному управлению в Ливии, выделив дополнительно 45 млн евро. Эти средства пошли на укрепление потенциала Ливийской береговой охраны, создание Координационного центра по спасению в море, развитие комплексного управления границами на юге Ливии, в продолжение работы миссии ЕС по содействию охраны границ (*EUBAM*) [9, p. 41].

Средства Фонда идут и на поддержку многосторонних организаций. В частности, Фонд стал инструментом ЕС по выполнению обязательств, взятых Евросоюзом на себя в рамках работы Целевой группы Африканский Союз (АС) - ЕС - ООН, созданной после саммита АС - ЕС в Абиджане (Кот-д'Ивуар) в ноябре 2017 г. Это касалось облегчения бедственного положения мигрантов в лагерях беженцев в Ливии.

Во исполнение данных обязательств в феврале 2018 г. Фонд утвердил межрегиональные меры реагирования с особым акцентом на положение в Ливии. В частности, ЕС удвоил свою поддержку операций по добровольному гуманитарному возвращению и реинтеграции мигрантов из Ливии в страны происхождения, осуществляемых МОМ. Увеличение финансирования позволило включить в программы дополнительно 15000 мигрантов [9, p. 38]. Эти меры облегчили также эвакуацию 3800 беженцев и искателей убежища из Ливии посредством транзитного механизма для эвакуации, используемого УВКБ ООН. В декабре 2018 г. в рамках североафриканского «окна» фонда вклад ЕС в деятельность МОМ был увеличен на 7 млн евро [9, p. 38].

Фонд также сотрудничает с ПРООН с тем, чтобы помочь местным органам власти в восстановлении безопасности и предоставлении основных услуг в Триполи, Сабрате, Сабхе, Мурзуке, Бенгази и Аль-Куфре [9, p. 41].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОНДА В ДРУГИХ СТРАНАХ РЕГИОНА

Заключение Европейского Совета от июня 2018 г. призывало активизировать усилия по противодействию контрабандистам, которые базируются в Ливии или иных местах [18]. С этой целью Фонд расширил свою поддержку властей не только Ливии, но и Туниса и Марокко с тем, чтобы эти страны могли лучше охранять свои морские и сухопутные границы и проводить поисково-спасательные работы.

Евросоюз был озабочен тем, что центрально-средиземноморский миграционный маршрут в 2018 г. стал еще более опасным, поскольку за год 1314 человек погибли при пересечении Средиземного моря, а также тем, что значительно увеличилось количество мигрантов, отплывающих из Ту-

ниса. Большую их часть составляли именно граждане этой страны. Увеличилась в 2018 г. и нелегальная миграция по западно-средиземноморскому маршруту - например, из Марокко в Испанию. За 2018 г. именно по этому маршруту прибыло наибольшее количество мигрантов, пересекших Средиземное море, - 60000 с января по декабрь 2018 г. (по сравнению с 28000 в 2017 г.) [9, p. 36].

В ответ Фонд усилил меры поддержки Марокко в борьбе с нелегальной миграцией и с торговлей людьми. ЕС продолжил диалог на высшем уровне по проблемам миграции с Тунисом в ноябре 2018 г. и предпринял ряд шагов в рамках миграционного диалога с Египтом. Неформальный диалог по миграции также состоялся между ЕС и Алжиром.

В июле 2018 г. ЕС выделил через Фонд 55 млн евро на программу охраны границ в ответ на запросы Марокко и Туниса в этой сфере. Из этой суммы 30 млн евро были направлены Марокко и 20 млн евро - Тунису. В дополнение к этим усилиям в декабре 2018 г. Фонд принял программу с бюджетом 40 млн евро, направленную на поддержку Марокко в развитии системы управления границами страны и повышение эффективности борьбы с торговлей людьми. Эти две программы являются частью пакета помощи объемом 140 млн евро вместе с программой, финансируемой через Европейский инструмент соседства (*ENI*).

В 2018 г. Фонд продолжал поддерживать разработку и внедрение национальных стратегий североафриканских стран в области миграции, с тем чтобы каждый аспект управления миграцией основывался на правовой базе, приведенной в соответствие с международными конвенциями и соглашениями, а также с лучшими практиками в этой сфере.

Например, в Марокко Оперативный комитет Фонда выделил 8 млн евро для поддержки реализации двух национальных стратегий: Национальной стратегии в сфере миграции и предоставления убежища [19] и Национальной стратегии в интересах марокканцев, живущих за рубежом [20]. В рамках стратегий предлагается административная и техническая поддержка марокканских мигрантов, проживающих за границей, которые хотели бы использовать свои денежные переводы на родину в качестве инструмента финансирования развития в Марокко. Действия также направлены на улучшение социально-экономических условий легализованных мигрантов или находящихся в процессе легализации путем расширения их доступа к базовым услугам (например, образование, медицинское обслуживание), а также содействие занятости [9, p. 37].

Что касается Египта, то Фонд рассматривает страну как пункт назначения, транзита и проис-

хождения мигрантов. Это самая густонаселенная арабская страна, около трети населения которой составляют люди моложе 15 лет.

За всё время работы Фонда в Египте реализовывалась только одна программа. Она была запущена в мае 2017 г. под названием «Усиление ответа на вызовы миграции в Египте» с бюджетом 60 млн евро [21]. Ее планировалось выполнять в рамках 7 различных проектов.

Кроме того, в 2017 г. был инициирован диалог в сфере миграции и мобильности между ЕС и Египтом. Наконец, Египет участвует в региональной «Программе развития и защиты на севере Африки», реализуемой Фондом. Каир закупил устройства пограничного контроля производства стран-членов ЕС, чтобы предотвратить «незаконное» наземное проникновение на территорию Ливии, а также оборудование для контроля прибрежных и морских границ [23, р. 17]. Следует отметить, что европейские правозащитные организации часто критически оценивают деятельность Египта по реагированию на миграционные вызовы. В целом же, интерес ЕС к взаимодействию с Египтом нарастает, и проблематика управления миграции становится своеобразным «стержнем» сотрудничества в новом формате.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОГРАММ ФОНДА

П всем формальным показателям Фонд остается ключевым инструментом практической реализации интенсификации сотрудничества между ЕС и африканскими партнерами в области миграции [24], продвигает ряд проектов усовершенствования управления миграцией и устранения причин, вызывающих приток нелегальных мигрантов.

В то же время беспроblemной деятельность Фонда назвать невозможно. Это признают и в самой структуре. В период с февраля по декабрь 2018 г. сам Фонд осуществил мониторинг и оценку достигнутых результатов по некоторым приоритетным проектам, реализованным в Ливии и Тунисе. Несмотря на общую позитивную динамику, мониторинг показал необходимость лучшего управления рисками, улучшения координации проектов на местах и лучшего мониторинга и предоставления отчетности о реализации планов [9, р. 35].

Деятельность Фонда вызывает немало нареканий и критики - как со стороны европейских контролирующих органов, так и со стороны стран-членов ЕС, африканских стран-партнеров, а также неправительственных организаций и «мозговых центров».

Так, в декабре 2018 г. Европейская счетная палата опубликовала свой отчет с анализом деятельности Фонда [25, pp. 4-5]. Ее эксперты пришли

к выводу о том, что деятельность Фонда способствовала снижению количества нелегальных мигрантов, направляющихся из Африки в Европу, но этот вклад не может быть точно измерен. Поскольку его деятельность должна завершиться уже 31 декабря 2020 г., Палата рекомендовала Еврокомиссии как можно скорее: улучшить качество формулирования целей Фонда; пересмотреть процедуру отбора проектов; принять меры для ускорения реализации его проектов; улучшить мониторинг деятельности Фонда.

Анализ проектов Фонда, проведенный британской благотворительной НПО «Оксфам» в 2017 г., показывал, что «гибкий характер инструмента породил как возможности, так и риски - в его структуре нет эффективной системы сдержек и противовесов, гарантирующей, что европейские интересы не будут иметь преимущества перед потребностями людей, которым предназначена помощь» [26].

Итальянский исследователь Л. Барана отмечал, что, несмотря на упрощенный подход Фонда к одобрению проектов и заключению контрактов (что и должно было обеспечить его гибкость и дать быстрые результаты), на самом деле, сроки реализации проектов увеличивались по сравнению с запланированными, что вызывало у многих сомнения в реальной способности Фонда добиваться результата [6, р. 1].

Исходя из изученных материалов о масштабе деятельности Фонда в странах Северной Африки, складывается впечатление, что ее явно недостаточно для полноценного ответа на вызовы нелегальной миграции, с учетом их масштаба, а также не может она и устранить «корневые причины» миграции ввиду огромного количества проблем развития, безопасности и демографии, которые существуют в регионах работы Фонда, включая североафриканский [27, р. 2]. Хотя со временем определенные результаты деятельности Фонда стали видны, тем не менее, структурные проблемы остались нерешенными.

ЕС вложил через Фонд очень много средств в налаживание пограничного контроля в Ливии, и это дало непосредственный результат - благодаря усилиям ЕС поток мигрантов через Ливию удалось несколько снизить. Однако в стране сохраняется нестабильность, политический хаос и усилия по стабилизации страны почти не принесли результатов, что ограничивает возможности ливийцев воспользоваться этими дивидендами.

К тому же, наряду с сокращением миграционного потока из Ливии, возрос объем мигрантов через Марокко. Королевство, по состоянию на декабрь 2019 г., - вторая страна по величине портфолио проектов сотрудничества с Евросоюзом в сфере миграции среди всех государств-соседей ЕС [28]. И хотя сотрудничество финансируется

не только через Фонд, но и посредством механизмов Европейского инструмента соседства (ENI) и Инструмента сотрудничества в целях развития (DCI), однако именно с момента создания Фонда усилия ЕС и его государств-членов по поддержке марокканской национальной миграционной стратегии существенно возросли.

У европейских экспертов есть и иные замечания к деятельности Фонда. Некоторые отмечают, что его деятельность укладывается в логику экстренного, краткосрочного, «кризисного реагирования» на вызовы миграции, в то время как миграция - долговременный феномен, и к ее регулированию нужно искать долгосрочные подходы. К тому же на работу Фонда в сфере охраны границ и управления миграцией тратятся большие суммы из Европейского фонда развития, в силу чего существует нарастающая опасность того, что долгосрочные проекты ЕС по развитию и снижению бедности будут недофинансированы, а также того, что «секьюритизация» европейской помощи развитию и миграционной повестки ЕС будет нарастать [6, р. 2].

Некоторые идеи Европейского Союза в сфере регулирования миграции не находят отклика у партнеров из региона. В частности, Марокко, как и другие страны Северной Африки, отвергает идею, предлагаемую некоторыми европейскими чиновниками начиная еще с середины 2000-х гг., о том, что на их территории следует разместить центры для принятия решений по запросам о предоставлении убежища в ЕС [29]. Однако европейский эксперт И.Бартельс полагает, что в ходе деятельности Фонда эта идея получила «второе рождение» в новой форме - ведь при финансовой поддержке Фонда предпринимаются активные и целенаправленные попытки создать такие центры, «безопасные пространства», вдоль основных миграционных путей, под лозунгами обеспечения международной защиты и гуманитарной помощи. «Их стремятся создавать быстро и без привлечения африканских государств, в основном за счет сотрудничества с международными организациями, уже действующими в регионе» - отмечает исследователь [30, р. 25].

Следует отметить, что и деятельность Фонда воспринимается многими африканскими партне-

рами как часть европейской повестки дня в сфере миграции, в которой приоритет отдается европейским, а не африканскими интересами. Европейские исследователи отмечают, что в целом, несмотря на различия стран и проектов, инициатива африканских партнеров в рамках Фонда проявляется намного слабее, чем в рамках традиционных европейских инструментов сотрудничества [27, р. 1]. Игнорируя местные приоритеты, знания и потенциал, фонд рискует оттолкнуть африканских партнеров.

Нарекания у экспертов вызывает и тот факт, что примерно половина ресурсов Фонда направляется международным организациям, которые и прежде были активны в регионе, причем их выбор не всегда представляется оптимальным; еще около трети выделяемых ресурсов получают организации из стран-членов ЕС, и лишь 13% - государственные институты и 6% - неправительственные организации североафриканских стран-партнеров [30, pp. 27-28].

* * *

Итак, Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки вносит определенный вклад в содействие устойчивому развитию, надлежащему управлению и повышению стрессоустойчивости в регионе Северной Африки, в управление миграцией, в особенности в такой ключевой для решения рассматриваемой проблемы стране, как Ливия.

Однако он породил как большие ожидания, так и серьезные опасения относительно его истинных целей, механизмов работы и соотношения с глобальными тенденциями в области миграции и содействия развитию.

Пока достаточно сложно полностью оценить эффективность и результативность программ и проектов Фонда, однако мониторинг реализации этих и схожих программ Евросоюза может внести вклад в осмысление некоторых важных дилемм содействия укреплению государственности, которые лежат в плоскости связки «безопасность-миграция-развитие», столь выпукло проявляющей себя в арабском мире в целом, и в странах Магриба, в частности.

Список литературы / References

1. Обострение миграционной ситуации в Евросоюзе. 05.03.2019. (The exacerbation of migratory situation in the EU05. 03.2019) (In Russ.). <https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analitics/obostrenie-migratsionnoy-situatsii-v-evrosoyuze/> (accessed 23.12.2019)
2. Connor P. International migration from sub-Saharan Africa has grown dramatically since 2010. 28.02.2018. Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/02/28/international-migration-from-sub-saharan-africa-has-grown-dramatically-since-2010/> (accessed 23.12.2019)
3. Herbert M. Changing the migration horizon from North Africa to Europe. 07.08.2019. Institute for Security Studies. <https://issafrica.org/iss-today/changing-the-migration-horizon-from-north-africa-to-europe> (accessed 23.12.2019)

4. Кузнецов В.А., Оганисян Л.Д. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после Арабского пробуждения. *Современная Европа*. 2018, № 5. (Kuznetsov V.A., Oganisyan L.D. 2018. Dilemmas of Democrtization: European Union Policy in Tunisia and Egypt after the Arab Awakening. *Modern Europe*. № 5) (In Russ.)
5. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза. *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 4. (Potyomkina O.Yu. 2016. Migration Crisis and the European Union Policy. *Europe's Vital Problems*. № 4) (In Russ.) <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-i-politika-evropeyskogo-soyuza> (accessed 23.12.2019)
6. Barana L. The EU Trust Fund for Africa and the Perils of a Securitized Migration Policy. Istituto Affari Internazionali (IAI). IAI commentaries 17.31.12.2017. <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/eu-trust-fund-africa-and-perils-securitized-migration-policy> (accessed 23.12.2019)
7. EU Trust Fund for Africa. North of Africa Window. Improving migration management in the North of Africa region. Factsheet. November 2018. <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eutf-noa-reg-18042018.pdf> (accessed 23.12.2019)
8. The EU Emergency Trust Fund for Africa. Annual Report 2016. February 2017. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/eutf_2016_annual_report_final_en.pdf (accessed 23.12.2019)
9. EU Emergency Trust Fund for Africa. 2018 Annual Report. March 2019. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/ar_2018_en.pdf (accessed 23.12.2019)
10. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility. COM/2011/0743 final. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A52011DC0743> (accessed 23.12.2019)
11. The Future of the EU Trust Fund for Africa. Policy Briefing. *Privacy International*. September 2019.
12. The EU Emergency Trust Fund for stability and addressing root causes of irregular migration and displaced persons in Africa. *Factsheet*. October 2019. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/facsheet_eutf_short_22.10.pdf (accessed 23.12.2019)
13. The EU Emergency Trust Fund for Africa. Annual Report 2017. March 2018. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/2017_annual_report_eutf_africa_final_en_compressed_0.pdf (accessed 23.12.2019)
14. EU Emergency Trust Fund for Africa. *Factsheet*. 20.12.2018. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/eu_emergency_trust_fund_for_africa_20-12-2018.pdf (accessed 23.12.2019)
15. Towards a Holistic Approach to Labour Migration Governance and Labour Mobility in North Africa. 13.12.2018. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/region/north-africa/regional/towards-holistic-approach-labour-migration-governance-and-labour_en (accessed 23.12.2019)
16. EU Support on Migration in Libya. EU Emergency Trust Fund for Africa - North of Africa window. *Factsheet*. December 2019. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/eutf-factsheet_libya_dec_2019_1.pdf (accessed 23.12.2019)
17. Action plan on measures to support Italy, reduce pressure along the Central Mediteranian route and increase solidarity. European Commission. Brussels, 4.7.2017. SEC (2017) 339. https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170704_action_plan_on_the_central_mediterranean_route_en.pdf. (accessed 23.12.2019)
18. European Council conclusion, 28 June 2018. EUCO 9/18. CO EUR 9. CONCL 3. <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/28-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed 23.12.2019)
19. National Strategy for Immigration and Asylum. (SNIA). Morocco. 2014.
20. Morocco National Strategy for the benefit of Moroccans Residing Abroad (SNMRE).
21. Enhancing the Response to Migration Challenges in Egypt (ERMCE). EUTF official website. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/region/north-africa/egypt/enhancing-response-migration-challenges-egypt-ermce_en (accessed 23.12.2019)
22. Action fiche of the EU Emergency Trust Fund, Egypt 2017. T05-EUTF-NOA-EG-01. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/action_document_egypt_action_fiche_20170523_en.pdf (accessed 23.12.2019)
23. EU-Egypt migration cooperation: at the expense of human rights. EuroMed Rights. July 2019. <https://www.statewatch.org/news/2019/jul/Report-on-EU-Egypt-cooperation-on-migration%20.pdf> (accessed 23.12.2019)
24. Annual review for the European Union Emergency Trust Fund for stability and addressing root causes of irregular migration and displaced persons in Africa. *DFID Report*. 29.05. 2019. <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/31959804.pdf> (accessed 23.12.2019)
25. European Union Emergency Trust Fund for Africa: Flexible but lacking focus. Special Report No 32/2018. Executive Summary. 5.12.2018. https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SR_EUTF_AFRICA_EN.pdf (accessed 23.12.2019)
26. An Emergency for Whom? The EU Emergency Trust Fund for Africa - migratory routes and development aid in Africa. *Oxfam Briefing Note*. November 2017. https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/bp-emergency-for-whom-eutf-africa-migration-151117-en_1.pdf (accessed 23.12.2019)
27. The European Union Trust Fund for Africa: What Implications for Future EU Development Policy? German Development Institute. Briefing Paper 5/2017. https://www.die-gdi.de/uploads/media/BP_5.2017.pdf (accessed 23.12.2019).
28. EU Support on Migration in Morocco. EU Emergency Trust Fund for Africa - North of Africa window. *Factsheet*. December 2019. https://ec.europa.eu/trustfundforafrica/sites/euetfa/files/eutf_facsheet_morocco_dec_2019.pdf (accessed 23.12.2019)
29. Morocco plays cat and mouse with Africans headed to Europe. *Euractiv*. 19.09. 2018. <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/morocco-plays-cat-and-mouse-with-africans-headed-to-europe/> (accessed 23.12.2019)
30. Bartels I. Money against Migration. The EU Emergency Trust Fund for Africa. Study. Heinrich Böll Foundation. March 2019. <https://eu.boell.org/en/2019/03/18/money-against-migration-eu-emergency-trust-fund-africa> (accessed 23.12.2019)

КРИПТОВАЛЮТЫ В ИЗРАИЛЕ

© 2020 Е. ЯКИМОВА

DOI: 10.31857/S032150750009878-7

ЯКИМОВА Елизавета Александровна, кандидат исторических наук, н.с. Отдела изучения Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН (lisayaki@gmail.com)

Резюме. На примере Израиля исследуется роль криптовалют в экономике государства. Анализируется распространение биткоина, отношение к Zcash, обеспечивающей повышенный уровень конфиденциальности транзакций, а также опыт создания национальной израильской криптовалюты Isracoin. Раскрываются особенности государственного регулирования рынка криптовалют. Особое внимание уделяется использованию криптовалют в финансировании террористических организаций, что представляет угрозу для национальной безопасности Израиля.

Ключевые слова: Израиль, криптовалюта, биткоин, блокчейн, финансирование терроризма

CRYPTOCURRENCIES IN ISRAEL

Elizaveta A. IAKIMOVA, PhD (History), Research Fellow, Department of Israel and Jewish Communities Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (lisayaki@gmail.com)

Abstract. The article dwells upon specific features of Israel's cryptocurrency market. The author examines the use of bitcoin and blockchain technology. The research also presents basic characteristics of cryptocurrencies, worked out in whole or in part by Israeli creators, such as Isracoin and Zcash. The first one was conceived mainly as an internal Israeli form of digital currency and initially was distributed among citizens and companies registered in Israel. It was assumed that the new technology will interest even the ultra-orthodox sector receiving donations from abroad. The second was a joint project of American and Israeli scientists, and the main feature of this coin was the increased secrecy of transactions.

The article also gives a brief description of the Israeli state policy that complicated the usage of digital currencies. The fears of the government concerned risks of bankruptcy of the citizens and the likelihood of the active use of cryptocurrencies in corruption and illicit economy. Finally the article describes the possibility of using cryptocurrency to transfer funds to terrorist organizations and regimes hostile to Israel. The author concludes that so far the amount of such transactions is significantly lower than fundraising with the involvement of more common forms of payment but Israel pays attention to this problem in order to show the additional danger of the threats directed against it, as well as to declare that the «Islamic State» (prohibited in Russia) continues its activity. This is important in order to persuade the US to maintain its presence in the region.

Keywords: Israel, cryptocurrency, bitcoin, blockchain, financing of terrorism

Израиль, известный своими достижениями в сфере высоких технологий, не мог не отреагировать на бум криптовалют, начавшийся с появлением в 2009 г. первых биткоинов. Вопрос о применимости нового вида финансовых активов приобрел в стране дополнительные особенности.

Ограниченное в силу сложной геополитической ситуации сотрудничество с соседними государствами при большом объеме сделок с внерегиональными партнерами сделало актуальным поиск механизмов ускорения транзакций. Вместе с тем, повышенное внимание к обеспечению национальной безопасности, включая проблемы кибератак и финансирования терроризма посредством электронных денег, в сочетании с опасениями, что децентрализация нанесет ущерб экономическому развитию, предопределили серьезное противодействие распространению криптовалют на законодательном и экспертом уровне.

Большинство работ по криптовалютам сосредоточены, главным образом, на технологической составляющей или вопросах регулирования их использования, при этом опыт отдельных госу-

дарств крайне редко становится предметом внимания исследователей не только в России, но и за рубежом. В настоящей статье предпринята попытка на примере Израиля раскрыть особенности распространения биткоина и системы блокчейн, создания собственных криптовалют, а также оценить риски, которые может нести их широкомасштабное внедрение. В последнем случае речь идет не только об ошибках разработчиков, создающих канал для проникновения мошенников или распространения криптовалют в теневой экономике, но и о терроризме, угроза которого отражается практически на всех сферах жизни израильского общества.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ИЗРАИЛЕ

Несмотря на то, что экономические успехи Израиля были во многом достигнуты за счет высокотехнологичных отраслей, рост интереса к цифровым валютам в стране начался с опозданием. Всплеск внимания к криптовалютам пришелся на 2012-2014 гг. и был преимущественно связан

с Тель-Авивом, где малые инновационные предприятия стали предлагать идеи использования новой технологии [1]. Прежде всего, израильтян интересовало вовлечение в общемировой тренд, а также превращение в финансовый и инновационный центр криптовалют, в то время как задача создания собственной цифровой платежной системы на тот момент не озвучивалась. В результате, к 2014 г. порядка 120 организаций в Тель-Авиве стали принимать биткоин в качестве средства оплаты [2].

Постепенно началось формирование сообществ интересующихся криптовалютами. Первой площадкой, объединившей единомышленников, стал *Facebook*, где в 2012 г. возникла группа *Israeli Bitcoin*, включавшая порядка 30 человек [3]. Она была весьма разнородной в своем составе, что не позволяло добиться продуктивного обсуждения или принятия сколько-нибудь значимых решений, что в дальнейшем и стало причиной для ее постепенного угасания. Год спустя появилось «Посольство биткоина» в Тель-Авиве, а также *Israel Bitcoin Association*. Они взяли на себя более серьезные функции, включая общение с правительством, целью которого была популяризация криптовалют в стране и устранение барьеров, создаваемых органами власти для их использования [3].

В 2018 г. активные обсуждения в рамках *Israel Bitcoin Association*, насчитывавшей ориентировочно 30 000 участников, произошел раскол. Около 100 ведущих представителей создали новую структуру *Bitcoin Community*, куда затем перешли еще предположительно 2000 представителей предшествовавшей организации [3]. Во многом такой шаг был связан с тем, что, несмотря на большую аудиторию, организация так и не смогла стать влиятельной в отношениях с властью, продолжая скептически относиться к криптовалютам.

Отдельного внимания заслуживают созданные в 2017 г. *Israel Blockchain Association*, и группа *Blockchain Israel*, сосредоточенные на работе не с криптовалютой, а с технологией в целом. Данный подход в большей степени отвечает запросам израильского правительства, поскольку сфера применения блокчейна намного шире.

По мнению бывшего премьер-министра Израиля Э. Барака, в целом сравнивающего цифровые валюты со «схемами Понци», т.е. с мошенническими инвестиционными пирамидами, сама технология перспективна во многих отраслях, где требуется хранение конфиденциальной информа-

ции [4]. Так, уже предлагаются идеи применения блокчейна для удаленного аудита и верификации данных в страховании, банковском обслуживании и регистрации имущества. Более того, в отличие от криптовалют, блокчейн зачастую воспринимается как технология повышающая доверие [5, p. 1720].

Всплеск интереса к биткоину и блокчейн, начавшийся в Израиле несколько позже, чем на Западе, подтолкнул специалистов к поиску новых вариантов применения данных технологий, что вылилось в идеи ряда стартапов. К примеру, компания *CoaliChain* предложила платформу для коммуникации между политиками и населением, а также механизм голосования, позволяющий выдвигать кандидатуры и проводить выборы, применяя методы идентификации, основанные на блокчейне [6].

Эта идея может найти широкое применение, как в Израиле, так и в мире. С одной стороны, на фоне выборов в Кнессет 21-го созыва в 2019 г. возросла необходимость повышения прозрачности результатов праймериз. Так, по итогам внутреннего голосования в партии «Ликуд»¹, определившего состав общего предвыборного списка, было замечено, что в некоторых округах кандидаты получили больше голосов, чем количество зарегистрированных там ее членов [7].

С другой стороны, израильские разработки могут быть востребованы государствами, заинтересованными во внедрении у себя электронных правительств, базирующихся на блокчейне. ОАЭ для этого запустили инициативу *Smart Dubai*, одной из составляющих которой является привлечение наиболее успешных мировых разработчиков в данной сфере [8]. Такого рода контакты могли бы способствовать дальнейшему сближению государств. Так, в 2015 г. Украина заявила о намерении внедрить в Одессе израильскую систему электронного управления городом [9]. Дополнительные перспективы для украино-израильского сотрудничества в этой области открывает намерение распространить действие соглашения о зоне свободной торговли, подписанное в январе 2019 г., на сферу услуг.

ИЗРАИЛЬСКИЕ РАЗРАБОТКИ КРИПТОВАЛЮТ

В Израиле предпринималось несколько попыток создания собственных криптовалют. Первая из них - *Isracoin*, разработка которой началась в марте 2014 г. Часть ее разработчиков принимали участие в социальных протестах в Тель-Авиве ле-

¹ Ликуд (ивр. «сплочение») - правоцентристская политическая партия в Израиле, созданная в 1973 г. (прим. авт.).

том 2011 г., символом которых стал палаточный лагерь на бульваре Ротшильда. Основным мотивом, послужившим поводом для его развертывания, принято считать недовольство населения высокой стоимостью жилья, хотя в основе акции, стартовавшей на *Facebook*, были общие возражения по поводу роста цен, приведшие к бойкоту покупателями некоторых особенно подорожавших товаров [10, p. 869]. Также в числе авторов идеи новой криптовалюты были представители израильского движения свободного программного обеспечения.

По замыслу создателей, основной задачей *Isracoin* являлась борьба с централизацией экономики. В связи с этим были предложены меры, стимулирующие использование криптовалюты в бизнесе и расчетах населения, позволяя обходить комиссии, а также экономя время на поход в банк [11]. Разработчики *Isracoin* хотели подчеркнуть, что, в отличие от аналогов, к примеру, от исландской криптовалюты, созданной как ответ на жесткую экономическую политику в связи с финансовым кризисом, начавшимся еще в 2008 г., их монета является примером использования криптовалюты стабильной инновационной экономики, пусть и не лишенной некоторых проблем [12].

Израильяне запланировали 2 этапа внедрения криптовалюты. На первом, стартовавшем 6 мая 2014 г., предполагалось выделить 500 монет 50 тыс. предприятий, зарегистрированных в Израиле и готовых в будущем вести расчеты в *Isracoin*. Сначала компания, отвечающая необходимым условиям, получала первые 100 монет. Затем в течение года должны были быть переданы остальные 400, однако каждая новая монета попадала в электронный кошелек организации только при условии одной потраченной [13]. На втором этапе, представленном в июне 2014 г., была запланирована раздача *Isracoin* населению. Рассчитывать на ее получение могли порядка 2,8 млн человек [12] из более чем 8 млн, на тот момент зарегистрированных в Израиле. Согласно модели, предполагалось выдавать по 10 *Isracoin* в неделю [14]. Максимальный порог майнинга монет мог составить 4,8 млрд [15].

Отличительной чертой израильской криптовалюты стала ярко выраженная национальная привязка, заметная уже в названии и символике. Так, эмблемой *Isracoin* была выбрана звезда Давида. Примечательно, что, ориентируясь преимущественно на израильский рынок, создатели криптовалюты предприняли попытку вовлечения в данный процесс ультраортодоксального сектора населения, традиционно противостоящего интегра-

ции новых технологий в жизнь общества. Им предлагалось перейти на *Isracoin* для облегчения сбора пожертвований из-за рубежа, перевод которых привычным способом занимает много времени [16].

Первые месяцы майнинга были для монеты достаточно удачными, однако на сегодняшний день она не фигурирует в списках 100 самых распространенных криптовалют [17]. Причин, по которым израильский проект не приобрел большой популярности, было несколько.

С одной стороны, виной тому оказались технологии, которые существенно не отличились от аналогов. По мнению доктора М.Коэна из Школы бизнеса Колумбийского университета, *Isracoin* попросту не предложил ничего нового, в результате уступив уже имевшим на тот момент мировым криптовалютам [18].

С другой стороны, монета не имела возможности решить главную из поставленных перед ней задач, а именно позволить добиться снижения стоимости жизни в стране. С точки зрения активиста движения по популяризации биткоина Ш.Ааронович, основной причиной проблем в израильской экономике является не шекель, а налоги, на которые электронные деньги не влияют [18]. Наконец, негативно на имидже монеты сказалась ее «израильская идентичность», заложившая основу для того, чтобы стать предметом критики, исходя лишь из этого факта [17].

Еще одной криптовалютой, созданной при участии израильских специалистов, стала *Zcash*, не имеющая, в отличие от *Isracoin*, четкой связи с государством.

Идея ее создания зародилась в начале первого десятилетия 2000-х гг., когда израильский ученый Э.Бен-Сассон поступил в аспирантуру в США, где с коллегами стал работать над проектами в области вычислительных систем [19]. Его интересовало применение концепции доказательств с нулевым разрешением в криптографических протоколах, одной из авторов которой еще в конце 1980-х была американско-израильский ученый Ш.Гольдвассер.

Получив в 2008 г. грант от Европейского исследовательского совета, Э.Бен-Сассон стал заниматься более прикладными проектами, что в итоге и завершилось созданием технологии, положенной в основу *Zcash* [19]. Помимо Э.Бен-Сассона, в создании криптовалюты принял участие еще один израильский специалист - Э.Тромер из Тель-Авивского университета. Он специализировался в области информационной безопасности и также имел исследовательский опыт, полученный в США.

В отличие от *Isracoin*, *Zcash* по-прежнему присутствует на рынке криптовалют, хотя не отличается высокой стабильностью. Интерес к ней заключается в повышенной анонимности операций, поскольку положенная в основу система подтверждает только достоверность самой транзакции, но не раскрывает ее участников и сумму.

Впрочем, данная особенность воспринимается одновременно как преимущество и недостаток *Zcash*. Эксперты предрекают рост ее стоимости вплоть до \$6,2 тыс. к 2025 г. в том случае, если она сумеет взять на себя часть оффшорных операций [20]. Вместе с тем, на лидерские позиции она, вероятнее всего, не выйдет из-за серьезной конкуренции среди криптовалют в целом, а также наличия другой анонимной монеты *Monero*, хотя технологии, лежащие в их основе различны.

Тем не менее, у *Zcash* есть и свой круг сторонников. По мнению Э.Сноудена, в области конфиденциальности транзакций она является «самой интересной альтернативой биткоину» [21], поскольку за ней стоят профессиональные криптографы.

С точки зрения экс-сотрудника ЦРУ, важно не только то, что люди, входящие в команду *Zcash*, обладают более высоким уровнем образования, но и то, что работают они на постоянной основе и имеют вознаграждение в размере 20% от стоимости созданного блока. Именно это, с точки зрения Э.Сноудена, мотивирует их продолжать совершенствовать систему и устранять уязвимости до тех пор, пока их не обнаружили мошенники [21]. Способность обезличивать операции трактуется по-разному. Именно поэтому Интерпол рассматривает такие криптовалюты как опасные, поскольку механизм их работы упрощает проведение незаконных операций.

Не претендуя на статус национальной криптовалюты, *Zcash* успела завоевать себе неплохие позиции в Венесуэле, Бразилии, Китае и Южной Африке. Так, бразильская компания *CoinBR* создала приложение - *SmartWallet*, позволяющее пользователям, количество которых насчитывает порядка 3000 человек, оплачивать налоги и коммунальные услуги [22]. Поскольку фирма занимается майнингом криптовалют, то приложение имеет функцию работы с ними. В обновлении *SmartWallet*, выпущенном весной 2017 г., появи-

лась возможность работать с *Zcash*: приобретать или продавать монеты за бразильские реалы. По словам представителей *CoinBR*, причиной, по которой они обратили внимание именно на эту криптовалюту, стала положенная в ее основу технология, а также быстрое развитие [22]. Представительство бразильской компании в ЮАР распространило свои разработки и на эту страну. При этом сложные дипломатические отношения ЮАР и Израиля² препятствием на данном пути не стали.

В Венесуэле в декабре 2018 г. американская биржа *Coinbase* организовала проект под названием «12 Days of Coinbase» по раздаче субсидий на товары первой необходимости в размере \$1 в день, которые выплачивались в *Zcash*. Затем их можно было потратить в магазине, принимающем криптовалюту. Эта инициатива столкнулась с критикой, поскольку *Coinbase* и *Zcash* обвинили в попытке популяризации своих брендов за счет жителей Венесуэлы [23].

Сами по себе проекты такого рода могли бы иметь популярность в стране, исходя из экономической ситуации. Однако, учитывая вовлеченность США и Израиля во внутренние дела Венесуэлы, применение для спонсирования населения монеты, совместно созданной американскими и израильскими учеными, могло ухудшить и без того негативное восприятие роли этих стран в венесуэльском кризисе власти.

В целом, роль криптовалют в экономике развивающихся стран считается перспективной. При этом речь идет не о замещении государственной валюты, а ее дополнении. Это особенно актуально на фоне кризиса рынка фиатных валют³, затрагивающего и крупнейшие региональные экономики, такие как Аргентина. Для них использование цифровых валют может стать способом снижения рисков, хотя эксперты ориентируют их на биткоин [24, р. 2328].

Отдельной составляющей рассмотрения вопроса о криптовалютах, созданных при полном или частичном участии израильских специалистов, является то, что их проекты, по сути, противоречат базовым принципам таких расчетов.

Еще в 1970-е гг. австрийский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Ф.Хайек

² Дипломатические отношения между Израилем и ЮАР были установлены в 1949 г. На протяжении долгих лет между государствами поддерживалось сотрудничество в экономической и военной сферах при осуждении израильским правительством режима апартеида, что препятствовало развитию политического диалога. В мае 2018 г. ЮАР отозвала своего посла из Тель-Авива в знак недовольства действиями Армии обороны Израиля в столкновениях с палестинцами в Газе. В 2019 г. ЮАР понизила уровень дипломатических отношений с Израилем, ограничив работу своих дипломатов в стране консульскими функциями (прим. авт.).

³ Фиатные (от лат. fiat - декрет, указание) - символические, бумажные, кредитные, необеспеченные деньги - не обеспеченные золотом и другими драгоценными металлами деньги, номинальная стоимость которых устанавливается и гарантируется государством вне зависимости от стоимости материала, использованного для их изготовления (прим. ред.).

предложил теорию «денационализации денег», основанную на прекращении государственной монополии на выпуск денег и замены ее свободно конкурирующими между собой частными расчетными средствами [25, р. 13; 26]. При этом криптовалюта, как считает исследователь из Университета Манчестера С.Даллин, отвечает критериям, которые предложил Ф.Хайек, поскольку позволяют исключить государственный контроль и на стадии выпуска платежных средств, и при выборе тех монет, которыми воспользоваться [26, р. 468]. Вместе с тем, на примере биткоина, половиной запасов которого владеет группа численностью менее 1 тыс. человек, он показывает, что и криптовалюты имеют тенденцию к централизации контроля. Прежде всего, повышается риск управляемого кризиса, поскольку одна или несколько транзакций могут привести к резкому обвалу монеты [26, р. 470].

Израильские примеры во многом подтверждают эту теорию. Так, идея *Isracoin*, который путем совершения операций все же мог распространиться по миру, предполагает, что владеть им преимущественно должны израильские компании и частные лица. Более того, монеты, в отличие от опыта Исландии, распределялись не между всеми гражданами поровну, а только среди 25% населения. *Zcash* своим «вознаграждением разработчикам», согласно сценарию С.Даллина, может потенциально влиять на ее курс путем собственных транзакций.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ В ИЗРАИЛЕ

На волне роста интереса к биткоину 19 февраля 2014 г. Банк Израиля, Департамент по контролю над рынком ценных бумаг, Налоговое управление и Управление по борьбе с терроризмом и отмыванием денег по результатам межведомственного совещания выпустили заявление, в котором предостерегли граждан от сделок с использованием криптовалют. Также были обозначены основные риски их применения, среди которых значилась высокая волатильность и возможность использования в преступной деятельности. Помимо этого, было подчеркнуто, что криптовалюты не являются законным платежным средством на территории государства, а регистрация трейдеров в Министерстве финансов проводится на основании их сопутствующей деятельности и автоматически не означает мониторинга операций с криптовалютами со стороны государственных органов [27].

Однако интерес израильских предпринимателей к использованию криптовалют привел к тому,

что органы власти были вынуждены постепенно корректировать свое отношение к ним. Помимо лоббизма бизнесменов, объединившихся в несколько приведенных выше организаций, на ситуацию оказало влияние и мнение крупных банков, таких как *Hapoalim* и *Leumi*, которые, стали предлагать израильским стартапам, работающим с биткоином и другими криптовалютами, техническую и финансовую поддержку. В сложившихся обстоятельствах государство задумалось над необходимостью не бороться, а частично начать регулировать интеграцию криптовалют в экономику.

В ноябре 2017 г. Банк Израиля опубликовал информацию об открытии общественной дискуссии по вопросу поиска новых возможностей повышения эффективности платёжных механизмов [28]. Тогда же была создана межведомственная рабочая группа по изучению цифровых валют при министерстве финансов. Как позднее подчеркнул в интервью *Reuters* анонимный источник в Банке Израиля, государство на тот момент, судя по всему, рассматривало перспективу внедрения национальной криптовалюты для ускорения платежей и сокращения объемов наличных денег в обороте. По данным информационного агентства, на законодательном уровне такая инициатива могла бы быть принята уже в 2019 г. при условии поддержки Банка Израиля [29].

К настоящему моменту идея реализована не была. В ноябре 2018 г. межведомственная рабочая группа опубликовала отчет, в котором не рекомендовала централизованный выпуск национальной криптовалюты. Свои выводы эксперты объяснили тем, что технология не изучена до конца, и другие развитые государства пока не пошли по этому пути. В этой связи было рекомендовано продолжать исследование влияния криптовалют на мировую экономику и при появлении позитивных тенденций заимствовать опыт партнёров [30]. Важной ролевой моделью для Израиля могли бы стать США, что объясняется особым характером межгосударственных отношений и сходством в восприятии вызовов и угроз. Хотя тот факт, что Израиль не был серьезно затронут мировым кризисом 2008 г., начавшимся с США, означает, что критической зависимости от доллара у израильской экономики все же нет.

Для решения текущих проблем, а именно борьбы с сокрытием доходов от налогов и отмыванием денег в марте 2018 г. Кнессет принял законопроект, ограничивающий использование наличных в операциях физических и юридических лиц. Израильские власти также работали над механизмом налогообложения операций с криптовалюта-

ми. В феврале 2018 г. налоговое управление Израиля приравнивало их к финансовым активам, что означает для владельцев 25%-ный налог на прирост капитала и 17%-ный НДС на деятельность обменных пунктов и других компаний, работающих с цифровыми валютами [1].

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Развитие цифровых валют и расширение сфер их использования стало предметом внимания израильских экспертов, также сосредоточившихся на том, что децентрализация экономики в будущем может повысить риски для национальной безопасности страны.

По мнению старшего научного сотрудника израильского *Institute for National Security Studies (INSS)* Ш.Эвена, основная опасность их использования заключается в финансировании террористической деятельности, возможности подрыва государственных финансовых систем, отмывании денег и уходе от налогообложения. Наиболее важным кажется первый блок вызовов, на котором аналитик останавливается подробнее. Не называя напрямую, какие группировки и государства могут быть вовлечены в данный процесс, Ш.Эвен отмечает, что цифровые валюты служат инструментом обхода санкций, а также позволяют закупать запрещенные материалы и технологии, необходимые для производства обычных вооружений, таких как ракеты, а также оружие массового уничтожения [31].

Разговор о санкциях и Оружии массового уничтожения (ОМУ), как можно предположить, касается активности враждебного по отношению к Израилю Ирана, однако на момент публикации статьи Ш.Эвен в 2017 г. Тегеран не имел большого интереса к криптовалютам. Возник он в конце 2018 - начале 2019 гг., и связан преимущественно с презентацией собственной монеты - *PayMon*, явно ориентированной на обход американских санкций.

Вместе с тем, применимость технологии вызвала сомнения в связи с работой над механизмом *INTEXT*, суть которого заключается в посредничестве в торговых сделках между Ираном и Европой. На национальном уровне *PayMon* рискует столкнуться с неприятием со стороны местного населения и сложностями в переоснащении систем расчетов для ее массового внедрения. Заинтересовать иранцев, так же как и израильтян, может

сама технология блокчейн, а также использование криптовалют для транзакций между государствами, что стало актуальным после отключения Ирана от системы *SWIFT*⁴.

Существенно более острой проблемой является фандрайзинг⁵ террористических организаций, что отмечается в серии докладов Информационного центра по изучению терроризма им. М.Амита. В начале февраля 2019 г. был опубликован отчет, в котором, со ссылкой на арабские СМИ, утверждалось, что группировки ХАМАС и «Комитеты народного сопротивления», контролирующие сектор Газа, впервые выпустили в *Twitter* обращения с призывами переводить им средства в виде биткоинов, опубликовав при этом ссылки на виртуальные кошельки [32]. По данным Центра, кошелек боевого крыла ХАМАС был открыт 31 января 2019 г. и к моменту публикации доклада через него прошли 43 операции [32]. Проверка той же информации, представленной радикальным ответвлением «Комитетов народного сопротивления» - «Бригадами Насера Салах ад-Дина», свидетельствовала о том, что он был зарегистрирован еще в 2015 г., и с того момента операции в нем велись на постоянной основе [32].

Эксперты того же Центра обращают внимание на аналогичные призывы со стороны связанных с группировкой «Исламское государство» (ИГ), интернет-сайтов и страниц в социальных сетях. Такая практика применяется боевиками предположительно с 2017 г. Несмотря на то, что напрямую в борьбе с ИГ Израиль не участвует, он поддерживает усилия Египта по стабилизации Синайского полуострова. При этом израильское экспертное сообщество полагает, что даже на фоне краха идеи халифата и отступления террористов из стратегически важных районов, группировка не прекратит свое существование, а трансформируется в полупартизанскую структуру [33].

В новых реалиях, связанных с намерениями США сократить свое военное присутствие в регионе привлечение внимание к проблеме фандрайзинга «Исламского государства» может получить дополнительное внимание. Сбор средств террористами фактически свидетельствует о продолжении активности, а значит сохранении роли американских военных в Сирии.

Надо отметить, что призыв направлять пожертвования в виде кибервалют становится весьма распространенной практикой среди террорис-

⁴ *SWIFT* - Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи (*Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications* - *SWIFT*) - международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей.

⁵ Фандрайзинг (англ. fundraising) - стратегия сбора средств, осуществляемая через личные связи существующих сторонников организации (прим. ред.).

тических организаций. К примеру, в рамках т.н. *Dark Net* есть страница «*Fund the Islamic Struggle without Leaving a Trace*», содержащая адрес электронного кошелька, на который можно перечислять биткойны [34, р. 200]. Эта страница была обнаружена в 2014 г., а создана предположительно годом ранее [35, р. 10]. Также в *Dark Net* под ником *Amreeki Witness* размещаются пошаговые инструкции для таких переводов, озаглавленные как «*Bitcoin and the Charity of Violent Physical Struggle*» [34, р. 200].

Помимо этого, есть информация о сборе средств через страницы в социальных сетях, которые были связаны с «Аль-Каидой». При этом, помимо технологии *PayPal*, потенциальным благотворителям предлагается сделать пожертвование в виде криптовалют [36, р. 10]. Соответственно, враждебные Израилю организации могут использовать уже имеющиеся в Интернете инструкции для сбора средств в новой форме.

* * *

Таким образом, криптовалюты и положенные в их основу технологии имеют ограниченные перспективы в Израиле. Они интересны предпринимателям, поскольку позволяют создать в рамках стартапов инновационные проекты, привлекающие иностранных инвесторов. В перспективе эти разработки могут быть выкуплены ведущими мировыми корпорациями, как это уже неоднократно происходило в других отраслях. Основное внимание в данном случае сосредотачивается не на самих монетах, а технологии блокчейн.

Несмотря на необходимость совершенствования законодательства в сфере борьбы с коррупцией и отмытием денег, израильские власти избегают использования криптовалют для решения данной задачи, руководствуясь несколькими группами причин. С одной стороны, их высокая волатильность создает потенциальную угрозу для экономики. С другой стороны, связанная с криптовалютами децентрализация рискует лишь увеличить объем теневых операций, тем самым ухудшив показатели Израиля в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), когда именно эти данные зачастую используются правительством для доказательства успешной экономической политики.

Наконец, высок риск вовлечения криптовалют в финансирование террористических группировок и враждебных государств, к которым Израиль относит Иран и его региональных союзников в лице палестинских группировок в Газе и ливанской шиитской организации «Хезболла». Впрочем, объемы операций, совершенных ими к настоящему моменту, малы, если сравнивать их с другими методами фандрайзинга.

В этой связи исследования, проведенные израильскими специалистами в сфере угроз криптовалют для национальной безопасности, имеют преимущественно политическое значение. Таким способом делается попытка найти дополнительные доказательства иранской опасности не только для Израиля, но и всего международного сообщества, а также мотивировать США сохранить свое фактическое присутствие на Ближнем Востоке.

Список литературы / References

1. Crypto regulation in Israel. *Benefit daily*. 28.09.2018. <https://benefit-daily.com/post/crypto-regulation-in-israel> (accessed 02.03.2020)
2. Sales B. Bitcoin makes alyah: cryptocurrency finds Israel fans. *Jewish Telegraphic Agency*. 12.06.2014. <https://www.jta.org/2014/06/12/israel/bitcoin-makes-alyah-cryptocurrency-finds-israel-fans-2> (accessed 02.03.2020)
3. Aviv E. The forking of the Israeli Bitcoin community group, and why should you care. *Altcoin Magazine*. 18.11.2018. <https://medium.com/the-capital/the-forking-of-the-israeli-bitcoin-community-group-and-why-should-you-care-406baad558f2> (accessed 02.03.2020)
4. Yablonko Y. Ehud Barak: Cryptocurrencies are a Ponzi scheme. *Globes*. 02.12.2018. <https://en.globes.co.il/en/article-ehud-barak-cryptocurrencies-are-a-ponzi-scheme-1001263129> (accessed 01.03.2020)
5. Kshetri N. Will blockchain emerge as a tool to break the poverty chain in the Global South? *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38, № 8, pp. 1710-1732. DOI: 10.1080/01436597.2017.1298438
6. One political voting with the use of blockchain technology. <https://hackernoon.com/online-political-voting-with-the-use-of-blockchain-technology-55c018514d8e> (accessed: 29.02.2020)
7. Winer S. Voting irregularities surface in Likud primaries results. *Times of Israel*. 10.02.2019. <https://www.timesofisrael.com/voting-irregularities-surface-in-likud-primaries-results/> (accessed 29.02.2020)
8. Wass A. Can Dubai become the first blockchain powered city by 2020? *CNN*. 07.01.2019. <https://www.cnn.com/can-dubai-become-the-first-blockchain-powered-city-by-2020> (accessed 29.02.2020)
9. Lyon N. First blockchain-powered government to launch in Odessa, Ukraine. *Cointelegraph*. 06.11.2015. <https://cointelegraph.com/news/first-blockchain-powered-government-to-launch-in-odessa-ukraine> (accessed 29.02.2020)
10. Zaidise E., Shahrabani S., Gal A., Benzion U. Understanding public support for social protest: testing collective action frames, cognitive liberation and political opportunity in the Israeli 2011 summer protest. *Israel Affairs*. 2018, Vol. 24, № 5, pp. 865-882. DOI: 10.1080/13537121.2018.1505705
11. Hirschauge O. Isracoin begins today: "There are few banks that control most of the assets". *The Marker*. 26.03.2014. <https://www.themarker.com/technation/1.2279660> (accessed 22.02.2020) (In Heb.)

12. Hirschauge O. Move over bitcoin, make a way for the Isracoin. *Haaretz*. 27.03.2014. www.haaretz.com/Israel-news/business/.premium-farewell-bitcoin-welcome-isracoin-1.5339459 (accessed 22.02.2020)
13. Isracoin airdrop phase-I. <https://bitcointalk.org/index.php?topic=529409.msg6561798> (accessed 28.02.2020)
14. Isracoin phase-II Staggered release model. <https://bitcointalk.org/index.php?topic=529409.msg7110649#msg7110649> (accessed 28.02.2020)
15. Israel's virtual currency Isracoin is officially launched today. <https://www.telecomnews.co.il/המטבע-הווירטואלי-הישראלי-יצא-היום-לדרך-Isracoin.html> (accessed 28.02.2020) (In Heb.)
16. Avni H. After Bitcoin: meet the first Israeli digital currency. *Kikar ha-Shabbat*. 10.06.2014. <https://www.kikar.co.il/abroad/ההכירו-את-המטבע-הדיגיטלי-הישראלי.html> (accessed 28.02.2020) (In Heb.)
17. Жидкова Л.Ю. Перспективы криптовалют в экономике Израиля. Институт Ближнего Востока. 01.01.2018. (Zhidkova LY. Prospects for Cryptocurrency in the economy of Israel. Institute of Middle East Studies. M.) (In Russ). <http://www.iimes.ru/?p=40366> (accessed: 29.02.2020) (In Russ.)
18. Ben Zion I. Skeptical welcome for the new Israeli digital currency. *Times of Israel*. 27.03.2014. www.timesofisrael.com/skeptical-welcome-for-new-israelo-cryptocurrency/ (accessed 02.03.2020)
19. Starkman R., Boksbaum N. Eli Ben-Sasson, Technion professor created a digital coin and thinks that Bitcoin is ingenious. *The Marker*. 13.04.2018. <https://www.themarker.com/markweek/1.5993734> (accessed 28.02.2020) (In Heb.)
20. Doybnya A. Zcash Price analysis - how much will ZEC cost in 2019-20-25? <https://www.u.today/zbash-price-prediction-how-much-will-zec-cost-in-2019-20-25> (accessed 18.02.2020)
21. Rick D. Why Edward Snowden likes Zcash despite the controversial founder's reward. *News BTC*. 05.02.2019. <https://www.newsbtc.com/2019/02/05/snowden-zcash-founders-reward/> (accessed 18.02.2020)
22. Peterson P., Wilcox Z. Zcash in Brazil and South Africa. <https://electriccoin.co/blog/zbash-in-brazil-and-south-africa/> (accessed 23.02.2020)
23. Kim E. Coinbase slammed for Venezuela Zcash airdrop being an "advertising strategy". www.bitcoinist.com/coinbase-zcash-airdrop-venezuela/ (accessed 23.02.2020)
24. Carrick J. Bitcoin as a complement to emerging market currencies. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2016. Vol. 52, № 10, pp. 2321-2334. DOI: 10.1080/1540496X.2016.1193002
25. Hayek F.A. Denationalisation of money: the argument refined. An analysis of the theory and Practice of Current Currencies. London, The Institute of Economic Affairs, 1990.
26. Dallyn S. Cryptocurrencies as market singularities: the strange case of Bitcoin. *Journal of Cultural Economy*. 2017. Vol. 10, № 5, pp. 462-473. DOI: 10.1080/17530350.2017.1315541
27. Notice to the public regarding possible risks in decentralized virtual currencies (such as Bitcoin). Bank of Israel, 19.02.2014. <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Pages/19-02-2014-BitCoin.aspx>. (accessed 23.02.2020)
28. Public consultation on the establishment of an infrastructure for immediate payment in Israel. Bank of Israel, 15.11.2017. <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/pages/15-11-17.aspx> (accessed 28.02.2020)
29. Scheer S. Israel Central Bank mulls issuing digital currency for faster payments. *Reuters*, 24.12.2017. <https://reuters.com/article/us-israel-cenbank-currency/israel-central-bank-mulls-issuing-digital-currency-for-faster-payments-idUSKBN1EI0D5> (accessed 01.03.2020)
30. The Bank of Israel publishes summary of the work of the team to examine Central Bank digital currency. Bank of Israel, 06.11.2018. <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Pages/6-11-18.aspx> (accessed 28.02.2020)
31. Even S. Internet currencies and national security. Institute for National Security Studies. *INSS Insight*, 2017, № 1003. <https://www.inss.org.il/publication/internet-currencies-national-security/> (accessed 01.03.2020).
32. HAMAS and the Popular resistance committees called on their supporters to donate money using the virtual currency Bitcoin. The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, 03.02.2019. <https://www.terrorism-info.org.il/en/hamas-popular-resistance-committees-called-supporters-donate-money-using-virtual-currency-bitcoin/> (accessed 28.02.2020)
33. Has ISIS been defeated? Overview and possible developments after the fall of ISIS's enclave in the lower Euphrates valley. The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, 25.03.2019. <https://www.terrorism-info.org.il/en/isis-defeated-overview-possible-developments-fall-isis-enclave-lower-euphrates-valley/> (accessed: 28.02.2020)
34. Weimann G. Going Dark: Terrorism on the Dark Web. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2016. Vol. 39, № 3, pp. 195-206. DOI: 10.1080/1057610X.2015.1119546
35. Whyte C. Cryptoterrorism: assessing the utility of blockchain technologies for terrorist enterprise // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2019, pp. 1-24. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1531565
36. Keatinge T., Keen F. Social media and (counter) terrorist finance: a fund-raising and disruption tool. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2019. Vol. 42, № 1-2, pp. 178-205. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1513698

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Юбилей Михаила Нуайме в Москве

© 2020 М. НИКОЛАЕВА

DOI: 10.31857/S032150750009879-8

НИКОЛАЕВА Мария Владимировна, к.ф.н. доцент, ст.н.с. Отдела литератур народов Азии ИВ РАН (losmarinik@mail.ru)

Резюме. Статья рассказывает об организованной РУДН и Ливанским домом в Москве Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения крупнейшего ливанского и арабского писателя Михаила Нуайме (1889-1998). В ней участвовали российские и арабские востоковеды, религиозные деятели, представители организаций и учреждений образования и культуры, принимавших участие в переводах творчества М.Нуайме на русский язык. В XX столетии Михаил Нуайме сыграл ведущую роль в истории становления и укрепления российско-арабских духовных, литературных связей. В его творчестве отразились нравственные искания и религиозно-философские представления современного человека, поиски истоков и закономерностей взаимоотношений отдельной личности с окружающим миром.

Ключевые слова: Михаил Нуайме, Ливан, арабская литература, образование, культура, православие, востоковедение, русский язык

FRIENDS' FACES. Anniversary of Mikhail Nuaime in Moscow

Maria V. NIKOLAEVA, Dr.Sc. (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (losmarinik@mail.ru)

Abstract. The article presents to the wide range of readers as well as the scientific community the information about the International Scientific Conference organized by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) and the Lebanese House in Moscow, dedicated to the 130th anniversary of great Lebanese and Arab writer Mikhail Nuaime (1889-1998) with the participation of Russian and Arab orientalists, religious figures, politicians, official persons of many organizations, educational and culture institutions, taking part in large activities of M.Nuaime's works translations into Russian. Among them representatives from Institute of Asian and African Countries (MSU), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, A.S.Pushkin Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, spiritual leaders of Antioch Patriarchate, Poltava Theological Seminary, officials from Ministry of Culture of Lebanon, Lebanese State University, Associations of Soviet and Russian universities' graduates in Lebanon, diplomatic persons from the Embassy of the Lebanese Republic in Russia, Representative Offices of the League of Arab Countries in Moscow, UNESCO Representative Offices and the Embassy of Arab Countries in the Russian Federation. Mikhail Nuaime - the great modern Arab writer of Lebanese origins, played a leading role in the process of formation and strengthening of Russian-Arab spiritual contacts and literary relations of XX century. His works reflected complex moral quests, religious and philosophical representations of the modern individual, a deep and concern search for the origins and patterns of relations and secret ties between a human person and the world around him.

Keywords: Mikhail Nuaime, Lebanon, Arabic literature, education, culture, Orthodoxy, Oriental studies, Russian Language

В ноябре 2019 г. в Российском университете дружбы народов (РУДН) состоялась Международная научная конференция, организованная Ливанским домом в Москве и РУДН и посвященная 130-летию со дня рождения крупнейшего ливанского и арабского писателя Михаила Нуайме (22.11.1889 - 28.2.1998).

Для участия в этом форуме были приглашены востоковеды, религиозные деятели, политики и организации, принимавшие участие в переводах творчества М.Нуайме на русский язык. Среди них - преподаватели и ученые ИСАА МГУ, Института востоковедения РАН, Института русского языка имени А.С.Пушкина, РУДН, а также представители Антиохийского патриархата, Полтавской духовной семинарии, министерства культуры

Ливана, Ливанского государственного университета, Ассоциации выпускников советских/российских ВУЗов в Ливане, посольства Ливанской Республики в России, Лиги арабских государств (ЛАГ), ЮНЕСКО и посольств арабских стран в РФ.

Конференцию открыл проректор РУДН С.В.Базавлук. С приветствиями к участникам обратились посол Ливана в РФ Шауки Бу Нассар; представители: ЛАГ, Блаженнейшего Патриарха Антиохийского и всего Востока при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси, настоятель подворья Антиохийской церкви в Москве митрополит Филиппопольский Нифон (Сайкали), Ассоциации выпускников вузов СССР в Ливане, Союза писателей России и Союза писателей Ливана. Были зачитаны

приветственные письма от министра культуры Ливана и ректора Ливанского университета.

На конференции с докладами выступили российские, ливанские и арабские ученые-востоковеды, дипломаты, общественные деятели.

Николаева М.В., ст.н.с. Отдела литератур народов Азии ИВ РАН, доцент МГЛУ раскрыла некоторые существенные особенности понимания *природы человека и космоса* в произведениях Михаила Нуайме. Экс-декан Института социальных наук Ливанского университета **Мохаммед Шайя** выявил в *философии Михаила Нуайме ее восточные источники*. Петербургский историк **Дзевановский В.М.** поделился новыми открытиями в своем сообщении - «*Письма Михаила Нуайме из петербургского архива*». **Бильк И.Е.**, к.ф.н., доцент РГГУ, познакомила собравшихся с результатами своих многолетних исследований в области *синтеза религиозных традиций в художественной прозе Михаила Нуайме*. **Али-Заде Э.А.**, ст.н.с. Отдела литератур ИВ РАН рассказала о высказываниях Михаила Нуайме *о русской литературе* на основе своих исследований истории русско-арабских литературных связей [1].

Весьма познавательными стали выступления: **Царегородцевой И.А.**, к.и.н., доцента Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ - «*Груда камней: арабы и "арабскость" глазами М.Нуайме*», и представителя министерства культуры Ливана **Мишала Маайки** *об образе женщины в творчестве Михаила Нуайме*.

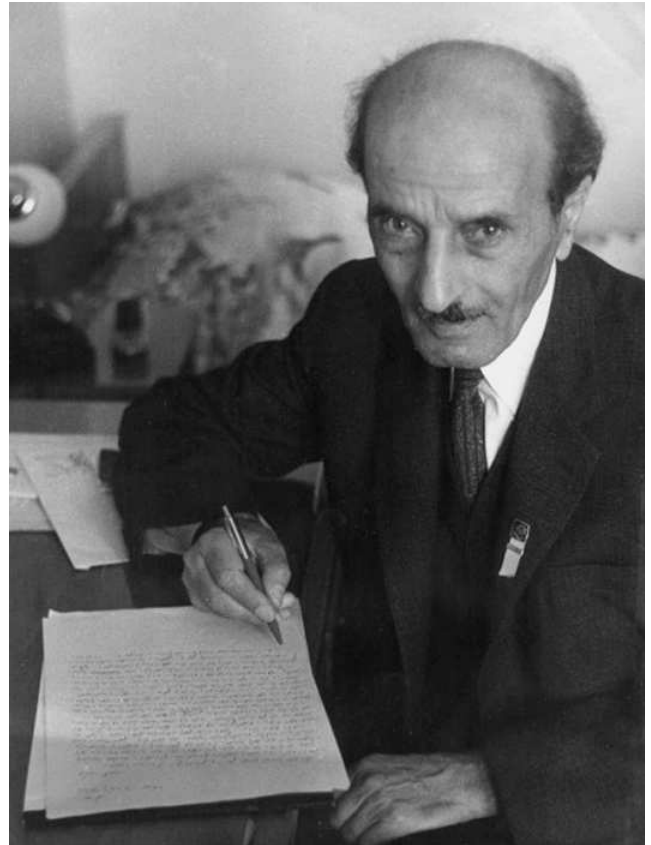
Ливанский писатель и переводчик **Имад ад-Дин Раеф** представил на конференции созданный им документальный фильм *об отношениях М.Нуайме с СССР и выпускниками советских ВУЗов*.

В заключительном докладе заведующая кафедрой иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, заведующая секцией арабского языка, к.ф.н., доцент **Лукьянова Г.О.** подвела итог исследованию *механизмов отражения актуальных проблем современности в творчестве М.Нуайме* на материале его романа «Мои семьдесят лет».

По завершении конференции состоялось награждение победителей студенческого конкурса переводов художественных произведений М. Нуайме, организованного в 2019-2020 учебном году на базе арабского отделения Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

На форуме отмечалось значение творческой личности М.Нуайме и его почитателей в России и арабских странах для понимания истоков и сегодняшнего дня русско-арабского духовного единства в столь сложный период современной истории Ближнего Востока.

Михаил Нуайме является первым и самым известным ливанским выпускником учебного заведения на территории бывшей Царской России - Полтавской духовной семинарии. Любовь к России и Советскому Союзу он сохранил на протяжении всей своей жизни и до самой кончины являлся почетным председателем Ассоциации ливанских выпускников ВУЗов СССР.

Михаил Нуайме

По праву М.Нуайме считается патриархом-основоположником современной сирийской и ливанской философской прозы, а Россия, с которой связан важнейший период его творческого и нравственного становления, стала важнейшей вехой в его долгой и духовно насыщенной жизни.

Перу писателя принадлежат сборники первых в арабской литературе XX столетия современных коротких рассказов, таких как «Были и небывлицы» (*кяна-ма-кян*) 1937 г.; критических статей «Сито» (*аль-гирбаль*), 1923 г., и др., пронизанных духом классической русской литературной критики XIX-XX столетий; драмы «Отцы и дети» (*аль-аба ва-ль-бунун*), 1918; «Иов», 1954 г. и другие сложные философско-религиозные произведения крупных форм («Воспоминания аль-Аркаша» (*музаккарат аль-аркаш*) 1949 г.; «Книга о Мирдаде» (*Китаб мирдад*), 1947 г., «Последний день» (*аль-яум аль-ахир*), 1963 г.); публицистические и автобиографические сочинения («Вдали от Москвы и от Вашингтона» (*Баидан ан муску ва мин вашинтун*), 1957 г.).

Идейно-художественные особенности уникального почерка писателя и духовный процесс становления его творческой личности отражены в программном произведении - автобиографии «Мои семьдесят лет», переведенной на русский язык и изданной в Москве в 1980 г. [2].

Как российские, так и арабские исследователи творческого наследия ливанского классика неиз-

менно исходят из представлений о том, что концепция человеческой личности в глобальном пространстве мироздания и в рамках конкретного социума складывалась в творчестве Михаила Нуайме именно в контексте идейно-эстетического воздействия классической русской литературы и, прежде всего, великого наследия Л.Н.Толстого.

Известно, что творческие откровения и философские идеи Толстого и других русских писателей - от Тургенева и Достоевского до Чехова и Горького - воплощены во многих художественных образах и философских построениях сирийских писателей XX века, мировоззрение и эстетические концепции которых формировались в процессе обогащения достижениями русской классики. Ливанский писатель и журналист XX в. Жорж Ханна писал: «Если человечество ставит во главе списка мировых писателей Толстого, Достоевского, Пушкина и Горького, то именно потому, что они дали миру яркую и правдивую картину современной им русской жизни...» [3].

При этом нельзя не отметить и тот факт, что особую значимость в подобном контексте приобретали для арабских литераторов понимаемые в духе восточной духовной традиции проблемы религиозного характера, осмысление взаимоотношений метафизического, философского и нравственного аспектов межконфессионального взаимодействия, бытия мира природы и человека в бесконечности Абсолюта.

В своих мемуарах «Мои семьдесят лет» М.Нуайме подчеркивает, что для него главным в творчестве русского писателя оказались выдающиеся нравственные искания и религиозно-философские построения, поиски истоков, закономерностей взаимоотношений отдельного человека с окружающим миром людей, природы и универсальным Абсолютом.

Подобное восприятие творческой личности Л.Н.Толстого характерно для духовной традиции стран Востока в целом, поскольку оно сближает идеи русского писателя со многими известными религиозно-философскими системами, сформировавшимися на протяжении тысячелетий в восточной культуре, неотъемлемой духовной компонентой которой является арабский мир со всей его сложной поликультурной и поликонфессиональной структурой, в которой особую значимость приобретают процессы поиска путей познания Абсолюта и универсальных истин человеческого бытия.

Для мировоззрения М.Нуайме характерна идея своеобразного космизма - восприятия ин-

дивидуальной сущности отдельной личности как микрокосма, взаимодействующего с безграничным пространством мироздания. Природу такого метафизического космизма М.Нуайме можно определить как своеобразный синтез православного христианского мировоззрения, вобравшего в себя толстовское учение о нравственном пути совершенствования человеческого природы на базе все более глубокого погружения ливанского писателя в традиции суфийской религиозной мистики.

Многие идеи произведений Нуайме, как и его современников-единомышленников в Ливане XX столетия, связаны с осуждением вульгарного материализма, стяжательства как основного зла, грозящего, подобного древнему библейскому потопу, уничтожить теперь уже современное человечество. Поэтому неизбежным следствием порочной социальной структуры представляются в его романах войны - как страшное проявление торжества религиозно-этической категории зла, царящего в мире людей.

Социальные конфликты, понимаемые как конфликты нравственные, препятствуют, по мнению автора, установлению идеального общественного устройства, всеобщего универсального братства людей, лишённого государственных границ преступлений и войн, религиозных и национальных конфликтов.

Эти представления обусловили особое дружественное отношение Нуайме к России и Советскому Союзу, с которым он всегда оставался солидарен в борьбе за мир на планете и равноправие народов земли, в противовес господству буржуазного меркантилизма и алчности финансовых воротил, ведущих человечество по пути катастрофы.

Подводя итог своей долгой земной жизни в родной деревушке Бискинта на высокогорных склонах скалистого массива вечных снегов Шах-руба, словно бы стоя перед лицом Вечности, М.Нуайме писал:

«Ценность искусства, литературы, философии, религии - в их силе, способности создать преграду всему темному, кошмарному, злобному, страшному и безобразному, что до сих пор не перестает калечить жизнь человека на земле» [2].

Писатель-мыслитель, переживший все грандиозные и трагические катаклизмы XX века, Михаил Нуайме актуализирует в своем художественном творчестве философские искания духовных учителей человечества и наших великих предшественников, оставляя это нравственное наследие новым поколениям XXI столетия.

Список литературы / References

1. Али-Заде Э.А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Книга 1. М., ООО «Издательство МБА». 2014. 524 с., с илл. (Ali-Zade E.A. 2014. Russian literature and the Arab world (to the history of Arab-Russian literary contacts. Book 1. M.) (In Russ.)
2. Нуайме М. Мои семьдесят лет. М., Наука, 1980. 237 с. (Nuaim M. 1980. My seventy years. M.) (In Russ.)
3. Ханна Жорж. Жрецы храма (куххан уль-хейкаль). Роман. Пер. с араб. Издательство Иностранной литературы. М., 1955. 136 с. (Hanna Georges. 1955. Priests of the temple. Novel. Transl. from Arabic. M.) (In Russ.)

Трибуна соискателя

СОЗДАНИЕ «УМНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»
В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

© 2020 Н. ЛЕШАКОВА

DOI: 10.31857/S032150750009880-0

ЛЕШАКОВА Наталья Павловна, аспирантка, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (shiningn@yandex.ru)

Резюме. Республика Корея - одна из самых инновационных стран мира. Начиная с 2000-х гг., правительство сделало ставку на развитие инноваций и человеческого капитала. «Умные производства», с точки зрения автора, являются одной из наиболее интересных и перспективных форм внедрения инноваций. Статья анализирует создание в РК системы поддержки и развития «умных производств», цифровизации и автоматизации экономики.

Ключевые слова: Республика Корея, «умные производства», «4-я промышленная революция», инновационная экономика

DEVELOPMENT OF "SMART FACTORIES" IN THE REPUBLIC OF KOREA

Natalia P. LESHAKOVA, Post-graduate student, Lecturer, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (shiningn@yandex.ru)

Abstract. The Republic of Korea is one of the most innovative countries in the world according to different innovation ratings. Starting from 2000 government announced development of innovations and human capital as the main country's strategy.

In 2015, the main provisions of the strategy were formulated by President Park Geun-hye in the Creative Economy program and adopted at the state level. Currently the country's government is constantly looking for methods and forms of implementing innovations not only in high-tech industries but also in traditional manufacturing industries. Another important task of the government of the Republic of Korea is to include small and medium-sized businesses in the process of innovation development. Different ways of support were developed and presented by the government, among them "smart factories" is the most promising from the author's point of view. The article analyzes the experience of the Republic of Korea in creating a system of support and development of "smart factories" across the country. The success of the Republic of Korea in the digitalization and automation of the economy make its experience important and interesting in terms of proximity of the "fourth industrial revolution".

The article considers the basis for the development of the innovative economy in the Republic of Korea. Main means and methods of program implementation are given and described as well as prospects of further development.

Keywords: Republic of Korea, Smart Factories, Fourth Industrial Revolution, Innovation Economy

На протяжении последних лет в мире идет активное обсуждение «четвертой промышленной революции» и «индустрии 4.0»¹. Быстрое развитие высоких технологий, в особенности интернета, влияет не только на высокотехнологичные отрасли, но и постепенно оказывает все большее воздействие на традиционные отрасли, в т.ч. на промышленное производство [1]. В ряде стран, говоря об «умных производствах», имеют в виду модернизацию и развитие не только крупных промышленных комплексов, но и внедрение технических средств «4-й промышленной революции» в производственные модели малого и среднего бизнеса.

Создание «умных производств», «умных горо-

дов» и «умных домов» фактически позволяет внедрять технологии в повседневную жизнь - именно это является основной задачей «4-й промышленной революции». Для рассмотрения нами была выбрана Республика Корея (РК), которая, согласно различным рейтингам, является одной из наиболее инновационных стран мира, и уже начала перестраивать существующую структуру путем внедрения «умных производств».

Согласно *Bloomberg*, с 2012 г. РК занимает первую строчку в рейтинге инновационных стран мира [2], в рейтинге цифровой конкурентоспособности за 2019 г., по данным *IMD*, - 10-е место и 1-е - по инвестициям в НИОКР (в % от ВВП) [3].

¹ «Индустрия 4.0» - это часть процесса промышленной революции, которая базируется на интеграции новых информационных решений в промышленное производство. Новые достижения в области цифровых технологий позволяют персонализировать производство путем сбора и анализа данных в режиме реального времени, при этом повышая производительность производства (прим. авт.).

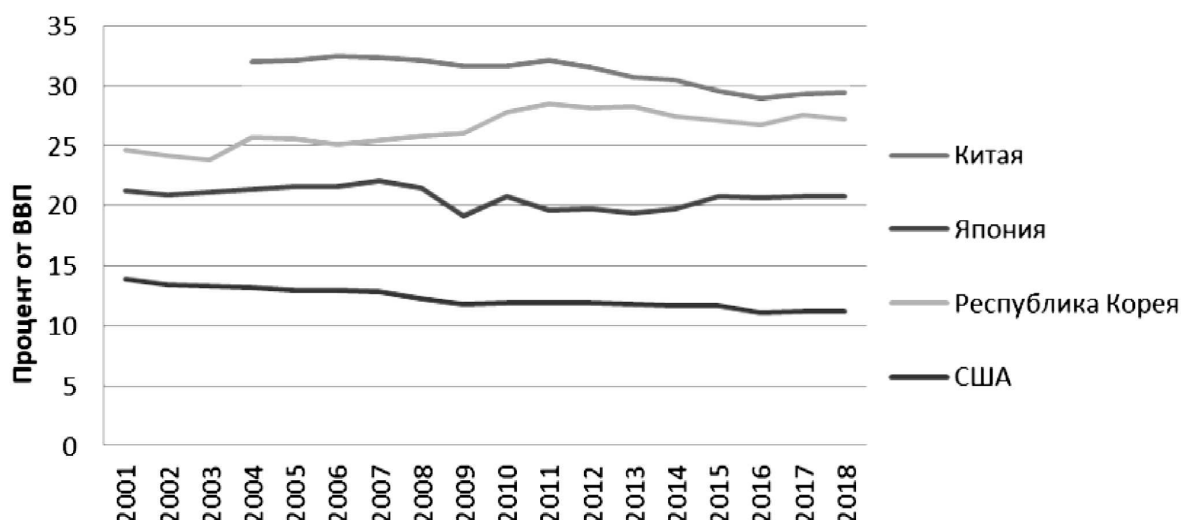

Диаграмма 1. Динамика изменений добавленной стоимости производства РК и основных торговых партнеров (в % от ВВП).

Рассчитано по: The World Bank (<https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>) (accessed 03.02.2020)

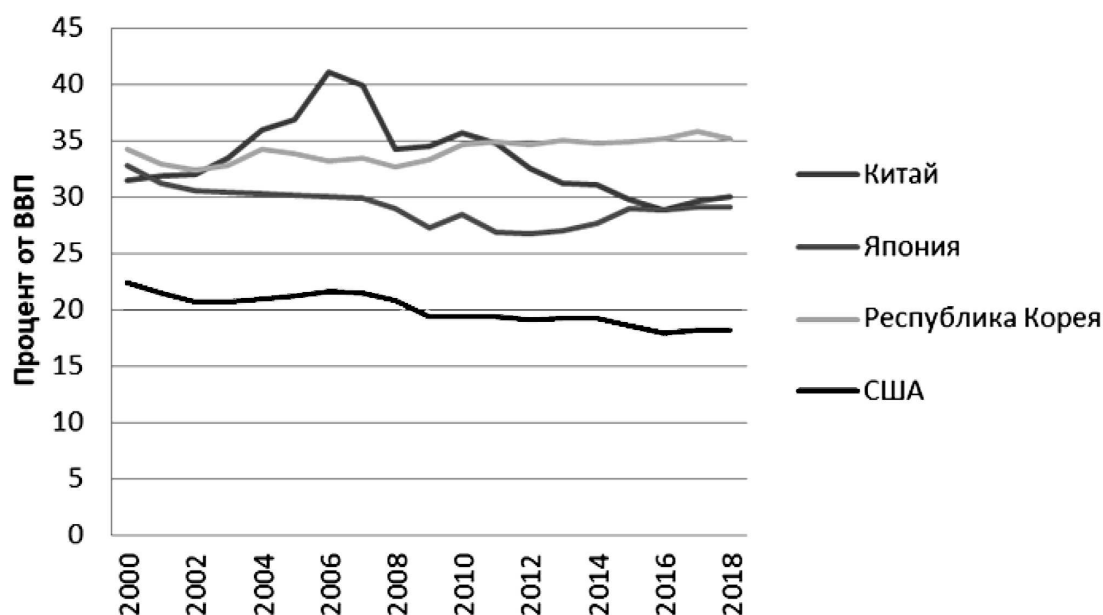

Диаграмма 2. Динамика изменений добавленной стоимости промышленности* РК и стран основных торговых партнеров (в % от ВВП).

* Промышленность, включая строительство.

Рассчитано по: The World Bank. <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.KD.ZG> (accessed 03.02.2020)

На государственном уровне принята программа поддержки и развития малого и среднего бизнеса, сделан упор на повышение эффективности путем внедрения инновационных технологий.

Особое внимание уделяется автоматизации и роботизации, прежде всего, ввиду замедления темпов экономического роста экономики РК, связанное с рядом внутренних (в т.ч. старение насе-

ления страны и снижение объема рабочей силы) и внешних факторов (быстро растущее не только в объеме, но и в качестве производство в Китае, повышение конкурентоспособности китайских товаров, в т.ч. в традиционно сильных для Кореи отраслях).

Говоря о важности и необходимости модернизации производства, необходимо отметить, что на

сегодняшний день добавленная стоимость производства в Республике Корея является очень высокой и составляет 27,22% от ВВП (см. *диагр. 1 и 2*), РК занимает 2-е место после Китая по этому показателю в регионе. При этом 97% энергии, используемой в производстве, импортируется в страну. Таким образом, только бережное отношение к использованию энергии может помочь корейским компаниям оставаться конкурентоспособными на мировых рынках. Снижение затрат на энергию возможно достичь путем повышения производительности и внедрения автоматизации на производстве.

Государственная политика РК в данном секторе способствовала развитию не только инноваций в широком смысле, но и ускорению создания «умных производств», «умных ферм» и «умных городов». Сделав в начале 2000-х гг. ставку на развитие инноваций и человеческого капитала, правительство страны непрерывно ищет методы и формы реализации поставленных задач. Так, уже в 2015 г. президентом Пак Кын Хе были сформулированы основные положения стратегии в программе «Креативная экономика» [4] и приняты на государственном уровне.

В рамках программы в 2015 г. была представлена стратегия развития промышленности - «Инновационное промышленное производство 3.0». Для поддержки стратегии был сформирован совет по исследованию стандартов - *Smart Factory и Korea Smart Factory Foundation* (Фонд корейских умных производств). Он был создан с целью эффективного реагирования на международные тенденции и осуществления своевременных шагов по стандартизации местных нормативных актов [5]. Основную поддержку стратегии оказывало министерство по развитию науки и технологий, а также, в рамках поддержки малого и среднего бизнеса, министерство торговли, промышленности и энергетики, задача которого состояла в интеграции «умных производств» в малый и средний бизнес.

Понятие «умное производство» включает в себя не только использование роботов на производстве, но и возможностей информационных технологий для отслеживания, синхронизации и оптимизации процессов производства, привлекая такие разработки, как: *Smart Sensor, CPS, 3D-печать, Интернет вещей (Internet of Things / IoT), Big Data, Голограммы*.

Разработанная в стране программа «Инновационное промышленное производство 3.0» предусматривает включение ИКТ во весь производст-

венный процесс, который, как ожидает правительство, позволит адаптировать и оптимизировать «умные производства» и повысить конкурентоспособность обрабатывающей промышленности. С этой целью правительство планирует инвестировать \$172 млн (200 млрд вон²) в год, и к 2020 г. построить 1500 «умных производств», а к 2022 г. увеличить эту цифру вдвое [6]. Основной отличительной чертой этой корейской программы является предоставление правительством поддержки местным малым и средним предприятиям с целью распространения технологий «умных производств».

Основные этапы формирования в РК модели развития «умных производств»:

- июнь 2014 г. «*Manufacturing Innovation 3.0*». Создание и разработка стратегии, определение основных задач и средств реализации. В рамках стратегии цели «умных производств» определяются как автоматизированные производственные системы, которые интегрирует в себе бизнес - процессы планирования, проектирования, производства, распространения и продаж, связанных разными видами информационных и коммуникационных технологий. Это позволяет произвести персонализированные продукты под конкретного клиента, не увеличивая, а возможно, снижая затраты по времени и стоимости, при этом повышая качество [7]. В соответствии с основной целью, есть два направления в применении технологии «умных производств»: «Превосходство в производстве» и «Персонализированное производство для повышения уровня сервиса»;

- декабрь 2015 г. «*Smart Manufacturing R&D Roadmap*». Разработка 8 основных технологий для развития инновационного производства, создание плана внедрения на 2016-2020 гг.;

- март 2016 г. «*Intelligence information industry development strategy*». Использование защиты информационных технологий, включая искусственный интеллект. Создание инвестиционной стратегии на 2016-2020 гг.;

- август 2016 г. «*National Strategy Project*». Правительством в рамках стратегии было отобрано 9 национальных стратегических проектов, среди которых: искусственный интеллект, виртуальная дополненная реальность, автономные транспортные средства, умный город и другие.

В начале 2017 г. Министерство малого, среднего бизнеса и стартапов (*MSS*) заявило о расширении проекта «Интеллектуальная фабрика» / «умные производства» в 2019 г., запланировав инвестировать \$305 млн, что в 2,6 раза больше, чем го-

² 1,206 южнокорейских вон (среднегодовой курс) = \$1 (прим. авт.).

дом ранее, в строительство 4000 интеллектуальных фабрик. В настоящее время инициируется поэтапное внедрение инициативы, чтобы к 2022 г. количество «умных производств» увеличилось до 30 тыс. [8]. Предусматривается ежегодное создание и модернизация 2800 государственных и 1200 производств частных компаний. Правительство предоставит поддержку, чтобы помочь обучить 40 000 квалифицированных специалистов по работе на полностью автоматизированных производственных площадках с помощью различных образовательных программ [9]. Чтобы малые и средние компании могли должным образом создавать «умные производства», в 2019 г. *MSS* увеличила верхний предел финансовой поддержки для новых и старых заводов до \$89 тыс. и \$133 тыс., соответственно [10].

Также были упрощены процедуры подачи заявок и отбора производств, что позволит компаниям быстрее настроить «умные фабрики». Срок рассмотрения, который раньше занимал 5 недель, теперь занимает всего 2 недели. Помимо этого, *MSS* предполагает создать производственные инновационные центры в 19 технопарках в Южной Корее, чтобы доработать свою систему отбора компаний и сделать возможным отбор напрямую в центрах. а к 2022 г. *MSS* планирует создать 25 пилотных заводов с производственными комплексами в технопарках. 5 из них будут пилотными заводами с производственными проектами поддержки инноваций, в которых используются роботы. Компании, отобранные для пилотных проектов, получают финансовую поддержку в размере до \$267 тыс., \$445 тыс. в том случае, если они связаны с производственными проектами поддержки инноваций, в которых используются роботы [11].

С приходом в 2017 г. нового президента, представителя Объединённой демократической партии³, Мун Чже Ина, стратегия на инновационное развитие была пересмотрена с точки зрения реализации, при этом акцент на отрасли «4-й промышленной революции» был усилен.

Учитывая накопленный опыт, правительство начало разработку новой стратегии производства. Приближая «четвертую промышленную революцию», была разработана программа, которая, с одной стороны, продолжает «Инновации в производстве 3.0», а с другой - углубляет ее. Программа

«*I-Korea 4.0*» [12] - это стратегия, направленная на то, чтобы привести Корею в новую цифровую эпоху, и один из самых важных политических проектов президента Мун Чже Ина и его администрации. Основные направления стратегии развития: интеллектуальная инфраструктура, 5G, интеллектуальная мобильность, конвергентные услуги и промышленное производство.

К середине 2019 г. общий объем продаж громкоговорителей искусственного интеллекта (*AI*) в стране составил чуть более 4,1 млн единиц, что в 2 раза больше, чем годом ранее. Динамики *AI* могут управлять различными интеллектуальными устройствами и предоставлять пользователям информацию в режиме реального времени. Также выросло число людей, подписавшихся на услуги, связанные с Интернетом вещей, их количество достигло 18,6 млн человек, что на 33,2% больше, по сравнению с годом ранее.

Это говорит о том, что технологии активно распространяются не только среди промышленных предприятий, но используются в повседневной жизни людей. Число пользователей мобильных устройств 5G, по состоянию на июнь 2019 г., достигло 1 млн. 5 апреля 2019 г. Корея стала первой страной в мире, которая запустила общенациональные подключения 5G, а в 2020 г. запланированы шаги по созданию сверхбыстрой интернет-инфраструктуры, способной обрабатывать 10 Гбит/с⁴ [13].

Высокие результаты развития инноваций в стране напрямую связаны уровнем затрат на НИОКР (см. табл.).

Как видно из таблицы, доля расходов РК на НИОКР в ВВП непрерывно увеличивается. Государственная программа поддержки и развития работает, и она оказала положительное влияние на привлечение частных инвесторов. Процент государственных инвестиций сокращается, а частных растёт, это говорит, в первую очередь, о том, что технологии успешно применяются частными компаниями, они заинтересованы в развитии технологий и их устраивает выстроенный государственный механизм поддержки данной сферы.

Сегодня в Республике Корея успешно функционируют различные виды «умных производств». Например, компания-производитель оборудования для авиационных двигателей, ко-

³ Объединенная демократическая партия выиграла на парламентских выборах 2016 г., опередив партию президента Пак Кын Хе «Свободная Корея» (123 места в парламенте против 122 у «Свободной Кореи»). В парламент также входит Народная партия - 38 мест и Партия справедливости - 6 мест (прим. авт.).

⁴ Высокая средняя скорость передачи данных 5G - от 1 Гбит/с. Фактически в Корее преступили к разработке следующего поколения сверхбыстрых соединений (прим. авт.).

Таблица

Расходы Республики Корея на НИОКР (*R&D investment budget*) (2008-2017)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Бюджет НИОКР (\$ млн)	289	318	368	419	465	498	535	554	583	661
Темпы роста бюджета (%)	10,2	9,9	15,6	13,8	11,1	6,9	7,5	3,5	5,2	13,5
% от ВВП	3,12	3,29	3,47	3,74	4,03	4,15	4,29	4,22	4,23	4,55
% государственных инвестиций из общего числа	26,8	28,7	28,0	26,0	25,0	24,0	24,0	24,7	23,6	22,5

Источник: National Science & Technology Information Service. <https://www.ntis.go.kr/en/GpExpenditureTotal.do> (accessed 04.02.2020)

торая подключила датчики *Bluetooth* к каждому устройству, созданному на заводе в Чангвоне. Датчики помогают компании отслеживать каждое устройство на протяжении всей сборки на заводе. Ранее штрих-коды служили для этой цели, но требовали постоянного сканирования линейными менеджерами. В то время как новые датчики, подключенные через технологию Интернет вещей, делают процесс доставки и управления конечным продуктом более эффективным и точным. Компания планирует иметь 2000 датчиков на своем заводе к концу 2020 г. и 20 тыс. - в следующем году. Завод, который начал работу в ноябре 2019 г., производит запчасти для мировых гигантов, таких как *General Electric* и *Pratt & Whitney*. Компания планирует снизить дефекты производства на 20% и повысить производительность на 14% [14].

Как пример использования высоких технологий для оптимизации портовой логистики, можно выделить компании *SK Telecom* и *Samsung Heavy Industries*, их тестирование работы морского судна с дистанционным управлением на базе 5G прошло успешно. Ожидается, что навигационная испытательная платформа для автономного и дистанционного управления на базе 5G значительно повысит безопасность судов, особенно при плавании в узких водах или вблизи берегов, и позволит осуществлять мониторинг местонахождения судов в режиме реального времени на основе массивных данных, отправляемых на платформу *IoT* [15].

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что на сегодняшний день реализация инновационной стратегии развития промышленного производства Республики Корея путем создания «умных произ-

водств», уже имеет хорошую основу. По данным IMD, в рейтинге цифровой конкурентоспособности за 2019 г. РК занимает 4-е место в мире по показателю «Future readiness» (готовность к будущему) [4]. Специалисты говорят о том, что на сегодняшний день РК все еще Необходимо отметить, что последовательность и проработанность государственной, понимание необходимости инноваций и своевременное реагирование на новые вызовы мировой экономики, сыграли ключевую роль в успешном становлении южнокорейской модели инновационного развития. Ставка корейского правительства на человеческий капитал в 2000 гг. [16], позволила стране стать лидером не только в организации «умных производств», но и в создании «умного общества», способного воспринимать и применять инновации.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются корейские «умные производства» - это сохранение экономической эффективности после внедрения инновационных технологий. Тем не менее, с учетом роста заработной платы и снижением трудоспособного населения в Республике Корея, многие специалисты считают, что инвестиции оправданы.

По мнению автора, ряд методов поддержки и развития южнокорейской модели «умных производств» может быть применен и другими странами, в т.ч. и Россией. Инновации становятся важной сферой сотрудничества между РК и РФ. Сеул принял приглашение выступить партнером IX Международного форума «Открытые инновации 2020», который пройдет в Инновационном центре «Сколково» 19-21 октября 2020 г. Форум станет одним из важнейших мероприятий, приуроченных к 30-летию установления дипломатических отношений между двумя странами и 10-летию Фонда «Сколково» [17].

Список литературы / References

1. Morrar R., Arman H., Mousa S. 2017. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective. *Technology Innovation Management Review*. 7(11): 12-20. <http://doi.org/10.22215/timreview/1117> (accessed 27.01.2020)
2. These Are the World's Most Innovative Countries. *Bloomberg*. 22.01.2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds> (accessed 13.01.2020)
3. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019 results. IMD. <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/> (accessed 05.02.2020)
4. Official website of the Creative Economy Program. <http://policy.creativekorea.or.kr/eng/> (accessed 27.01.2020)
5. Ministry of Trade, Industry and Energy. http://english.motie.go.kr/en/tp/energy/bbs/bbsView.do?bbs_seq_n=411&bbs_cd_n=2 (accessed 27.01.2020)
6. Korean Government to Provide 30,000 Smart Factories to SMEs by 2022. *Business Korea Journal*. 08.03.2019. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=29806> (accessed 02.02.2020)
7. Smart Manufacturing: Past Research, Present Findings, and Future Directions. *International Journal of Precision Engineering and Manufacturing-Green Technology*. 2016 3(1): 111-128. https://www.researchgate.net/publication/291553126_Smart_manufacturing_Past_research_present_findings_and_future_directions (accessed 18.01.2020)
8. The Korean government unveiled plans aimed at boosting the country's small and mid-size manufacturing companies, including the establishment of 30,000 smart factories by 2022. *Business Korea Journal*. 14.12.18. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27454> (accessed 01.02.2020)
9. New Economy Drivers and Disrupters. *Bloomberg*. <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-new-economy-drivers-and-disrupters/south-korea.html> (accessed 20.01.2020)
10. Uniqueness of Korea's Industry 4.0. *Business Korea Journal*. 23.11.15 (<http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=13092>) (accessed 25.01.2020)
11. The Republic of Korea creates «smart factories». *ETnews*. 12.02.2019 (In Kor.) <https://www.etnews.com/20190212000246> (accessed 29.01.2020)
12. National program of Korea Republic (In Kor.). <https://www.msit.go.kr/web/msipContents/contentsView.do?cateId=mssw01174&artId=1373921> (accessed 23.01.2020)
13. Korea makes steady headway in Industry 4.0. *The Korean Herald*. 01.07.2019. <http://www.theinvestor.co.kr/view.php?ud=20190701000594> (accessed 04.02.2020)
14. Hanwha Aerospace. https://www.hanwha.com/en/news_and_media/hanwha-insight/smart-factories-transition-from-automation-to-intelligence.htm (accessed 02.02.2020)
15. SKT, Samsung Heavy succeed in testing 5G-based remote control ship. *The Korean Herald*. 10.12.2019. <http://www.theinvestor.co.kr/view.php?ud=20191210000644> (accessed 04.02.2020)
16. Кукла М.П. Политика по созданию креативной экономики в Южной Корее. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2(15) с. 147-151. (Kukla M.P. 2016. The policy of creating a creative economy in South Korea. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. № 2(15)). (In Russ.) (accessed 10.01.2020)
17. Южная Корея выступит страной-партнером форума «открытые инновации 2020». *Открытые инновации*. 2019. (In Russ.) (2019. South Korea will become a partner country of the Open Innovations 2020 Forum. *Open Innovations*). <https://openinnovations.ru/press-center/news/korea> (accessed 07.02.2020)

РЕЛИГИЯ, ВЕРОВАНИЯ, КУЛЬТЫ

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ШИВАИТСКАЯ СВЯТЫНЯ

© 2020 М. АЛЬБЕДИЛЬ

DOI: 10.31857/S032150750009881-1

АЛЬБЕДИЛЬ Маргарита Федоровна, доктор исторических наук, вед.н.с. Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН (albedil@inbox.ru)

Резюме. Статья посвящена комплексу Пашупатинатх в Непале - знаменитой шиваитской святыне и месту паломничества во всем индуистском мире. Здесь почитают древний образ Шивы-Пашупати, «владыки зверей», известный со времени протоиндийской цивилизации. Главный храм комплекса вместе с другими культовыми сооружениями образует обширное Поле Пашупатинатха. В почитании божеств и других ритуальных практиках, практически не исследованных в отечественном востоковедении, переплетена паниндуистская традиция с местной неварской с элементами архаики.

Статья основана на полевых наблюдениях автора.

Ключевые слова: Непал, индуизм, Пашупатинатх, Шива, паломничество, тиртха

THE MOST FAMOUS SHIVA SHRINE

Margarita F. ALBEDIL, Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (albedil@inbox.ru)

Abstract. The article deals with the sacred complex Pashupatinath, it is considered the main shrine of Shiva and a place of pilgrimage throughout the Hindu world. Here they worship the ancient image of Shiva-Pashupati as «the lord of the animals». It has been known since the days of the Proto-Indian civilization that existed in the Indus Valley and its tributaries in the III-II millennium BC, and created by the ancestors of the Dravids, who now inhabit southern India.

It can be assumed that Nepali Pashupati is a distant descendant of the Proto-Indian supreme god and therefore has Dravidian roots, but this hypothesis cannot be proved at present. The ancient shrine of Pashupatinath, the stone lingam of Shiva, is kept in the main temple of the complex. Together with other places of worship, it forms the vast Field of Shiva or Pashupati. It performs daily Nityapuja rituals, as well as many special Naimittikapuja rituals; the latter are most often associated with certain calendar dates, days of new moons and full moons, solstices, with the cycle of agricultural work, etc.

There are also many festive rituals of the annual cycle, both common to all Hinduism, and purely local. Pilgrims from all over the Hindu world come to Pashupatinath. But there are especially many of them going on the Great Night of Shiva, which is celebrated according to the lunar calendar in February-March. In Hinduism, two traditions are combined here: high, priestly, general Hindu and local, Newar, with the archaic elements. This phenomenon has hardly been studied in Russian oriental studies, although it deserves special attention.

This article is based on fieldwork of the author.

Keywords: Nepal, Hinduism, Pashupatinath, Shiva, pilgrimage, tirtha

Пашупатинатх, самая чтимая шиваитская святыня, - знаменитое место паломничества во всем индуистском мире. Он находится в Непале, на восточной окраине столицы Катманду.

ДРЕВНЕЕ БОЖЕСТВО

Шива, один из верховных богов индуизма, имеющий много ликов и ипостасей, присутствует здесь как Пашупати, что означает на санскрите «Владыка животных», или лучше сказать, «Повелитель тварей».

Это - едва ли не самый древний образ божества. Его истоки восходят ко времени протоиндийской цивилизации, существовавшей в долине Инда в III-II тыс. до н.э. и созданной предками дравидов, которые сейчас населяют юг Индии.

Далекий прототип Пашупати, условно названный протоШивой, изображен на нескольких печа-

тах, найденных археологами. Самый выразительный образ запечатлен на печати, найденной в 1920-х гг. в Мохенджо-Даро - ее так и называют: «печать Пашупати».

Рогатый бог-буйвол, главный персонаж протоиндийского пантеона, изображен восседающим на троне в окружении животных, символизирующих четыре стороны света. С правой стороны показаны тигр и слон, а с левой - носорог и буйвол. Голова божества увенчана буйволиными рогами, на которых видны 12 годовых колец, вероятно, знаменующих 12-летний цикл Юпитера, «год богов».

Лик божества, не то человеческий, не то буйволиный, скорее напоминает звериную маску. Вряд ли это случайно: буйвол, как и бык, во многих традициях воплощали мощную энергию творения и плодородия. Неслучайна и поза божества: на санскрите - *бхадрасана*, «поза, приносящая благо». Фаллос Пашупати, *лингам*, возбужден

Вид на храм Шивы-Пашупати.

и поднять вверх: это *урдхвалингам*. Позже в индуизме он стал отличительным признаком Шивы как йога, передавая идею восхождения семени: оно должно остаться внутри тела и способствовать его превращению в орудие духовного освобождения.

Жители протоиндийских городов почитали этого бога как владыку мира, которому подвластны все существа сотворенного мира, а также время и пространство [1, с. 203-207].

Это божество всплывает в исторической памяти на индийском субконтиненте примерно через 1000 лет после конца Протоиндийской цивилизации: Шива упоминается в ведах - священных текстах индоариев, пришедших на северо-запад Индии примерно в 1700-1300 гг. до н.э. [2, pp. 10-15]. Но здесь он всего лишь малозаметный персонаж, сливающийся с другим божеством - Рудрой.

С той поры Шива неуклонно возвышался, утверждая свое превосходство над другими богами, пока не стал одним из первостепенных божеств индуистского пантеона, разделив главенство с Брахмой и Вишну. За Шивой закрепилась функция разрушения мира, в то время как Брахма славился как его творец, а Вишну - хранитель. Однако преданные адепты Шивы уверены, что он не только разрушает мир, но и создает и поддерживает его без помощи других богов.

Древнее имя Пашупати вошло в гирлянду имен Шивы наряду со многими другими, но было переосмыслено: «*пашу*» (скот) стало восприни-

маться как души, а сам бог - как владыка душ, точнее, всего одушевленного, как высшая причина мира, его глубинная трансцендентная сущность. В Непале же сохранился не только архаический образ божества, но и его верховное положение в пантеоне, а также главенство в культе.

Весьма заметна роль Пашупати и в политической жизни государства. Непальцы считают его покровителем своей страны, а в бытность ее королевством до 2008 г. культ Пашупати был неразрывно связан с верховной властью. Со времени правления династии Личчхавов (IV-VIII вв.) некоторые непальские короли называли себя *пашупатибхаттарака* - «почитающие Пашупати» [3, с. 143-145].

Вероятно, и храм во славу Пашупати был возведен при Личчхавах, хотя из-за отсутствия надежных исторических источников и равнодушия непальцев к хронологии вряд ли можно установить достоверную дату [4, р. 17]. Вероятно, с той далекой поры он не раз перестраивался.

Современный храм построен в типичном для Непала стиле пагоды, с двухъярусной крышей; его считают шедевром местной архитектуры. Но главная роль святилища состоит в другом: он служит сакральным центром всего храмового комплекса, местом наивысшей божественной благодати, откуда она распространяется на все окрестное пространство.

В святой святыни храма, *гарбхагрихе*, хранится главная святыня Пашупатинатха - каменный *лингам* с четырьмя ликами, обращенными ко всем сторонам света. Непальцы считают его нерукотворным и самосущим, ссылаясь при этом на какую-нибудь легенду, в истинности которой никто не сомневается. Согласно одной из них, *лингам* случайно обнаружил в земле пастух, согласно другой - Шива сам явил себя в виде огненного фаллоса, есть и другие варианты происхождения чудотворной святыни. Европейцу увидеть ее нельзя. Тяжелые серебряные двери храма никогда не откроются перед неиндустрами и тем более европейцами; они не смогут попасть и в большой открытый храмовый двор.

Заманчиво предположить, что непальский Пашупати - далекий потомок протоиндийского верховного бога и потому имеет дравидские корни, но достоверных свидетельств этому нет.

Можно исходить из того, что из Индии в Непал во все периоды выплескивались миграционные волны, причем переселялись не только люди, но и почитаемые ими боги. Кроме общих предположений о том, что в долине Катманду сохранилось немало живой архаики, есть один воодушевляющий аргумент: храмовые служители культа Пашупати - дравидские жрецы. Это *пашупати-бхатты*, только они могут прикасаться к святыне в храме и совершать ритуалы: окроплять *лингам*, приносить жертвы рисом и цветами, подносить дары, рецитировать гимны, читать мантры и т.п. Они обязательно должны быть брахманами из Южной Индии, причем женатыми домохозяевами-*грихастха*, хотя их жены не принимают участия

в храмовых ритуалах. Предполагают, что традиция приглашать южноиндийских брахманов для культового служения Пашупати прослеживается, по меньшей мере, с XV в., а возможно, и с еще более раннего периода [5, pp. 20-24].

Примечательно, что в самой Индии, включая дравидоязычный ареал, образ Пашупати, как и его культ, в настоящее время мало распространен и по популярности несопоставим с непальским вариантом.

Как, когда и почему культ Пашупати мог оказаться в долине Катманду и прочно укорениться там на долгие века? На этот вопрос пока нет ответа. Как бы то ни было, Пашупати - один из самых почитаемых богов в Непале, а Пашупатинатх служит неизменным фокусом притяжения для его преданных приверженцев.

ПОЛЕ ПАШУПАТИНАТХА

Храм Шивы-Пашупати - одно из многих сооружений Пашупатинатха, огромного комплекса строений, раскинувшегося по обоим берегам реки Багмати. Священный статус реки непоколебим, несмотря на загрязнение сточными водами, мусором и останками трупов, сожженных на берегу. Для паломников, желающих совершить ритуальное омовение в ее водах, сооружены ступени-*гхаты*, на них же сжигают тела усопших. В домах на берегу реки старики и смертельно больные люди доживают отпущенные им дни; время их кончины определяет астролог. Никто не сомневается, что после смерти в таком священном месте можно обрести благоприятное будущее рождение, поэтому быть сожженным на берегу священной реки - мечта многих индуистов.

Основные храмы построены на западном берегу Багмати. Европейцам попасть туда нельзя, но с противоположного берега можно многое рассмотреть.

Главный храм окружен множеством разностильных и разновременных сооружений: храмов, святилищ, скульптур и т.п. Среди них - храмы священного лона Гухьешвари, местных богинь Пигамаи и Ватсалы, божественного змея Васуки и множество других. Здесь же находятся пещеры отшельников, ритуальные площадки и сооружения непонятного назначения. В одном из приютов, основанном матерью Терезой, заботятся о нищих и бездомных. Этому пестрому сакрально-архитектурному фону соответствует калейдоскопически меняющаяся мозаика лиц: местные богомольцы, священнослужители, торговцы, туристы, нищие попрошайки, аскеты-*садху*.

О последних следует сказать особо. В том или ином виде аскетизм присутствует во всех индий-

Пещеры отшельников.

ских религиях, но теснее всего он связан с индуистской традицией, где существует не один век. В Непале аскетизм не так широко распространен, как в Индии, поэтому *садху* в Пашупатинатхе - чаще всего выходцы из Индии.

Как ни парадоксально, но в строго ранжированном иерархически индуистском обществе аскеты занимают особое место. Отрекшиеся от социальных уз, они служат для мирян высоким духовным авторитетом, демонстрируя победу духа над плотью и превратностями этого мира, так что многие считают своим долгом поддерживать их пищей и одеждой [6, с. 108-110].

Шиваиты были и остаются наиболее ревностными из индуистских аскетов, поэтому в Пашупатинатхе их немало. *Садху* выделяются в пестрой толпе своим экзотическим обликом: они обнажены или облачены в шафранно-желтую одежду, знаменующую отречение от жизни, их бороды и волосы чаще всего нестрижены, на лбу виден нанесенный пеплом знак трезубца, атрибута Шивы и т.п. [7, pp. 150-153]. Как водится, не все *садху* благочестивы, попадаются и откровенные жулики, обманывающие доверчивых туристов. Среди храмовых строений и разномастной толпы резво и деловито снуют обезьяны, которые чувствуют себя полноправными хозяевами этого места.

Все это - *Пашупати кшетра*, Поле Пашупати - расположено в небольшом селении Деопатан, где живут преимущественно *невары*, автохтонное население долины Катманду. Это поле кажется причудливым напластованием разных временных слоев и пространственных искривлений. Здесь переплетаются высокие духовные устремления и низменные инстинкты, безоглядная вера и трезвый финансовый расчет, мистическая преданность божеству и скрупулезное делопроизводство.

С раннего утра и до позднего вечера, а иногда и ночью, здесь кипит жизнь. Рано утром непальцы приходят сюда, чтобы умиловить Пашупати и испросить у него благополучия во всех делах. Днем жрецы в храмах совершают предписанные ритуалы, главным образом, *пуджу* - подношение изображению божества или его символу воды для омовения и цветов, услаждение его музыкой и звоном колокольчиков, окуривание благовониями, приношение риса и плодов.

Вечером *пуджа* совершается на берегу Багмати. Это необычайно красочное зрелище, когда жрецы с зажженными светильниками слаженно двигаются под пение священных гимнов. Кроме обязательных ежедневных богослужений, совершается множество специальных ритуалов - *наймиттикапуджа*, связанных с определенными календарными датами, днями новолуний и полнолуний, солнцестояний, с циклом сельскохозяйственных работ и т.п. Здесь же проходит и множество праздничных торжеств годового цикла, как общих для всего индуизма, так и сугубо локальных, с красочными местными особенностями. Некото-

Садху в Пашупатинатхе.

рые ритуалы направлены на умиловление не только божеств, но и существ демонической природы [5, pp. 69-169].

ЗНАМЕНИТОЕ МЕСТО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Несмотря на длительную и непреходящую славу и известность в индуистском мире, Пашупатинатх не вписан в сакральную географию паниндуистской традиции.

В традиционной религиозной литературе, в храмовых путеводителях и дайджестах он не включен в перечень значимых объектов паломничества, именуемых *тиртхами*, которые обычно рекомендуются для посещения. *Тиртха*, место концентрации сакральной энергии, где можно телесно и духовно приблизиться к почитаемому богу, этимологически восходит к идее брода, перехода реки, водного потока, которому уподобляется жизнь человека в индуизме.

Путешествие к *тиртхам* как способ демонстрации благочестия и гарантированный путь обретения духовных заслуг распространено в индуизме, как ни в какой другой религии.

Институт паломничества, формировавшийся в Индии с древности, со временем превратился в разные виды религиозной, культурной и даже социально-политической активности, окрашен-

ной местным колоритом. Приверженные различным классификаторским схемам, индуисты предпочитают отправляться в паломничество по определенным маршрутным схемам с числовой символикой, например, 7 священных городов или 6 центров дравидского бога Муругана. Чрезвычайно популярен также обход 12 «огненных лингамов» - *джьотирлинга* Шивы, расположенных в разных частях Индии [8, pp. 140-142].

Пашупатинатх не включен в эту классическую схему высокой индуистской традиции, тем не менее, к обители непальского божества не зарастает народная тропа.

Лингам в храме почитается как священный «огненный лингам», а храм и все Поле Пашупати входит в сакральную географию Непала, занимая едва ли не самое почетное место. Паломников здесь можно встретить в любое время, чаще всего во время Шива-ратри («ночи Шивы»), которую празднуют в каждое новолуние. Но особенно много их бывает раз в году в праздник Махашиваратри - «Великую ночь Шивы». Она отмечается по лунному календарю и потому не имеет фиксированной даты. Праздник приходится на 14-й день темной половины месяца - *пхальгуна*: обычно это февраль-март [9, pp. 242-245]. Дата его проведения в этом году - 21 февраля.

На «Великую ночь Шивы» в Пашупатинатх стекаются даже не сотни, а тысячи паломников со всех уголков Непала и Индии. Они прилетают на самолетах, приезжают на автобусах, прибывают на легковых и даже грузовых автомобилях, а особенно фанатичные проделывают путь или хотя бы его часть пешком, неся на голове нехитрый скарб.

Паломники разбивают палаточные лагеря на Поле Пашупатинатха или вблизи него, поселяются в специальных жилищах или устраиваются на циновках прямо под открытым небом. Тяготы пути и неудобства никого не смущают, скорее наоборот, они воспринимаются как благо: за страдания во время паломничества обещают лучшее буду-

щее рождение. К тому же мучительные трудности пути к искомой цели напоминают сложное движение души к абсолюту.

В мифологическом разъяснении смысла и значения паломничества в Пашупатинатх на «Великую ночь Шивы», которое содержится в разных легендарных источниках, повествуется о некоем невежественном и ритуально нечистом охотнике - он ночью заблудился в джунглях. Спасаясь от диких зверей, охотник забрался на дерево и просидел там голодным всю ночь. Время от времени он пил воду, и ее капли, как и листья дерева, падали вниз на камень, оказавшийся *лингамом* Шивы. Так, сам того не подозревая, охотник совершил все необходимое для почитания Шивы в великую ночь: пост, ночное бдение, осыпание *лингама* листьями дерева и окропление водой. За это Шива взял охотника в свою обитель и даровал ему духовное освобождение.

Однако далеко не все паломники знакомы с таким объяснением ритуальных действий в праздничную ночь Шивы. Некоторые искренне считают, что они празднуют бракосочетание Шивы и Парвати или даже день рождения Шивы. Не все прибывшие на праздник придерживаются поста и совершают другие предписанные ритуальные процедуры [5, pp. 183-184].

Особенности паломничества, как и другие характеристики ритуальных практик в Пашупатинатхе, свидетельствуют, что индуизм здесь существует в двух, казалось бы, несовместимых, но на деле мирно сосуществующих вариантах, практически не изученных в отечественном востоковедении. Первый представлен высокой жреческой традицией, фактически паниндуистской, предписывающей ритуальную чистоту и безусловное вегетарианство, а второй - местной неварской разновидностью с элементами архаики, допускающей кровавые жертвоприношения и алкогольные возлияния.

Фото автора

Список литературы / References

1. Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений. *Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. II. Proto indica*. 1972. М., 1972. С. 178-245. (Knorozov Yu.V. 1972. Formal description of proto-Indian images. *Report on the study of proto-Indian texts*. M.) (In Russ.)
2. Edwin Bryant. The Quest for the Origins of Vedic Culture: The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford University Press. 2003. 387 p.
3. Лелюхин Д.Н. Возникновение царства Личчхавов в Непале по данным эпиграфики и «Гопалараджавамшавали». *Индия - Тибет: текст и вокруг текста*. Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте востоковедения РАН. СПб. 2004. С. 142-168. (Lelyuchin D.N. 2004. The emergence of the Lichchhav Kingdom in Nepal according to epigraphy and «Gopalarajavamshavali». *India - Tibet, the text and around the text*. SPb.) (In Russ.)
4. Hutt M. A Guide to the Art and Architecture of the Katmandu Valley. Gartmore: Kiscadale Publication. 1994. 240 p.
5. Michaels A. Siva in Trouble. Festivals and Rituals at the Paúpatinâtha Temple of Deopatan. Oxford University Press. 2008. 285 p.
6. Лысенко В.Г. Аскетизм в Индии: его принципы и основные формы. *Индийская философия. Энциклопедия*. М., Вост. лит. 2009. С. 107-114. (Lysenko V.G. 2009. Asceticism in India: its principles and basic forms. *Indian philosophy. Encyclopedia*) (In Russ.)
7. Majupuria T.C., Majupuria R.K. Sadhus and Saints of Nepal and India. Saharanpur - Kathmandu: Scholars Publishing House-Balkhu, Kumari Club, 2011. 376 p.
8. Chakravarti M. The Concept of Rudra-Hiva through The Ages. Delhi: Motilal Banarsidass. 1994. 219 p.
9. Anderson M.M. The Festivals of Nepal. New Delhi: Rupa Publication. 2010. 288 p.

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

ШОРТ-ЛИСТ АРАБСКОГО БУКЕРА-2020: МЕЖДУ ЭКСПЕРИМЕНТОМ И КЛАССИЧЕСКИМ ИСТОРИЧЕСКИМ РОМАНОМ

© 2020 В. ЗАРЫТОВСКАЯ

DOI: 10.31857/S032150750009882-2

ЗАРЫТОВСКАЯ Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (widaad@yandex.ru)

Резюме. Статья посвящена последней сессии наиболее заметного ежегодного события литературной жизни Арабского мира - *International Prize for Arabic fiction* (Арабскому Букеру). Кроме анализа романа-победителя 2020 г. «Спартанский двор» алжирского автора Абдель Вахаба Исауи, как не лишённые своеобразия характеризуются остальные 5 произведений-финалистов этого года. В связи с тем, что большинство отмеченных в лонг- и шорт-листах работ разных лет написано на историческую тематику, рассматривается вопрос о доминировании исторического жанра в арабской словесной культуре, несмотря на то что писатели Арабского мира не перестают экспериментировать со словом, откликаясь на новые веяния мировой литературы.

Ключевые слова: Международный Букер, Арабская литература, исторический жанр, Абдель Вахаб Исауи, «Спартанский двор»

SHORT LIST OF ARAB BOOKER-2020: BETWEEN EXPERIMENT AND CLASSICAL HISTORICAL NOVEL

Victoria N. ZARYTOVSKAYA, PhD (Pedagogics), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) (widaad@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the results of the last session of the most notable annual event of literary life in the Arab world - *International Prize for Arabic fiction* (IPAF, or Arabian Booker).

In addition to analyzing the 2020 winning novel «*The Spartan Court*» by Algerian author Abdelouaheb Aissaoui, which undoubtedly merit was his current humane character and well-used polyphony technique, the other 5 works of the finalists of this year, «*The Tank*» by Aliya Mamdouh (Iraq), «*Fardeqan: the Detention of Great Sheikh*» by Youssef Zeidan (Egypt), «*The King of India*» by Jabbour ad-Douayhi (Lebanon), «*The Russian Quarter*» by Khalil Alrez (Syria) and «*Firewood of Sarajevo*» by Said Khatibi (Algeria) are characterized by their originality. Each of them is considered in terms of innovation and significance for the modern literary process in the Arab world.

Due to the fact that most of the works noted in the long and short lists of the Arabic Booker of different years are written on historical subjects (they are as well mentioned in the article), the question is raised about the reasons for the dominance of the historical genre in the Arabic verbal culture as a whole. Despite the fact that the writers of the Arab world do not stop experimenting with the word, responding to new trends in world literature and mastering experimental methods, the novels created all the same within the framework of the traditional historical genre are more often popular and recognized by critics, no matter how different they are from their predecessors.

There are foundations for the relevance of the historical genre of Arabic literature - the genesis of history and literature and their close ties, the complex and grandiose history of the Arab countries that determines the life of the Middle East until this day.

Keywords: International Booker, Arabic Literature, historical genre, Abdelouaheb Aissaoui, «*The Spartan Court*»

Ежегодный *International Prize for Arabic fiction* (IPAF), известный как Арабский Букер, существующий под эгидой оригинального британского Букера с государственной поддержкой эмирата Абу-Даби, является, пожалуй, наиболее престижной литературной наградой Арабского мира, хотя и не самой крупной в денежном выражении.

В условия судейства с самого момента учреждения конкурса, разумеется, были заложены принципы аполитичности и отрицания предвзятости отношения к автору с точки зрения страны

его происхождения и пола [1]. Так, примечательно, что 2019 г. стал рекордным по количеству вошедших в длинный (16 книг) и короткий (6 книг) списки женских имен [2]. Начиная с победительницы Худы Баракят из Ливана с романом-перепиской «Ночные письма» («*Bariid al-layl*»), отмечены были Инаам Качачи (Ирак), Мейсалун Хади (Ирак), Мэй Минасса (Ливан), Умейма Абдулла аль-Хамис (КСА), Шахля Уджейли (Сирия) и Кафа аль-Зооби (Иордания), у которой, к слову, есть автобиографический роман об арабской сту-

дентке, открывающей для себя Россию, «Лейла, снег и Людмила» (2007 г.) и роман-притча «Вернись домой, Халиль» (2009 г.), блестяще переведенный ею же на русский язык [3].

Отдельно в правилах конкурса обращается внимание на то, что оцениваются не заслуги автора в их совокупности и не его популярность, а художественные достоинства и актуальная значимость конкретного, представленного на суд литературного произведения [1]. Так, на этапах длинного или короткого списков, уступая менее известным именам, в разные годы «вычеркивались» такие художники слова, как Салим Баракят (Сирия), Васини аль-Аарадж (Алжир), Мубарак Рабии (Марокко), Амджад Нассер (Иордания), Амир Таг Аль-Сир (Судан), Синан Антун (Ирак), Тайсир Халеф (Сирия), Исмаил Фахд Исмаил (Кувейт), Ильяс Хури (Ливан), Мухаммед Манси Кандиль (Египет), Махмуд Шукейр (Палестина), Мухаммед Беррада (Марокко), Халед Халифа (Сирия) и др. Причем большинство из них за время существования Арабского Букера с 2008 г. номинировались неоднократно.

Тем не менее, нельзя не заметить следующую особенность, или «пристрастность», Арабского Букера: в лонг- и шорт-листах, а также среди книг-победителей доминируют романы исторического жанра, повышенная значимость которых для Арабского мира с его богатым историческим наследием, пережитым в Средневековье «золотым веком», колониальным прошлым и ростом национального самосознания, неизменно сохраняется.

Но у такой постановки проблемы есть и обратная сторона: как отмечают отечественные исследователи, многие литературные жанры не получают заслуженного внимания арабской публики. В частности, исследователь современной арабской литературы из СПГУ А.А. Мокрушина в статье «Будущее Египта глазами арабских писателей-антиутопистов» ссылается на арабского автора: «Сам Ахмад Халид Тауфик¹ подчеркивает: “Большинство людей все еще не осознает научную фантастику или не понимает ее”; по его мнению, полное осознание жанра придет не ранее, чем через полвека [4, с. 76].

Достаточно вспомнить, что первым лауреатом Арабского Букера в 2008 г. стал Баха Тахер из

Египта с романом «Оазис заката» («*Wahat al-ghuruub*») о политическом и экзистенциальном опыте чиновника, сосланного в оазис Сивы после неудачной попытки переворота 1882 г.

Первенство в 2009 г. было отдано роману египетского писателя и исследователя рукописей Юсуфа Зейдана «Азазель» («*Azaazil*») о противостоянии первых христиан язычникам, переведенному, в т.ч., и на русский язык [5]. В 2012 г. - роману Рабии Джабера из Ливана «Друзы Белграда» («*Duruuz Bilghraad*»), повествующему о вынужденном изгнании горцев-друзов после гражданской войны 1860 г. на задворки Османской империи. В 2016-м - роману «Судьбы: концерт Холокоста и Накбы²» («*Masair: kunshertu al-Holocost wan Nakbah*») Рабая аль-Мадхуна (Палестина). В 2017-м - роману саудовца Мухаммеда Хасана Альвана «Маленькая смерть» («*Al-maut as-saghir*»), в центре которого фигура крупнейшего мусульманского философа-мистика XII-XIII вв. Ибн Араби.

В лонг-лист только 2020 г. вошли - «Война газели» («*Harb al-ghazaalah*») ливийки Айши Ибрагим о столкновениях первобытных ливийских племен и попытке осмысления мира доисторическим человеком³; «Последние дни паши» («*Aakhar ayyaam al-Baashaa*») Раши Адли из Египта - оригинальное расследование такого факта мировой дипломатии, как передача в дар жирафа пашой Мухаммедом Али французскому королю; «Сафарберлик⁴» («*Safarberlik*») саудовца Макбуля аль-Аляви, повествующий о высылке жителей Мекки в Дамаск на фоне восстания 1916 г. против Османской империи; захватывающий, наполненный легендами роман Мухаммеда Исси аль-Мутадаба «Золотые бани» («*Hammam az-thahab*») об истории евреев Туниса и поисках зарытых ими кладов, и «Эпоха аль-Мутанабби» («*Ribaath al-Mutanabbi*») Хасана Орида из Марокко - фантазия на историческом и поэтическом материале о перенесшемся в наше время великом арабском поэте раннего Средневековья.

В короткий список этого года также вошли два романа в историческом жанре - мэтра Юсуфа Зейдана «Фардакан: заключение великого шейха» («*Fardaqaan: iatiqaal ash-sheykh ar-raiis*»), биография Ибн Сины с фокусом на личную жизнь уче-

¹ Ахмед Халид Тауфик Фараг (1962-2018) - египетский романист, журналист и переводчик, считающийся пионером арабского хоррора и мэтром научной фантастики, наиболее известные из его произведений - «Утопия» (2008), «Словно Икар» (2015), «В мышинном коридоре» (2016) (прим. авт.).

² Накба (араб. - потрясение, катастрофа, катаклизм) - понятие, используемое рядом арабских источников применительно к исходу около 725 тыс. палестинских арабов вследствие Арабо-израильской войны (1947-1949 гг.) и Шестидневной войны (1967 г.) (прим. авт.).

³ Этот исторический период вообще редко затрагивается в мировой литературе; можно упомянуть «Силу сильных» Дж. Лондона, «Борьбу за огонь» Ж. Рони-старшего, «Ледяных богов» Г. Хаггарда, «Затерянную землю» А. К. Дойля. О нем меньше всего известно и поэтому труднее передать его атмосферу и создать убедительное художественное полотно (прим. авт.).

⁴ Сафарберлик - термин, частично арабского (*safar* - поездка), частично турецкого происхождения, означающий мобилизацию в Османской империи в ходе Второй балканской (1913 г.) и Первой мировой войн.

ного, и роман «Спартанский двор» («*ad-Diwaan al-Ispartiyyu*») молодого писателя из Алжира Абдель Вахаба Исауи (1985 г.р.), у которого «в копилке» уже две алжирские литературные награды - кувейтский *Suad al-Sabah Novel Prize* и Катара - *Novel Prize* (премия для арабоязычной литературы). Он же, как известно, стал призёром Арабского Букера-2020.

* * *

Роман «Спартанский двор» написан в стиле неоклассицизма и рассказывает о 1815-1833 гг., трагической истории Алжира - с момента поражения Наполеона при Ватерлоо до захвата французами прибрежных городов Алжира. Повествование ведётся от нескольких лиц, которые встают перед нами как живые свидетели истории. Это французский журналист газеты «Ля семафор», ужасающийся деяниями своих соотечественников на противоположном берегу Средиземного моря, когда обнаруживает на корабле в Марселе привезённые человеческие кости с разграбленных алжирских кладбищ, которые предполагалось использовать для отбеливания сахара. Другой - бывший солдат армии Наполеона, попавший в плен к пиратам и проданный в Спарте, мстящий всем и вся в этом городе за свои унижения, методично составляя план города для победоносного продвижения французской армии. А также - местные жители, из которых кто-то, как местные евреи, пытается обойтись малой кровью и приспособиться к любой власти - турецкой или французской, кто-то борется за свободу до конца, кто-то замыкается на своём горе. Наиболее тонко выписаны характеры местных жителей - непримиримого борца ас-Саляви и его возлюбленной Дуджи - поэтичным образом вне политики, единственным персонажем, который видит вещи сны, понимает знаки природы, вспоминает картины из своего детства.

Автор для более глубокого взгляда на историю применяет не только прием полифонии, но делит повествование для каждого из героев на три части - до кампании, захват города и его капитуляцию. А известный инцидент с опухолью, которым османский правитель Алжира ударил по лицу французского генерального консула, что послужило якобы причиной вторжения французских военных в Алжир в 1930 г., рассматривается как незначительный случай, при этом раскрывается заговор, построенный на том, что на самом деле Франция не могла справиться со своими долговыми обязательствами.

Основные мотивы романа актуальны до сих пор - противостояние Востока и Запада, попытки Турции распространить свое влияние на Арабский мир, неминуемый крах милитаристского строя (именно это послужило, по признанию автора, проведению параллели с греческой Спар-

той [6]), сохранение культурного наследия местных народов, благородные, но тщетные мечты спасти простого человека от надвигающейся на него махины колониализма и торговцев, сколачивающих свой капитал буквально на костях:

«Врач со скорбью перевернул в руках фрагмент некропной челюсти. И в этот момент я заметил ребёнка, выглянувшего из-за двери трюма. Он рыдал, взывая к нам поименно. Для моряков его не существовало. Его вопль слышали только я и доктор: Господин Дюпон, и это тоже будет причислено к победам вашего Великого Полководца?» [цит. по: 7, р. 21] (перевод с араб. - автора).

На наш взгляд, победа алжирского романа в Арабском Букере, а также тот факт, что еще одно произведение алжирского автора (упоминаемый ниже) - роман «Дрова Сараево», вошло в короткий список этого года, а другие два - «Лестница Троля» («*Salaalim Truulaar*») Самира Касими и «Смешение сезонов» («*Ikhtilaat al-mawaasim*») Башира Мефти) в длинный, говорит о небывалом подъеме алжирской арабоязычной литературы, пережившей сложные колониальный и постколониальный периоды, закончившиеся успешной арабизацией всеобщего образования.

* * *

Конкуренцию историческим романам упоминавшихся выше А.В.Исауи и Ю.Зейдана составили в 2020 г. не менее интересные произведения, высоко оцененные критиками.

Ливанский писатель Джаббур ад-Дувейхи в «Короле Индии» («*Malik al-Hind*») создает поразительно динамичный и насыщенный как событиями, так и смыслами текст, схватив нить которого читатель распутывает клубок от загадочного убийства главного героя, укравшего якобы оригинал картины Марка Шагала «Синий скрипач», к судьбам нескольких поколений семьи в духе магического реализма. На наш сторонний для Арабского мира взгляд, ад-Дувейхи мастерски изобразил пеструю картину местных характеров и противоречий, раздирающих ливанское конфессиональное общество на протяжении столетий по сей день.

Глубоким психологизмом отличился роман молодого алжирского писателя Саида Хатыби «Дрова Сараево» («*Hatab Saraaifuu*»), действие которого разворачивается в Алжире и на территории бывшей Югославии в конце XX века. Автор проводит параллели между героями-антагонистами Салимом и Иваной из этих двух стран, которые не могут забыть кровавые события (террор исламских экстремистов в Алжире и гражданскую войну на Балканах) спустя годы и тщетно пытаются начать обустроить свою жизнь. Оба не имеют представления о своем будущем и, как оказывается, далеко не всё знают о своем про-

шлом. Несомненным достоинством книги является раскрытие специфики, традиций и запретов славянского общества, в частности, межличностных и внутрисемейных отношений. И все это глазами писателя из Арабского мира.

На фоне кровавых и душераздирающих историй сирийский новеллист Халиль аль-Рез, переводчик А. Чехова и Е. Шварца, конструирует в своем произведении «Русский квартал» («*al-Hayy ar-russiyu*»), на первый взгляд, удивительно тихий и размеренный рассказ о войне, где герои, часть из них сотрудники российского культурного центра в Дамаске, закрываются от боевых действий в своем мирке. Слыша вдалеке раскаты орудий, они возлагают надежды на ими же выдуманных героев, предчувствуют, как угроза приближается к ним и что им придется что-либо предпринять.

Роман привлекателен именно углом зрения, под которым автор заставляет нас взглянуть на недавние события в Сирии и раскрыть заново характерную для русской литературы тему маленького человека. Персонажей нельзя назвать героями в полном смысле слова. Это слепой жираф, обитающий в зоопарке, дружащие между собой пудель с борзой и их хозяева - самые обычные люди, единственное желание которых продолжать жить своей, пусть даже мало примечательной жизнью. Что они могут противопоставить миру жестокости? Как поведут себя при виде первой крови?

Шестым в коротком списке стал роман иракской писательницы Алии Мамдух, обладательницы литературной премии Нагиба Махфуза, чье предыдущее произведение «Нафталин» («*Naftaaliin*») (1996 г.), переведенное на 7 языков,

стало предметом изучения исследователей Сорбонны [8]. Новый роман Мамдух «Танкер» («*at-Taankii*») - мозаика воспоминаний о выдуманной иракской женщине-архитекторе Афаф, покинувшей родину. Следы ее теряются, родственники и знакомые пишут о ней воспоминания, перед нами встают сцены иракской жизни, центральные улицы Багдада с их историей, и только в конце мы знакомимся с Афаф, когда описывается ее новая жизнь во Франции. Фрагментарность и непоследовательность событий романа можно назвать смелым для арабской литературы экспериментом.

* * *

Таким образом, следует признать, что исторический жанр в широком его понимании - от бесценных путевых заметок Средневековья Ибн Баттуты до самого громкого египетского романа XX века «Дети нашей улицы» нобелевского лауреата Нагиба Махфуза - доминирует в арабской литературе, востребован и развивается, находя современные формы и темы, которые эхом отдаются и по сей день в Арабском мире. И объяснение этому, дают сами арабские классики современности - Абдель Рахман Муниф и Гамаль аль-Гитани, напоминая нам своим творчеством о том, что «чем, как не повествованием из жизни народа, была история, пока не оформилась в науку, и что история и роман, выходя из одного источника - повествования, сплетаются» [9]. Или как зачинатель жанра исторического романа в новой арабской литературе, историк мусульманской цивилизации Джирджи Зейдан [10], автор «Аль-Амин и аль-Мамун» (в рус. пер. М. Дердирова и В. Руцакова), утверждающий, что историю читают только смешанную с фантазией [11].

Список литературы / References

1. About the Prize. <https://www.arabicfiction.org/en/about-the-prize> (accessed 03.05.2020)
2. Seven women on longlist for 2019 International Prize for Arabic Fiction. <https://www.thenational.ae/arts-culture/books/seven-women-on-longlist-for-2019-international-prize-for-arabic-fiction-1.810425> (accessed 02.05.2020)
3. Вавичкина Т.А. Власова Ю.Е. Интерпретация притчи о блудном сыне в романе Кафы аль-Зооби «Вернись домой. Халиль». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019, № 9, с. 100-105. (Vavichkina T.A., Vlasova Y.E. 2019. Interpretation of the parable of the prodigal son in the novel by Kafa al-Zoobi, «Return home. Khalil». *Philological sciences. Questions of theory and practice*. № 5) (In Russ.)
4. Мокрушина А.А. Будущее Египта глазами арабских писателей-антиутопистов. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 10, с. 71-76. (Mokrushina A.A. 2019. The future of Egypt through the eyes of Arab anti-utopian writers. *Azia i Afrika segodnya*. № 10) (In Russ.)
5. Зейдан Ю. Азazel. М. Астрель. 2013, 448 с. (Zeydan Y. 2013. Azazel. M.) (In Russ.)
6. Abdelouahab Aissaoui on publishing realities challenges and dreams in Algeria. <https://arablit.org/2020/02/04/abdelouahab-aissaoui-on-publishing-realities-challenges-and-dreams-in-algeria/> (accessed 05.05.2020)
7. Aissaoui A. Ad-Diwaan al-Ispartiyy. Algeria. Dar Mim, 2018, 386 p. (In Arab.)
8. Alia Mamdouh: Mothballs. <https://www.themodernnovel.org/asia/arab/iraq/mamdouh/naphthalene/> (accessed 02.05.2020)
9. The historical literature (In Arab.). <http://www.aljasraculture.qa/Article/Id/14361/التاريخية-الرواية> (accessed 21.04.2020)
10. Араслы Э.Г. Джирджи Зейдан и арабский исторический роман. М., Наука. 1967, 80 с. (Arasly E.G. 1967. Jurgi Zeydan and the Arab historical novel. M.) (In Russ.)
11. Arabic historical novel: heyday (In Arab.). <http://www.dar-ein.com/articles/534/العربية-التاريخية-الرواية/> (accessed 20.04.2020)

РЕЦЕНЗИИ

**АФРИКАНСКИЕ РОСТКИ
ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

© 2020 С. ВОЛКОВ

DOI: 10.31857/S032150750009883-3

ВОЛКОВ Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, зав Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики Африки ИАФР РАН (sergey.n.volkov@outlook.com)

Ключевые слова: Африка, Четвертая промышленная революция, технологии, трансфер, сотрудничество

AFRICAN SPROUTS OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Sergei N. VOLKOV, PhD (Economics), Head, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (sergey.n.volkov@outlook.com)

Review of the book: **African Economy in the Age of Global Technological Revolution** / Ed. E.V.Morozenskaya. Moscow, 2019. 206 p. (In Russ.)

Keywords: Africa, Fourth industrial revolution, technology, transfer, cooperation

По мере развития научно-технического прогресса его достижения все быстрее распространяются в периферийных странах мировой экономики. Так, например, первые попытки внедрения технологий Четвертой промышленной революции (ЧПР) были предприняты африканскими странами практически одновременно с развитыми. Однако, поскольку условия для ее разворачивания на Африканском континенте существенно образом отличаются от развитых государств, то и сама ЧПР в этом регионе мира, ее основные направления, достижения и возникающие в связи с ней угрозы имеют значительные особенности.

Анализу различных аспектов начавшейся в Африке ЧПР и посвящен рецензируемый сборник статей «**Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции**» (отв. редактор Е.В.Морозенская. М., ИАФР РАН, 2019. 206 с.).

Сборник состоит из двух разделов, первый из которых посвящен изучению общих направлений технологической модернизации в Африке, а второй - научно-технологическому развитию ведущих африканских стран. Предваряет его предисловие Е.Морозенской, в котором автор поднимает вопросы как об особенностях подключения африканских стран к происходящим технологическим изменениям, так и об их приспособлении к последствиям ЧПР путем проведения соответствующих

ющей промышленной политики на национальном, региональном и континентальном уровнях.

Справедливо полагая трансфер технологий важнейшим инструментом выравнивания уровня доходов между развитыми и развивающимися странами, автор указывает на то, что в условиях ЧПР он может стать фактором усиления экономического неравенства между ними, поскольку развитые государства, определяющие в значительной мере структуру и темпы этой передачи, могут дифференцировать принимающие страны по различным, в том числе политическим, критериям (с. 10).

Наиболее приемлемыми для африканских стран способами передачи технологий, по мнению Е.Морозенской, являются внедрение подразделений и филиалами транснациональных компаний в принимающих государствах новых технологий или товаров, а также привлечение ими иностранных специалистов или обучение местного персонала за рубежом. Эти способы передачи технологий в наибольшей степени апробированы и приемлемы для африканских стран по сравнению с приобретением лицензий или импортом высокотехнологичных товаров с последующей организацией их производства на национальных предприятиях.

В последние годы все более заметную роль в трансфере технологий в Африку играет Китай,

достигший заметных успехов во внедрении в национальную экономику технологий ЧПР и лидирующий в экспорте высокотехнологичной продукции. Сотрудничество с ним в этой области, полностью свободное от политических пристрастий и подрывающее монополию развитых государств на трансфер технологий, дает африканским странам возможность получать их на наиболее приемлемых условиях.

Вопросы китайско-африканского взаимодействия в области трансфера технологий ЧПР детально анализируются в статье Т.Л.Дейч. Она приходит к выводу о том, что в технологическом плане Китай занял лидирующие позиции на Африканском континенте (с. 118).

Особенно существенный вклад Китай вносит в цифровизацию африканской экономики. Ее «становым хребтом» в ближайшие десятилетия станут сети 5G, которыми компания *Huawei* планирует обеспечить население континента. Помимо этого, важным африканским проектом этой китайской компании в области цифровизации является также развернувшееся строительство волоконно-оптической сети со скоростью передачи данных 16 терабайт в секунду, которая соединит Азию с Африкой, а затем и с Европой.

Значительно более сложным и затратным путем освоения новых технологий в Африке, чем их трансфер, как справедливо отмечается в рецензируемом сборнике, является самостоятельное проведение НИОКР за счет собственных средств, а также финансовой и научной помощи. Возникающие на этом пути препятствия (в первую очередь, нехватка средств на финансирование НИОКР), можно преодолеть за счет развития межафриканского сотрудничества в сфере науки, технологии и инноваций, а также продвижения региональной интеграции.

Перспективы межафриканского сотрудничества в сфере технологической модернизации детально рассматриваются в статье О.В.Константиновой. Автор отмечает понимание лидерами африканских государств роли науки, технологий и инноваций в экономическом развитии континента и достигнутый ими консенсус в отношении необходимости объединения совместных усилий в этом направлении. Он нашел проявление в принятии Совместного плана действий в области науки и технологии на 2005-2014 гг., который предусматривал создание сети региональных центров передового опыта и повышение мобильности ученых на континенте (с. 126). После его завершения была утверждена Стратегия в области науки, техники и инноваций для Африки, рассчитанная до 2024 г. Для ее реализации были также приняты Континентальная стратегия образования и Континентальная стратегия технического и профессионального образования и обучения.

Отмечая ряд успехов в развитии науки, технологии и инноваций, достигнутых благодаря координации совместных действий африканских стран, О.Константинова указывает и на существующие в этом отношении проблемы: ограничен-

ность денежных средств, в т.ч. из-за незначительного участия частного сектора в финансировании научно-технического прогресса; нехватку квалифицированных научно-технических кадров; отсталость естественнонаучного образования в школах из-за отсутствия качественных учебных программ и недостатка подготовленных учителей, а также продолжающуюся «утечку мозгов» (с. 129).

Ограниченные рамки рецензии не позволяют оценить такие освещаемые в сборнике чрезвычайно важные аспекты ЧПР, как создание агропромышленных парков в качестве перспективной формы модернизации сельскохозяйственного производства в Африке (Н.Г.Гаврилова) или возможности совершенствования человеческого капитала и роста производительной занятости (И.Б.Маценко).

Остановимся лишь на двух концептуальных статьях: о формах внедрения технологий ЧПР в индустриальном секторе континента (Л.Н.Калиниченко) и цифровой трансформации экономики как вектора развития Африки (З.С.Новикова).

Автор первой из них совершенно справедливо отмечает, что для того, чтобы находиться в русле ЧПР, индустриализация в Африке должна носить инновационный характер. Однако, как в результате «решоринга», т.е. возвращения промышленных предприятий из развивающихся в развитые страны, так и под воздействием других причин на континенте происходит «преждевременная деиндустриализация», в результате которой доля промышленности в африканском ВВП снизилась с 17% в начале 1990-х гг. до 11% - в 2015 г. (с. 20).

Главной формой внедрения достижений ЧПР в Африку, по мнению

Л.Калиниченко, являются технологические хабы. По состоянию на 2018 г., на континенте было зарегистрировано 442 различных по масштабам, целям и бизнес-моделям технологических хабов, в т.ч. 59 - в ЮАР, 55 - в Нигерии, 34 - в Египте, 30 - в Кении, 25 - в Марокко, 24 - в Гане, 17 - в Тунисе, 16 - в Уганде и по 13 - в Зимбабве и Сенегале (с. 26).

Кроме того, автор детально анализирует деятельность различных типов кластерной формы африканской экономики (индустриальных парков и специальных экономических зон) в качестве важного фактора внедрения достижений ЧПР.

Если признанными мировыми особенностями ЧПР является ее широта и глубина, а также системное воздействие, то внедрение ее новейших технологий в Африке способствует на современном этапе модернизации лишь отдельных секторов. Это объясняется тем, что в развитых странах различные технологии ЧПР развиваются параллельно широким фронтом, способствуя развитию друг друга, в то время как в африканских реалиях существует явный лидер - информационно-коммуникационные технологии.

Анализируя динамику информационно-коммуникационного сектора в Африке, З.Новикова отмечает, что средний уровень индекса развития ИКТ на континенте в 2017 г. был самым низким

в мире: из 176 обследованных Международным союзом электросвязи стран в первую сотню вошли лишь 6 африканских государств - Маврикий, Сейшельские острова, ЮАР, Тунис, Кабо-Верде и Марокко (с. 83). Вместе с тем, Африка является континентом с наиболее динамичным приростом числа пользователей Интернета, в т.ч. и мобильного, причем темпы роста мобильной связи вдвое превышают мировые показатели. Распространение широкополосного мобильного Интернета в Африке способствовало заметному развитию электронной торговли и мобильного банкинга.

Характерной чертой технологической трансформации экономики стран Африканского континента, в т.ч. и развитие ИКТ-сектора, является, по мнению автора, преимущественная адаптация и внедрение проверенных зарубежных технологий и бизнес-практик, а не стремление к разработке собственных.

Во втором разделе сборника рассматривается научно-технологическое развитие таких государств Африки, как Египет (В.К.Поспелов), Кения (Н.Ф.Матвеева), Нигерия (Т.С.Денисова, Н.Г.Гаврилова) и ЮАР (Ю.С.Скубко). Наибольший интерес представляют две последние страны, лидирующие в этой области на континенте.

Авторы самой фундированной статьи рецензируемого сборника - о цифровой экономике Нигерии - детальнейшим образом рассматривают следующие ее аспекты:

- технология блокчейн, которая позволит отслеживать бюджетные расходы (и тем самым бороться с широко распространенной в стране коррупцией), расширить доступ к финансовым услугам, создать единую базу данных и проводить свободные и честные выборы;

- трехмерная печать;
- мобильная широкополосная связь 5G;
- Интернет вещей;
- облачные технологии.

Т.Денисова и Н.Гаврилова приводят интересную таблицу (с. 152), характеризующую вклад сектора мобильной связи в экономику Нигерии и Африки в целом, которая свидетельствует о его более высоком уровне развития в этой стране по сравнению со среднеафриканскими показателями (хотя было бы полезно сравнить их также с показателями мировых лидеров, чтобы понять место Нигерии в мировых табелях о рангах). Большая заслуга в быстром прогрессе нигерийского сектора ИКТ принадлежит Национальному агентству по развитию информационных технологий.

Если статья о научно-технологическом развитии Нигерии представляется наиболее фундированной в данном сборнике, то описание этого процесса в ЮАР видится наиболее эмоциональным. Ю.Скубко не скрывает своих чувств, описывая процесс утраты страной многих достижений пред-

шествовавшей эпохи, которые обуславливают стагнацию национальной экономики, ее деиндустриализацию в результате углубляющегося управленческого кризиса, коррупционного перерождения властных и силовых структур, а также проведения неолиберальной политики деэтизации. Однако, несмотря на откат назад по ряду позиций в научно-технологическом развитии или, в лучшем случае, топтания на одном месте, ЮАР пока продолжает сохранять лидирующие позиции в этой сфере на Африканском континенте.

Как известно, ведущими международными организациями, публикующими данные об уровне развития науки и технологии в мире, являются Всемирный банк, ОЭСР и ЮНЕСКО. Преимущественно на базе приводимой ими информации рассчитываются два инновационных индекса: *Bloomberg Innovation Index* и *Global Innovation Index*, свидетельствующие об уровне технологического развития различных стран. В 2019 г., по данным первого из них, ЮАР занимала 51-е место в мире, опережая все страны Африки¹, а второго - 63-е, но тоже сохраняла лидерство на континенте².

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что рецензируемый сборник статей «**Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции**» является первой попыткой анализа чрезвычайно важного и актуального пласта африканских проблем и вызовов. Представляется важным продолжение разработки этой тематики, при этом следует уделить внимание не только изучению нынешнего состояния внедрения достижений ЧПР в странах континента, но и динамике этого процесса, его особенностей.

После проведения первого Саммита и Экономического форума «Россия-Африка» (г. Сочи, октябрь 2019 г.) данная проблематика приобрела не только академический, но и значительный практический интерес, поскольку большое внимание участников этих мероприятий было уделено перспективам развития российско-африканского технологического сотрудничества. Об этом ярко свидетельствует простое перечисление некоторых проведенных в рамках Форума сессий: «Компетенции России для Африки», «Россия - Африка: наука, образование и инновации для развития экономики», «Вклад атомных технологий в развитие Африки», «Цифровая трансформация как драйвер развития государства», «Технологический суверенитет и безопасность в цифровом мире: ответы на вызовы завтрашнего дня».

В этой связи при разработке данной тематики в будущем необходимо акцентировать внимание на поиске наиболее перспективных сфер и форм развития сотрудничества в области трансфера российских технологий ЧПР в Африку с учетом возможностей РФ, местных реалий принимающих стран континента и опыта деятельности в этом направлении иностранных конкурентов.

¹ Bloomberg Innovation Index 2019. <https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2019/> (accessed 18.03.2020)

² Global Innovation Index 2019 rankings. <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report/> (accessed 18.03.2020)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

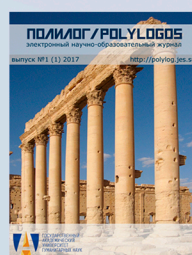
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).